

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «КУБГУ»)

На правах рукописи

ХАРИТОНОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

**СЕТЕВОЙ ДИСКУРС КАК ФАКТОР ПРИНЯТИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РЕГИОНАХ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Гнедаш Анна Александровна
кандидат политических наук, доцент

Краснодар 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ	30
1.1 Сущность, уровни и факторы принятия политических решений в сетевом обществе.....	30
1.2 Институты публичной власти в структуре принятия политических решений	44
1.3 Сетевой дискурс в публичном цифровом пространстве	55
2 СЕТЕВОЙ ДИСКУРС И ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	78
2.1 Российские регионы как институциональная среда принятия политических решений.....	78
2.2 Сетевой дискурс в жизненном цикле политических решений субъектов публичной власти: региональные кейсы	94
2.3 Официальный дискурс губернаторов и сетевой дискурс региональных сообществ в процессе принятия политических решений: точки пересечения и линии расхождения	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	159

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современной России процессы цифровизации, сетевизации и медиатизации существенно меняют условия публичного управления и принятия политических решений. Социальные медиа, сетевые сообщества, цифровые платформы и каналы прямой коммуникации региональной власти с населением превращаются в устойчивую среду, в пределах которой формируются информационные поводы, публичные ожидания, кризисные интерпретации и запросы на управленческое реагирование. Для регионального уровня данная трансформация приобретает особую значимость, поскольку восприятие безопасности, устойчивости и управляемости ситуации напрямую коррелирует с присутствием органов власти в цифровом пространстве, публичной коммуникацией глав субъектов РФ и обратной связью в части решения проблем, претензий и требований граждан. В подобной конфигурации сетевой дискурс оказывается включённым в пространство публичного управления как значимый элемент формирования повестки, управленческого внимания и публичной легитимации решений.

Научная значимость темы усиливается наличием острого социально-политического противоречия. Цифровые платформы расширяют возможности участия граждан в публичной политике, сокращают дистанцию между населением и органами власти, повышают скорость обратной связи и создают дополнительные каналы включения локальных проблем в региональную повестку. Одновременно платформенная архитектура усиливает алгоритмическую фильтрацию, эмоционализацию, селективное распределение внимания и циркуляцию спорных интерпретаций, вследствие чего публичное обсуждение становится более фрагментированным и менее устойчивым к манипулятивным воздействиям. В результате возникает дефицит научного знания: каким образом сетевой дискурс воздействует на различные стадии жизненного цикла политического решения, через какие механизмы информационные поводы и события в цифровом

пространстве приобретают управленческую значимость и в каких пределах институциональная логика публичной власти сохраняет определяющую роль.

Несмотря на наличие значительного массива исследований, посвящённых дискурсу, сетевому обществу, публичной политике, цифровым коммуникациям и теории принятия решений, сохраняется лакуна научного знания между указанными направлениями. До сих пор отсутствует сформированная концептуально-методологическая рамка, позволяющая в единой логике описывать переход от информационного повода, возникающего в цифровом пространстве, к политически значимой проблеме с включением ее в повестку публичного управления, формирование альтернатив, институциональное согласование и реализацию решения, его оценку и возможный перезапуск процесса принятия политических решений.

В ещё меньшей степени разработаны воспроизводимые инструменты анализа влияния сетевого дискурса на политические решения применительно к региональной публичной политике, где пересекаются официальная коммуникация губернаторов, сетевые сообщества, локальные медиа, экспертные акторы и гражданская цифровая активность. По данной причине исследование сетевого дискурса в связи с процессами принятия политических решений сохраняет высокую теоретическую и прикладную значимость.

Степень научной изученности темы исследования. В рамках темы данной диссертационной работы целесообразно выделить несколько групп исследований, последовательно раскрывающих дискурсивные, сетевые, коммуникативные, управленческие и политико-процессуальные аспекты заявленной проблематики.

Первая группа работ посвящена политологическому и социально-философскому осмыслению дискурса и сетевого дискурса. В трудах Т. ван Дейка¹ дискурс рассматривается через связь языка, коммуникации и доминирования, что задает важную теоретическую основу для анализа власти в символическом

¹ Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. – М. : Либроком, 2013. – 344 с.

пространстве. Т. А. Капитонова¹ исследует сетевой дискурс в историко-философской перспективе и показывает, как менялось его понимание в различных направлениях философской мысли. М. Г. Бреслер² развивает эту линию, помещая сетевой дискурс в контекст западной и восточной философских традиций. Н. П. Сиркия³ сопоставляет политический дискурс и политический интернет-дискурс, уточняя их сходства и различия в когнитивном аспекте. А. Н. Глущенко⁴ рассматривает интернет-дискурс с точки зрения его статуса во Всемирной паутине и влияния на повседневную жизнь. В. И. Карасик⁵ и А. Б. Бушев⁶ раскрывают жанровую, структурную и целевую организацию сетевого дискурса. А. Н. Черняков и Р. А. Дунаев⁷ обращаются к вопросам самореализации политического дискурса в сети. В совокупности данные исследования формируют исходную теоретическую базу для анализа сетевого дискурса как особой формы политической коммуникации.

Вторая группа работ связана с проблематикой социальных сетей в офлайн- и онлайн-пространствах. Классические основания сетевого подхода восходят к трудам Э. Дюркгейма⁸, Г. Зиммеля⁹ и Ф. Тенниса¹⁰, в которых были заложены представления о социальных связях, формах общности и структуре

¹ Капитонова Т. А. Сетевой дискурс в философии: история и современность // Философия и социальные науки. – 2012. – № 1/2. – С. 9–13.

² Бреслер М. Г. Сетевой дискурс западной и восточной философии // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – № 4 (8). – С. 264–274.

³ Сиркия Н. П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – № 2–2 (10). – С. 164–170.

⁴ Глущенко А. Н. Интернет-дискурс, его статус во Всемирной паутине и влияние на повседневную жизнь // Молодой учёный. – 2015. – № 8 (88). – С. 9–13.

⁵ Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. – 2019. – № 1(21). – С. 49–55; Он же. Репортативы в сетевом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6(72). – С. 20–27.

⁶ Бушев А. Б. Цели сетевого дискурса как основание его классификации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2022. – № 2(50). – С. 86–102.

⁷ Черняков А. Н., Дунаев Р. А. Политический дискурс в аспекте самореализации в сети Интернет // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – № 1(9). – С. 107–111.

⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 575 с.

⁹ Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семёнов В. А. Формальная социология Г. Зиммеля // Западная теоретическая социология. – М.: Ольга, 1996. – 286 с.

¹⁰ Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2002. – 448 с.

взаимодействия. А. В. Зеленювская¹ исследует основные признаки интернет-дискурса в социальных сетях и тем самым переводит сетевую проблематику в плоскость современной цифровой коммуникации. Существенный вклад в развитие систематического анализа социальных сетей внесли Р. С. Берт², Дж. А. Берт, Б. Веллман³, М. Грановеттер⁵, К. Карлей, Д. Кракхардт⁶, Д. Р. Уайт⁷ и Х. Уайт⁸. Их работы раскрывают структурные свойства сетей, значение слабых связей, визуализацию персональных сетей, социальный капитал, а также вопросы связанности и встроенности социальных групп. Для настоящего исследования данный корпус работ важен постольку, поскольку позволяет рассматривать цифровую коммуникацию не как совокупность разрозненных сообщений, а как сеть устойчивых связей и взаимодействий.

Третья группа работ раскрывает вопросы социальной коммуникации и коммуникативных процессов. Макросоциологические основания анализа социальной коммуникации представлены в работах Т. Парсонса⁹ и Н. Лумана¹⁰, где

¹ Зеленювская А. В. Своеобразие Интернет-дискурса (на материале социальной сети Facebook) (Признано экстремистской организацией) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10(40). – С. 61–65.

² Берт Р. С. Сетевая структура социального капитала. – М. : Мысль, 2000. – 200 с.

³ Hogan B., Carrasco J. A., Wellman B. Visualizing Personal Networks: Working with Participant-Aided Sociograms // Field Methods. – 2007. – № 2(19). – P. 116-144.

⁴ Marin A., Wellman B. Social network analysis: An introduction. In J. Scott & P.J. Carrington (Eds.) // The Sage handbook of social network analysis Thousand Oaks, CA: Sage. – 2011. – P. 11–25.

⁵ Грановеттер М. Сила слабых связей: Сетевая теория Revisited. // Экономическая социология. – 2009. – № 4. – С. 31–50.

⁶ McGratha C., Blytheb J., Krackhardt D. The effect of spatial arrangement on judgments and errors in interpreting graphs // Social Networks. – 1997. – № 3 (19) – P. 223–242.

⁷ Moody J., White D. R. Structural Cohesion and Embeddedness: A Hierarchical Concept of Social Groups // American Sociological Review. – 2003. – № 1(68). – P. 103–127.

⁸ White H. Identity and Control, 2nd ed. // Cambridge University Press, Cambridge. Social Networks. – 2007. – № 29(4). – P. 609–616.

⁹ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М. : Академический Проект, 2000. – 880 с.; Он же. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / пер. с англ. Н. Л. Поляковой // Американская социологическая мысль: Тексты / сост. Е. И. Кравченко ; под общ. ред. В. И. Добренкова. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. – С. 494–526; Он же. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 269 с.

¹⁰ Луман Н. Невероятность коммуникации / пер. с нем. А. М. Ложеницина ; под ред. Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. – Вып. 3 / отв. ред. А. О. Бороноев. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000; Он же. Общество общества : В 3 кн. Книга 1: Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. – М. : Логос, 2004. – 232 с; Он же. Почему необходима «системная теория» // Проблемы теоретической социологии / под ред. А. О. Бороноева. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1994. – С. 43-54.

раскрываются системные и структурные параметры общественного взаимодействия. Коммуникативное действие и коммуникационный дискурс получили развернутое теоретическое обоснование в трудах Ю. Хабермаса¹, что имеет особое значение для понимания публичной сферы и легитимации решений через коммуникацию. П. Бурдьё² предложил анализ устойчивых практик социального взаимодействия, а В. В. Почепко и Р. А. Хомелева³ исследовали власть как коммуникативную подсистему, основанную на связях и взаимодействиях. Данный корпус исследований позволяет описывать сетевой дискурс не только как технически опосредованную передачу сообщений, но и как форму социального действия, символического обмена и воспроизводства власти.

Четвертая группа работ посвящена сетевому обществу, интернету и цифровой среде как пространству социальных и политических изменений. Изменение современных коммуникативных процессов под влиянием сетевого общества осмысливается в исследованиях Д. Белла⁴, О. Тоффлера⁵, М. Маклюэна⁶, З. Баумана⁷, Э. Гидденса⁸, А. Шюца⁹ и М. Кастельса¹⁰, сформировавших широкий теоретический контекст изучения информационной эпохи, медиатизации и сетевой организации социальных взаимодействий. Возможность социализации человека

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.

² Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Е. Д. Вознесенская [и др.]; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.

³ Почепко В. В., Хомелева Р. А. Очерки о власти: новые подходы и интерпретации / НОУ «Ин-т экономики и финансов». Каф. социал.-гуманит. наук. – СПб. : НИИ химии, 1998. – 2000 с.

⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 2004. – 783 с.

⁵ Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. – М. : АСТ, 2002. – 776 с.

⁶ Маклюэн М. Понимание Медиа. Внешнее расширение человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. – 2-е изд. – М. : «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. – 464 с.

⁷ Бауман З. Текучая современность / пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.

⁸ Гидденс Э. Последствия модерна: Текст / реф. Н. Л. Поляковой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / под ред. Ю. А. Кимелева. – М. : ИНИОН РАН, 1995. – С. 81–94. (Серия «Социология»).

⁹ Шюц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / сост. Е. И. Кравченко ; под общ. ред. В. И. Добренкова. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996.

¹⁰ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.

через интернет-пространство рассматривается в работах О. Н. Арестовой, Д. Богданова, А. Е. Войскунского¹, Е. Ю. Журавлевой², И. Г. Опариной³ и А. А. Родионова⁴, где интернет анализируется как самостоятельная социальная среда, влияющая на формы коммуникации и включения индивида в общественные отношения. Н. А. Голубева⁵ рассматривает цифровую среду через особенности цифровой идентичности подростков и молодежи.

Проблематика публичной политики и ее трансформации в онлайн-пространстве раскрывается в работах И. В. Мирошниченко⁶, Н. А. Рябченко и И. В. Мирошниченко⁷, И. В. Самаркиной⁸, И. В. Мирошниченко и Е. В. Морозовой⁹, А. И. Кольбы¹⁰, Н. А. Рябченко¹¹, А. А. Гнедаш и И. В. Мирошниченко¹². В этих

¹ Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Московск. Ун-та. – 1996. – № 4. – С. 14–20. (Серия 14. «Психология»).

² Журавлева Е. Ю. Современная социология в сетевой цифровой среде: от вычислительных и электронных социальных наук к цифровым социальным исследованиям // Социс. – 2015. – № 8. – С. 25–34; Она же. К определению сети интернет // Технологии информационного общества - интернет и современное общество: труды VII Всероссийской объединенной конференции. – СПб. : Изд-во филологич. ф-та СПбГУ, 2004. – С. 8–10.

³ Опарина И. Г. Интернет в современном обществе: Социально-философский анализ: дис. канд. фил. наук: 09.00.11 / Сиб. аэрокосм. акад. им. акад. М. Ф. Решетнева / Опарина Ирина Геннадьевна. – Красноярск, 2005. – 142 с.

⁴ Родионов А. А. Интернет: Сущность и социальные функции, социологический подход: дис. канд. соц. наук: 22.00.01 / Родионов Андрей Андреевич. – Саратов, 2000. – 150 с.

⁵ Голубева Н. А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2020. – № 1. – С. 130-150.

⁶ Мирошниченко И. В. Эффекты и результаты сетевизации современной публичной политики // Вестник Пермского университета. Политология. – 2014. – № 4. – С. 42–69.

⁷ Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2012. – 173 с.

⁸ Самаркина И. В. Политическая картина мира в системе политического знания // Южно-российский журнал социальных наук. – 2013. – № 1. – С. 20–30.

⁹ Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82–102.

¹⁰ Кольба А. И. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин // Политическая наука. – 2020. – №3. – С. 52–73.

¹¹ Рябченко Н. А. Перспективы развития публичной политики в online-пространстве современной России // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2012. – № 3. – С. 107–111.

¹² Гнедаш, А. А., Мирошниченко И. В. Социальные сети как агенты институциональных изменений в публичной политике регионов: межрегиональные исследования // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 9. – С. 54–62.

исследованиях анализируются эффекты сетевизации современной публичной политики, институционализация публичной политики в онлайн-пространстве современной России, политическая картина мира в системе политического знания, контуры сетевой публичной политики, региональные и городские политические конфликты, перспективы развития публичной политики в сети, а также роль социальных сетей как агентов институциональных изменений в публичной политике регионов. Данный корпус работ образует непосредственный контекст для исследования сетевого дискурса в региональной публичной политике.

В работах Н. Н. Козловой, С. В. Рассадина, О. Г. Овчаровой и соавторов рассматриваются сетевой дискурс патриотических онлайн-сообществ, аксиологические основания дискурсивного поля семейных онлайн-сообществ, семейные и патриотические ценности в дискурсе онлайн-сообществ, а также материнство, детство и отцовские сообщества в современном российском интернет-дискурсе¹.

Другая группа работ связана с исследованиями А. А. Фролова и соавторов, в которых рассматриваются цифровые экосистемы, цифровые сервисы и искусственный интеллект в политике². Наряду с этим в данном блоке научных работ представлены исследования пользовательского контента как проявления микрополитики в цифровом пространстве, низовой гражданской активности в

¹ Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Сетевой дискурс патриотических онлайн-сообществ в современной России: проблемное поле и аксиологические модусы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 494–506; Козлова Н.Н., Рассадин С.В., Овчарова О.Г., Васильева Е.Н. Аксиологические основания дискурсивного поля семейных онлайн-сообществ современной России // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 100–111; Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Семейные и патриотические ценности в дискурсе онлайн сообществ // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2025. № 18. С. 112–117; Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Материнство и детство в современном российском интернет-дискурсе: аксиологическое измерение // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25. № 4. С. 20–38; Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Отцовские сообщества в современной России: дискурсы и практики // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Т. 9. № 1. С. 44–57.

² Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 622–637; Фролов А.А., Соколов А.В., Егоров Д.В. Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике // Управленческое консультирование. 2023. № 2 (170). С. 46–55; Соколов А.В., Фролов А.А., Гребенко Е.Д. Цифровые сервисы как этап развития экосистем в современной российской политике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 3. С. 210–225.

Ярославской области, практик студенческого участия, уклонения студенческой молодёжи от общественно-политической активности и возможностей вовлечения через студенческие объединения и диалоговые институты¹.

Работы коллег из Воронежского государственного университета раскрывают несколько смежных направлений исследования современной российской политики. В них рассматриваются динамика политических нарративов, электоральная динамика президентских выборов в Воронежской области, публичное оспаривание, политические протесты, новые кризисы, социальные размежевания и дискурсивные конфликты². Отдельно выделяются исследования регионального управления и институциональных практик: коллективное публичное лидерство в региональном законодательном процессе и стратегических сессиях, ротация губернаторского корпуса в федеральных округах, аналитические функции в сфере внутренней политики в исполнительных органах регионов, деятельность органов местного самоуправления в Телеграм-каналах и нормативно-правовое регулирование коммуникационной составляющей доступа к информации³.

¹ Прусов Д.А., Фролов А.А. Пользовательский контент как проявление микрополитики в цифровом пространстве (на примере местных онлайн-сообществ г. Ярославля) // Полилог. 2025. Т. 9. № 3; Фролов А.А., Исаева Е.А., Цветкова В.Ю. Особенности проявления и регулирования низовой гражданской активности в Ярославской области // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2025. № 3. С. 192–212; Соколов А.В., Фролов А.А. Практики низовой гражданской активности в Ярославской области: проблемы и результаты реализации // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 3 (128). С. 463–483.

² Савенков Р.В., Травянкина А.К. Динамика нарративов в политическом дискурсе Владимира Путина в условиях новой геополитической реальности (февраль 2022 — февраль 2025 г.) // Южно-российский журнал социальных наук. 2025. Т. 26. № 2. С. 23–39; Савенков Р.В., Щеглова Д.В. Динамика голосования на выборах Президента России в Воронежской области (2000–2024 гг.): результаты статистического анализа // Полилог. 2024. Т. 8. № 2; Савенков Р.В. Публичное оспаривание в политическом пространстве современной России: возможности и ограничения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 4. С. 78–82; Савенков Р.В., Шушлебин А.И. Политические протесты и попытки государственных переворотов: есть ли взаимосвязь? // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 2. С. 122–137; Глухова А.В. Новые кризисы, социальные размежевания, дискурсивные конфликты и проблема общественного единства в XXI веке // Политическая наука. 2022. № 3. С. 36–56.

³ Сосунов Д.В. Феномен коллективного публичного лидерства в региональном законодательном процессе Воронежской и Тамбовской областей // Политическая наука. 2023. № 1. С. 227–245; Глухова А.В., Сосунов Д.В. Стратегическая сессия как форма коллективного публичного лидерства (на примере Воронежской области) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 1. С. 5–13; Романовский А.А. Реализация аналитических функций в сфере внутренней политики в

Коллеги из Адыгейского государственного университета активно разрабатывают тематику исследований¹ макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе на материалах официальных Телеграм-каналов глав регионов и полномочного представителя Президента РФ в СКФО.

В совокупности данные работы формируют эмпирико-теоретический фон для анализа сетевого дискурса в региональной публичной политике. Они фиксируют внимание к ценностным режимам онлайн-сообществ, цифровым экосистемам и микрополитике, молодёжной и гражданской активности, региональному представительству, публичному лидерству, управленческим практикам и дискурсивным конфликтам. Для настоящего исследования этот научных работ корпус важен постольку, поскольку позволяет рассматривать сетевой дискурс не изолированно, а в связи с ценностными структурами, субъектами региональной политики, цифровыми форматами публичного взаимодействия и институциональными практиками принятия решений.

Пятая группа исследований связана с проблематикой публичного управления, принятия решений и политических субъектов сетевого общества. Теория публичного управления развивается в работах А. И. Соловьева², Л. В.

исполнительных органах регионов Сибирского федерального округа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. Т. 49. С. 34–42; Романовский А.А. Ротация губернаторского корпуса в регионах Дальневосточного федерального округа: тенденции и особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2024. Т. 30. № 2. С. 162–170; Романовский А.А. Основные тенденции ротации губернаторского корпуса в регионах Центрального федерального округа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 2. С. 73–77; Романовский А.А. Основные тенденции ротации губернаторского корпуса в регионах Сибирского федерального округа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 44. С. 12–20; Панчукова Т.А. Деятельность органов местного самоуправления в Телеграм-каналах: обзор российских городов-миллионников // Русская политология. 2023. № 4 (29). С. 44–49; Исаев П.А., Пивоваров А.А., Покидова Л.В. Нормативно-правовое регулирование коммуникационной составляющей управления политической доступом к информации // Власть. 2022. Т. 30. № 6. С. 117–121.

¹ Киреева И.В., Куква Е.С., Жаде З.А. Дискурс макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе (по материалам официальных телеграм-каналов глав регионов и полномочного представителя Президента РФ в СКФО) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 410–426.

² Соловьев А. И. Дискурсы и праксисы: может ли идеология помочь в управлении государством? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – № 1(88). – С. 7–29.

Сморгунова¹, О. В. Михайловой², А. В. Баранова³ и А. В. Соколова⁴, где исследуются дискурсивные основания управления, трансформация теории публичного управления, политические сети, муниципальные политические исследования и изменение роли государства в начале XXI века. Политические субъекты публичной политики в сетевом обществе рассматриваются в диссертационных исследованиях М. В. Николаевой⁵, Д. А. Тезадовой⁶, А. А. Шестаковой⁷, С. В. Венцеля⁸, М.Т. Гандалоевой⁹ и Я. В. Барского¹⁰. В данных работах анализируются репрезентации политических субъектов в публичном онлайн-пространстве, сетевые ресурсы социальной политики, новые субъекты публичной политики, специфика новых медиа и политическая институционализация интернет-активизма. Тем самым исследовательское поле подводится непосредственно к теме настоящей диссертации, однако целостная модель анализа влияния сетевого дискурса на процессы принятия политических решений в региональной публичной политике современной России в нем пока не сформирована.

¹ Сморгун Л. В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 6(4). – 360 с.

² Михайлова О. В. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов // Вестник Московского университета. Управление (государство и общество). – 2011. – № 3(21). – С. 44–58.

³ Баранов А. В. Становление муниципальных политических исследований в России: основные научные направления // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 417–420.

⁴ Соколов А. В. Осмысление трансформации государства в условиях противоречий начала XXI века // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 317–324.

⁵ Николаева М. В. Репрезентации политических субъектов в публичном онлайн-пространстве современной России : дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Николаева Мария Витальевна. – Краснодар, 2022. – 220 с.

⁶ Тезадова Д. А. Сетевые ресурсы развития социальной политики в современной России: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Тезадова Диана Артуровна. – Краснодар, 2023. – 212 с.

⁷ Шестакова А. А. Новые субъекты публичной политики в условиях сетевого общества: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Шестакова, Анастасия Андреевна. – Краснодар, 2023. – 198 с.

⁸ Венцель С. В. Политический экстремизм в эпоху новых медиа: специфика, формы и технологии противодействия: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Венцель Сергей Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2024. – 221 с.

⁹ Гандалоева М.Т. Социальные медиа в российском электоральном процессе: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Гандалоева Мадина Тархановна. – Краснодар, 2024. – 237 с.

¹⁰ Барский Я. В. Политическая институционализация интернет-активизма в современной России: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Барский Яков Васильевич. – Краснодар, 2024. – 253 с.

Отдельная группа работ посвящена анализу российского региона как институциональной среды принятия политических решений. В исследовании Р. Ф. Туровского и К. Ю. Джаватовой раскрывается проблема регионального неравенства и соотношения централизации с межрегиональными различиями¹. Р. Ф. Туровский и Е. М. Луизидис анализируют факторы губернаторских отставок, что позволяет учитывать устойчивость и уязвимость губернаторского уровня власти². В работах Р. Ф. Туровского о региональных политических режимах разработана методологическая рамка анализа территориальных режимов власти³; эта рамка позволяет рассматривать региональный политический режим как территориальный уровень общенационального политического режима и учитывать различия в автономии, консолидации, конкурентности и организации власти в субъектах Российской Федерации.

Н. В. Зубаревич рассматривает российские регионы как неоднородное социальное пространство, различающееся по параметрам расселения, демографической ситуации, экономического развития и ресурсной обеспеченности⁴. А. В. Баранов раскрывает основные направления муниципальных политических исследований, что значимо для анализа взаимодействия регионального и муниципального уровней власти⁵. А. А. Косоруков исследует общетеоретические основания процесса принятия политических решений применительно к современной России⁶. А. Е. Чирикова и В. Г. Ледяев анализируют властные отношения в

¹ Туровский Р. Ф., Джаватова К. Ю. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 48–73. URL: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2019.02.03> (дата обращения: 26.05.2026).

² Туровский Р. Ф., Луизидис Е. М. Факторы губернаторских отставок в России // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 161–178. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.13> (дата обращения: 26.05.2026).

³ Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 77–95.

⁴ Зубаревич Н. В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? – М. : Поматур, 2005. – С. 9–24.

⁵ Баранов А. В. Становление муниципальных политических исследований в России: основные научные направления // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 417–420.

⁶ Косоруков А. А. Общетеоретические основания процесса принятия политических решений (на примере современной России) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 41. – С. 166–184.

малом российском городе, конфигурацию и иерархию акторов, взаимодействие представительных и исполнительных структур, а также фактические коалиции и асимметричные взаимодействия в локальной политике¹.

Важное значение для характеристики региональной среды имеют работы, посвящённые социокультурным, демографическим и цифровым факторам регионального развития. Н. И. Лапин и Л. А. Беляева предлагают программу и инструментарий исследования социокультурного портрета региона, что позволяет рассматривать субъект Российской Федерации как самостоятельную социокультурную целостность с присущими ей ценностями, нормами и идентичностями². Н. В. Артамонов, А. В. Курбацкий и Р. А. Халимов раскрывают взаимосвязь экономического развития и возрастной структуры населения регионов России³. С. П. Земцов, К. В. Демидова и Д. Ю. Кичаев анализируют распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство, показывая значение социально-демографических и инфраструктурных условий цифровой включённости населения⁴. Н. Ю. Сорокина рассматривает проблему цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации, выделяя различия не только в доступе к цифровой инфраструктуре, но и в характере использования информационных технологий⁵. Её выводы позволяют учитывать цифровое неравенство второго порядка как различие в практиках использования цифровых технологий.

¹ Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. – С. 40–63.

² Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). – М. : ИФ РАН, 2010. – С. 5–18.

³ Артамонов Н. В., Курбацкий А. В., Халимов Р. А. Взаимосвязь экономического развития и возрастной структуры населения регионов России // Terra Economicus. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 77–90.

⁴ Земцов С. П., Демидова К. В., Кичаев Д. Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – № 4. – С. 57–78.

⁵ Сорокина Н. Ю. Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. – 2025. – Т. 21. – № 3. – С. 447–460.

Исследование С. П. Земцова, К. В. Демидовой и Д. Ю. Кичаева дополнительно уточняет детерминанты доступа к Интернету и его использования в российских регионах¹.

Для типологизации региональной среды значимы исследования В. А. Бариновой, С. М. Дробышевского, В. А. Еремкина, С. П. Земцова и А. В. Сорокиной, в которых на основе кластерного анализа выделены группы регионов: «лидеры и инвесторы», сырьевые, средние и отстающие регионы². Данная типология позволяет фиксировать неодинаковую силу структурных, институциональных, демографических и цифровых факторов в разных типах субъектов Российской Федерации.

Современная практика регионального управления в России показывает, что сетевой политический дискурс как многоуровневый поток цифровых коммуникаций, формируемый гражданами, медиа-платформами и политической элитой, уже стал реальным фактором формирования политической повестки дня и принятия губернаторами ситуационных решений. Вместе с тем политическая наука до сих пор не располагает целостной концептуально-методологической системой, которая, во-первых, теоретически объясняет, через какие механизмы алгоритмически опосредованные коммуникации трансформируют публичное мнение в управляющие сигналы власти; во-вторых, операционализирует этот эффект в виде воспроизводимых индикаторов влияния (субъекты, каналы, типы практик и уровни эффекта); в-третьих, предсказывает силу и направленность сетевого давления на разные фазы политического цикла. Усиление цифровизации региональной политики обостряет данную научную проблему, поскольку без научно обоснованных моделей исследовательское поле остаётся фрагментированным, а интерпретации сводятся к точечным кейсам и разрозненной статистике. Преодоление указанного разрыва требует междисциплинарного синтеза теорий

¹ Земцов С. П., Демидова К. В., Кичаев Д. Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – № 4. – С. 63–72.

² Баринова В. А., Дробышевский С. М., Еремкин В. А., Земцов С. П., Сорокина А. В. Типология регионов России для целей региональной политики // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 23. – С. 4199–4204.

делиберативной демократии, сетевого анализа и политической коммуникации, а также разработки верифицируемого инструментария, способного интегрировать алгоритмические, институциональные и социокультурные переменные процесса сетевого взаимодействия.

Объект исследования – процессы принятия политических решений в публичном, интегрированном с цифровой средой, пространстве политики в регионах современной России.

Предмет исследования – сетевой дискурс как фактор принятия политических решений в публичном, интегрированном с цифровой средой, пространстве политики в регионах современной России.

Цель исследования – обосновать особенности влияния сетевого дискурса как фактора на всех этапах принятия политических решений в публичном, интегрированном с цифровой средой, пространстве политики в регионах современной России.

Задачи исследования:

1. Определить сущность, уровни и факторы принятия политических решений в сетевом обществе, а также уточнить место сетевого дискурса в жизненном цикле политического решения.

2. Охарактеризовать институты публичной власти в структуре принятия политических решений и выделить субъектную конфигурацию процессов принятия политических решений в сетевом обществе.

3. Аргументировать понятие, признаки и функции сетевого политического дискурса в публичном цифровом пространстве и определить механизмы его включения в процессы формирования политической повестки дня и публичной оценки политических решений.

4. Описать российские регионы как неоднородную институциональную среду принятия политических решений в сетевом обществе.

5. На материалах региональных кейсов реконструировать формы и механизмы включения сетевого дискурса как фактора в различные стадии жизненного цикла политических решений.

6. Сопоставить официальный дискурс губернаторов и сетевой дискурс региональных сообществ в контексте принятия политических решений, выявить точки их тематического пересечения и линии расхождения, а также определить функции указанных дискурсов как факторов принятия политических решений, легитимации и оценки политических решений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2018 по 2025 год. Нижняя граница определяется тем, что именно с 2018 года в российской региональной публичной политике фиксируются «цифровые следы», позволяющие проследить включение сетевого дискурса как фактора в жизненный цикл политического решения на материалах открытой цифровой среды, публичной медиаповестки и управленческого реагирования. В пределах данного периода становятся доступными случаи, в которых информационный повод в публичном пространстве, интегрированном с цифровой средой, общественный резонанс и решения субъектов публичной власти образуют аналитически реконструируемую последовательность. Верхняя граница – декабрь 2025 года – позволяет проследить не кратковременную реакцию власти на кризис, а совместить анализ кейс-стади жизненного цикла политических решений с лонгитюдным исследованием официального дискурса губернаторов и сетевого дискурса региональных сообществ.

Исследовательский вопрос: каким образом и на каких этапах жизненного цикла принятия и реализации политических решений в публичном, интегрированном с цифровой средой, пространстве политики в регионах современной России сетевой дискурс влияет на указанные процессы?

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования образует сочетание дискурсивного, сетевого, коммуникативного и неинституционального подходов, совместное применение которых позволяет раскрыть влияние сетевого дискурса как фактора на процессы принятия политических решений в регионах современной России.

Сетевой подход задаёт общую исследовательскую оптику, в пределах которой публичное, интегрированное с цифровой средой, пространство политики в регионах современной России рассматривается как пространство потоков

информации, сетевых связей, платформенных архитектур и символического производства значений. В логике теории сетевого общества М. Кастельса политические решения разворачиваются уже не в замкнутом административном контуре, а в среде, где коммуникация власти, медиопосредничество и общественный отклик соединены в едином цифровом пространстве. Подобная перспектива позволяет рассматривать сетевой дискурс не как совокупность отдельных сообщений, а как часть более широкой сетевой структуры, внутри которой формируются режимы видимости, публичного внимания, цифровой мобилизации и общественно значимой реакции.

Дискурсивный подход позволяет раскрыть символическую и интерпретационную природу политического процесса. В его рамках политический и сетевой дискурсы понимаются как способы конструирования социальной реальности, как формы производства значений, интерпретаций и оценок, через которые событие получает статус проблемы, закрепляется его смысловая рамка и выстраивается публичное восприятие действий власти. Для настоящего исследования данный подход имеет принципиальное значение, поскольку влияние сетевого дискурса на политическое решение проявляется не только через наличие цифрового информационного повода, но и через способы его языкового, символического и медиатизированного оформления. Анализ дискурса делает возможным выявление того, каким образом локальный инцидент переводится в категорию общественно значимой проблемы, как формируются конкурирующие интерпретации и через какие механизмы осуществляется борьба за легитимное определение ситуации.

Коммуникативный подход позволяет рассматривать политическое решение как процесс, чья легитимность связана с публичным обсуждением, качеством обратной связи, открытостью каналов коммуникации и включённостью различных групп в обсуждение общественно значимых вопросов. В этой перспективе публичная сфера и цифровая среда выступают не внешним окружением власти, а важнейшим условием формирования и восприятия политических решений. Коммуникативная оптика особенно значима применительно к региональной публичной политике, где цифровые платформы становятся пространством постоянного сопоставления официальной позиции власти и сетевой реакции

граждан, сообществ, медиа и экспертов. Она позволяет показать, что управленческое решение получает политическое значение не только в момент институционального утверждения, но и в процессе его публичного объяснения, обсуждения, сопровождения и последующей оценки.

Неоинституциональный подход задаёт рамку анализа публичного управления как системы институтов, норм, процедур, полномочий и устойчивых ролевых ожиданий, в пределах которых принимаются политические решения. Его использование позволяет развести публичную власть, публичное управление и публичную политику, а также определить место сетевого дискурса по отношению к институциональному ядру политического решения. В логике диссертации публичная власть понимается как система институтов и компетенций, через которые формируется общеобязательная политическая воля; публичное управление описывает практику подготовки, реализации и сопровождения решений; публичная политика охватывает более широкое пространство взаимодействия власти и общества, где формируются общественно значимые цели, ожидания и конфликты. Такое разграничение даёт возможность показать, что сетевой дискурс включается не только в сферу общественного обсуждения, но и в пространство публичного управления, воздействуя на повестку, на чувствительность власти к информационным поводам, на репутационную среду и на параметры легитимации решений, при сохранении институционального ядра выбора за субъектами публичной власти.

Сочетание данных подходов делает возможным переход от общего анализа цифровой публичности к исследованию того, каким образом сетевой дискурс влияет на разные этапы политико-управленческого цикла. Тем самым теоретико-методологическая основа диссертации задаёт целостную исследовательскую конструкцию, в пределах которой сетевой дискурс рассматривается как значимый фактор, влияющий на процессы принятия политических решений в регионах современной России. Она позволяет одновременно учитывать институциональную логику публичной власти, сетевую структуру цифровой среды, коммуникативные механизмы публичной легитимации и дискурсивные способы проблематизации общественно значимых событий.

Методы сбора и анализа данных. Методологическую основу исследования составляет сочетание контент-анализа, сетевого анализа, кросс-регионального сравнения, а также метод кейс-стади.

Контент-анализ используется для выявления доминирующих тематических направлений, устойчиво повторяющихся лексико-семантических единиц и функциональных типов сообщений, что позволяет зафиксировать, какие темы, мотивы и коммуникативные задачи преобладают в официальном дискурсе губернаторов и в сетевом дискурсе региональных сообществ, а также проследить, как меняется их содержательное наполнение по временным периодам.

Сетевой анализ применяется для изучения структуры дискурсивного поля губернаторов и сетевого дискурса региональных сообществ. Его задача состоит не только в выявлении наиболее частотных слов, но прежде всего в определении характера связей между ними. Методическая логика строится на построении графов совместной встречаемости лексических единиц, где узлы отражают значимые слова и тематические маркеры, а рёбра – устойчивые связи между ними внутри корпуса публикаций. Подобный подход делает возможной реконструкцию внутренней архитектуры дискурса, позволяет выявлять его смысловые центры, периферийные зоны, кластеры и разрывы, а также фиксировать степень связности, устойчивости и тематической фрагментации дискурсивного поля. Визуализация и первичная интерпретация графов осуществляются в программе Gephi.

Метод кросс-регионального сравнения обеспечивает анализ эмпирических данных в динамике в нескольких измерениях. Во-первых, сравниваются дискурсивные поля разных губернаторов и разных региональных сообществ, благодаря чему становятся различимыми общие и специфические черты региональной цифровой коммуникации в условиях единого кризисного контекста. Во-вторых, прослеживаются изменения внутри каждого дискурса по четырём временным периодам, что позволяет фиксировать не только сдвиги в тематическом наполнении публикаций, но и более глубокие изменения в организации дискурса: сужение или расширение тематического спектра, укрепление или ослабление смыслового

ядра, повышение или снижение степени сетевой связности официального и сетевого дискурсов.

Метод кейс-стади используется для реконструкции того, каким образом сетевой дискурс включается в жизненный цикл политического решения субъектов публичной власти. Кейсы отбирались по четырём критериям: наличие выраженного информационного повода в публичном пространстве, общественно заметное распространение данной информации в публичном пространстве, интегрированном с цифровой средой, прохождение ситуации через несколько стадий жизненного цикла политического решения, наличие политически значимого решения или последовательности решений субъектов публичной власти, а также доступность цифровых и медийных следов, позволяющих сопоставить динамику сетевого дискурса, официальной коммуникации, управленческих действий и последующей оценки результата.

Эмпирическая база исследования включает два основных корпуса цифровых данных для проведения контент-анализа, сетевого анализа, кросс-регионального сравнения, и массив открытых данных (третий корпус данных) для проведения кейс-стади. Подробные обоснования выборки эмпирической базы приведены во второй главе.

Первый корпус эмпирических данных составляют публикации официальных Телеграм-каналов действующих глав шести российских регионов: В. В. Гладкова¹ («Настоящий Гладков» / t.me/vvgladkov), А. В. Богомаза («AV БогомаZ» / t.me/avbogomaz), А. В. Гусева («Гусев» / t.me/gusev_36), М. В. Развожаева («PaZВожаев» / t.me/razvozhaev), В. И. Кондратьева («Вениамин Кондратьев» / t.me/kondratyevvi) и С. В. Аксёнова («Аксёнов Z 82» / t.me/Aksenov82): около 16 тыс. публикаций В. В. Гладкова, около 17 тыс. публикаций А. В. Богомаза, около 5,3 тыс. публикаций А. В. Гусева, около 14,5 тыс. публикаций М. В. Развожаева, около 8,8 тыс. публикаций В. И. Кондратьева и около 7,8 тыс.

¹ До 13 мая 2026 г. был действовавшим губернатором Белгородской области.

публикаций С. В. Аксёнова. Совокупный объём первого массива составил 70 тыс. публикаций за период 2022–2025 гг.

Второй корпус источников репрезентирует сетевой дискурс региональных Телеграм-сообществ. Канал «Жесть Белгород» характеризуется как социально-новостная группа Белгородской области и насчитывает 618 тыс. подписчиков при около 150 тыс. ежедневных просмотров. «Подслушано Брянск» представлено как социально-новостная группа Брянской области с 325 тыс. подписчиков и около 75 тыс. ежедневных просмотров. «Типичный Воронеж | Новости Воронежа» имеет аудиторию в 399 тыс. подписчиков и около 95 тыс. ежедневных просмотров. «ЧП / Севастополь» объединяет 386 тыс. подписчиков при около 125 тыс. ежедневных просмотров. «Типичный Краснодар» насчитывает 359 тыс. подписчиков и около 70 тыс. ежедневных просмотров. «ЧП / Крым» охватывает 447 тыс. подписчиков при около 95 тыс. ежедневных просмотров.

Третьим корпус эмпирической базы составили открытые данные и публикации РБК, ТАСС, Интерфакса, «Российской газеты», «Ведомостей», ЧИТА.ру и EastRussia за 2018–2025 гг.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней предложена авторская адаптация модели жизненного цикла разработки и принятия политического решения к условиям сетевого общества. Сетевой дискурс раскрыт как значимый фактор в жизненном цикле политического решения, воздействующий на переход от информационного повода в публичном пространстве к политически значимой проблеме, способствующий формированию политической повестки дня, влияющий на выбор альтернатив политических решений, на публичное сопровождение решения и его последующую оценку. Новизна работы также связана с тем, что официальная цифровая коммуникация губернаторов и сетевой дискурс региональных сообществ системно сопоставлены, а эмпирический анализ выстроен одновременно в двух плоскостях – через жизненный цикл политического решения и через сравнение двух дискурсивных режимов региональной публичной политики.

Научная новизна конкретизирована в следующем:

– адаптированы и интегрированы существующие модели жизненного цикла разработки и принятия политических решений в 7-стадийную модель в сетевом обществе, дополненную распределением функций и роли сетевого дискурса по стадиям;

– охарактеризована субъектная конфигурация процессов принятия политических решений в сетевом обществе; обосновано, что в региональной публичной политике политическое решение формируется в многослойной институционально-коммуникационной среде, включающей не только органы публичной власти, но и группы интересов, медиа, экспертные сообщества, граждан и сетевые сообщества; распределены роли и каналы воздействия указанных субъектов и акторов применительно к российскому региональному уровню;

– аргументировано понятие, признаки и место сетевого дискурса в публичном цифровом пространстве; типологизированы сигнальная, интерпретационная, мобилизационная, координационная, контрольная и дестабилизационная функции сетевого дискурса;

– описана специфика российских регионов как неоднородной институциональной среды принятия политических решений; систематизированы факторы, влияющие на принятие политических решений и обоснована вариативность влияния сетевого дискурса на региональные политико-управленческие процессы в зависимости от указанных факторов;

– разработан и апробирован дизайн кейс-стади для анализа сетевого дискурса как фактора влияния в жизненном цикле политических решений на материале региональных кейсов современной России; реконструировано, как сетевой дискурс (в разных формах и механизмах влияния) проявляется на разных стадиях политико-управленческого цикла принятия политических решений;

– сопоставлены официальный дискурс губернаторов и сетевой дискурс региональных сообществ шести российских регионов; официальный дискурс губернаторов рассматривается как форма институционализированной цифровой политической коммуникации, а сетевой дискурс региональных сообществ – как горизонтальный, фактологический, реактивный и медиопосредованный режим описания

региональной реальности; оба дискурса в разной степени влияют на процесс принятия политических решений, но не образуют состояния устойчивой содержательной интеграции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политическое решение в сетевом обществе представляет собой институционально оформленный, процессуальный, многоуровневый и информационно насыщенный политико-управленческий процесс. Для его анализа предложена адаптированная 7-стадийная модель, включающая инициацию информационного повода; его превращение в общественно значимую проблему и элемент политической повестки дня; формирование альтернатив; согласование и принятие решения; реализацию; оценку и корректировку; прекращение действия, замещение либо перезапуск решения. Сетевой дискурс не образует самостоятельного центра институционального выбора, однако на каждой стадии может изменять публичную видимость проблемы, рамки её интерпретации, темп реагирования, общественную приемлемость альтернатив, способы публичного сопровождения и параметры последующей оценки решения.

2. Процессы принятия политических решений в региональной публичной политике современной России разворачиваются в многослойной институционально-коммуникационной конфигурации. Её институциональное ядро образуют федеральные органы публичной власти, губернатор, региональная исполнительная власть, территориальные органы федеральных ведомств и муниципальные структуры, различающиеся по полномочиям на стадиях подготовки, согласования, принятия и реализации решения. Политические партии, группы интересов, экспертные сообщества, традиционные и цифровые медиа, граждане, активисты и сетевые сообщества выступают акторами влияния, воздействующими на политико-управленческий процесс через артикуляцию требований, экспертизу, формирование повестки, медиарезонанс, репутационное давление и цифровую обратную связь. При этом окончательный выбор сохраняется за субъектами публичной власти.

3. Сетевой политический дискурс представляет собой часть сетевого дискурса, образованную публично значимыми цифровыми коммуникациями органов власти, медиа, граждан, активистов, экспертов и сетевых площадок по поводу общественно и политически значимых проблем. Его специфика определяется высокой скоростью циркуляции информации, платформенной опосредованностью, множественностью акторов и зависимостью публичной значимости темы от режима её цифрового распространения. В политико-управленческом процессе сетевой дискурс выполняет сигнальную, интерпретационную, мобилизационную, координационную, контрольную и дестабилизирующую функции. Его воздействие носит двойственный характер: сетевой дискурс расширяет возможности раннего выявления проблем, обратной связи и общественного контроля, но одновременно усиливает фрагментацию публичности, селективность внимания, информационный шум и репутационные риски.

4. Российский регион представляет собой неоднородную институционально-коммуникационную среду принятия политических решений. Вариативность включения сетевого дискурса в региональные политико-управленческие процессы опосредуется сочетанием структурно-ресурсных, институционально-политических, социокультурных, демографических, цифровых и платформенно-медийных факторов. Особое значение имеют цифровое неравенство, плотность региональной медиасреды, развитость сетевых сообществ, характер взаимодействия регионального и муниципального уровней, институциональная чувствительность власти и кризисный контекст. В рутинном режиме сетевой дискурс преимущественно выполняет функции фоновой обратной связи и наблюдения, тогда как в ситуационном режиме его влияние может усиливаться вследствие роста общественного внимания, медиарезонанса и репутационной цены бездействия. Поэтому масштаб и механизм его воздействия не являются одинаковыми для различных субъектов Российской Федерации.

5. На материале исследованных региональных кейсов установлено, что включение сетевого дискурса в жизненный цикл политического решения носит стадийно и функционально неоднородный характер. На ранних стадиях

преобладают сигнальная и интерпретационная функции, связанные с фиксацией события, повышением его публичной видимости и переводом локального эпизода / информационного повода в статус общественно значимой проблемы. На стадиях формирования альтернатив и согласования решения усиливаются повесточная, мобилизационная и репутационная функции, посредством которых возрастает общественный запрос на реагирование и изменяется публичная приемлемость отдельных вариантов. На стадиях реализации, оценки и возможного перезапуска решения доминируют координационная, контрольная и оценочная функции. При этом воздействие сетевого дискурса не имеет характера прямой и универсальной причинности: институциональный выбор сохраняется за субъектами публичной власти, а сетевой дискурс изменяет условия, в которых данный выбор подготавливается, объясняется, реализуется и оценивается.

6. В Белгородской, Брянской и Воронежской областях, Краснодарском крае, Республике Крым и городе Севастополе в 2022-2025 гг. официальный дискурс губернаторов и сетевой дискурс региональных Телеграм-сообществ образуют два соприкасающихся, но асимметричных режима цифровой политической коммуникации: официальный дискурс выполняет функции институциональной интерпретации событий, антикризисного информирования, публичного объяснения и легитимации управленческих действий; сетевой дискурс региональных сообществ сохраняет преимущественно фактографический, реактивный и локально-событийный характер и выполняет функции раннего информационного сигнала, внешнего наблюдения, латентной экспертизы и публичной оценки. Тематическое сближение двух режимов усиливается в периоды максимальной кризисной напряжённости, однако не приводит к их устойчивой содержательной интеграции. Их взаимодействие влияет преимущественно на восприятие проблемы, темп публичного реагирования и условия легитимации политических решений, но не означает совместного институционального принятия решения.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что работа развивает политологические представления о сетевом дискурсе как о факторе, влияющем на процессы принятия политических решений в

регионах современной России. В диссертации уточнено место сетевого дискурса в пространстве публичного управления, раскрыта его связь с институциональной архитектурой публичной власти и с жизненным циклом политического решения. Полученные результаты расширяют исследовательские возможности политической науки в изучении цифровизации публичной политики, регионального управления и современных форм взаимодействия власти и общества.

Практическая значимость диссертационного исследования проявляется в том, что адаптированная автором модель влияния сетевого дискурса на процессы жизненного цикла принятия политических решений в регионах современной России может быть использована при исследовании цифровой коммуникации органов публичной власти, анализе сетевого дискурса региональных сообществ и оценке влияния цифровых информационных поводов на процессы принятия политических решений. Основные положения и выводы работы могут быть востребованы органами региональной власти и структурами публичного управления при совершенствовании механизмов цифровой обратной связи, разработке стратегий антикризисной коммуникации и повышении эффективности публичного сопровождения политических решений. Материалы диссертации также могут использоваться в научно-исследовательской и преподавательской деятельности при подготовке курсов по публичной политике, политической коммуникации, цифровизации управления и региональным политическим процессам.

Соответствие содержания диссертационного исследования паспорту научной специальности. Диссертация соответствует следующим пунктам паспорта специальности 5.5.2 – «Политические институты, процессы, технологии» в части: № 11. Региональное измерение политики и политического управления; № 19. Глобализация, сетевизация и цифровизация: политические аспекты; № 31. Этапы, механизмы и технологии принятия политических решений, критерии их эффективности.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были изложены автором в 14 научных работах общим объемом более 5 печатных листов, в том числе: в 3 статьях в ведущих рецензируемых журналах,

рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации результатов кандидатских диссертаций; в 3 статьях, индексируемых в базе данных РИНЦ; 1 коллективной монографии: 7 публикаций в иных изданиях.

Промежуточные результаты исследования были презентованы как выступления на 11 конференциях всероссийского и международного уровней: XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Человек. Сообщество. Управление: 2023» (2023, г. Краснодар); III межрегиональной студенческой конференции с международным участием «Россия и Беларусь – вехи общей истории», посвящённой победе советского народа в Великой Отечественной войне (2023, г. Минск – г. Тихорецк); Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2023» (2023, г. Москва); XII Столыпинские чтения «Социально-политическое пространство и публичная политика: векторы внешне- и внутривнутриполитического взаимодействия и развития в условиях глобальных перемен» (2023, г. Краснодар); XIII Столыпинские чтения «Регионы России в контексте современного политического процесса: итоги развития, проблемы, перспективы» (2024, г. Краснодар); ежегодной Всероссийской конференции РАПН «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы» (2024, г. Москва); VIII ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Возможности и угрозы цифрового общества» (2025, г. Ярославль); ежегодной международной научно-практической конференции «Филологические науки в XXI веке: Актуальность, многополярность, перспективы развития» (2025, г. Краснодар); XIV Столыпинские чтения «Евразийское пространство: актуальные аспекты международной, национальной, региональной и локальной политики» (2025, г. Краснодар); ежегодной Всероссийской конференции РАПН «Россия и мир в первой половине XXI века: политические итоги и перспективы» (2025, г. Москва); XXVI Всероссийской научно-практической конференции «Человек. Сообщество. Управление: 2026» (2026, г. Краснодар).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите заседанием кафедры государственной политики и публичного управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», протокол № 13 от 26.05.2026 г.

Структура работы построена по проблемно-логическому принципу и состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и списка использованных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

1.1 Сущность, уровни и факторы принятия политических решений в сетевом обществе

В данном параграфе внимание сосредоточено на содержании, стадиях формирования и уровнях развёртывания политического решения, а также факторах, под воздействием которых осуществляется выбор управленческого курса. В логике диссертации подобный переход оправдан тем, что институциональная архитектура публичной власти задаёт среду решения, тогда как сущность и жизненный цикл решения раскрывают механизм включения сетевого дискурса в политико-управленческий процесс.

В политической науке политическое решение трактуется как публично значимый выбор, посредством которого распределяются полномочия, ресурсы, ответственность и социально значимые приоритеты. Нормативно-властный характер придаётся такому выбору через институциональное закрепление, общеобязательность и ориентацию на регулирование коллективно значимых ситуаций. В отличие от рутинного административного действия, политическое решение связано с интерпретацией проблемы, отбором допустимых альтернатив, оценкой последствий и поиском легитимной формы публичного обоснования. Подобный ракурс последовательно представлен у Г. Саймона, Ч. Линдблома, Дж. Андерсона и А. А. Дегтярева¹, для которых решение рассматривается в составе более широкого политического процесса, а не в пределах единичного акта утверждения.

¹ Simon H. A. *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization*. – New York : The Macmillan Company, 1947. xvi, 259 p.; Lindblom C. E. *The Science of “Muddling Through”* // *Public Administration Review*. – 1959. – Vol. 19. – No 2. – P. 79–88; Anderson J. E. *Public Policymaking: An Introduction*. – 5th ed. – Boston : Houghton Mifflin Company, 2003. – 322 p; Дегтярев А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы // *Полис. Политические исследования*. – 2004. – № 4. – С. 158–168; Дегтярев А. А. Принятие решений в публичной политике и

Процессуальное понимание политического решения предполагает обращение к его информационным компонентам. Уже в работе Г. Лассуэлла¹ процесс принятия политических решений описывался через последовательность функциональных стадий: постановка проблемы и поиск информации о ней; инициация и продвижение идей, связанных с решением проблемы; выработка рекомендаций и поиск альтернативных решений проблемы; отбор наилучшей альтернативы; предварительное убеждение в правильности решения тех, на кого оно направлено; оценка эффективности решения; обновление, пересмотр или отмена решения (intelligence, promotion, prescription, invocation, application, appraisal, termination). В более поздних исследованиях Дж. Кингдона, Р. Кобба и Ч. Элдера², а также у А. А. Дегтярева и Д. В. Сосунова³ данная логика была преобразована в цикл публичной политики, внутри которого выделяются выявление проблемы, формирование повестки, разработка альтернатив, принятие решения, реализация и оценка результата. Информационная составляющая пронизывает весь цикл: проблема должна быть замечена, интерпретация – распространена, альтернативы – описаны, выбор – обоснован, реализация – прокоммуницирована (медиаосвещение), результат – оценён.

Цифровая среда ускоряет переход от события к его публичной проблематизации, сокращает дистанцию между общественной реакцией и управленческим откликом, а также делает значительно более заметными ранние стадии формирования политической повестки. Если в доцифровую эпоху значительная часть предварительных импульсов к решению могла оставаться внутри институционального поля,

государственном управлении: роли и параметры // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 272–300.

¹ Lasswell H. D. *The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis*. – College Park : Bureau of Governmental Research, College of Business and Public Administration, University of Maryland, 1956. – 23 p.

² Cobb R. W., Elder C. D. *Participation in American Politics: The Dynamics of Agenda-Building*. – Boston : Allyn and Bacon, 1972. – 182 p.; Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. 2nd ed. – New York : Longman, 1995. – 254 p.

³ Дегтярев А. А. *Принятие решений в публичной политике и государственном управлении: роли и параметры // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 272–300; Сосунов Д. В. Процесс принятия политических решений в современной России: федеральный и региональный уровень : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Сосунов, Денис Владимирович. – М., 2008. – 226 с.*

то сегодня они нередко возникают и оформляются в публично наблюдаемой сетевой среде (в сообществах, каналах, новостных пабликах, комментариях, локальных медиапотоках). По указанной причине анализ политического решения в сетевом обществе требует внимания к тем коммуникационным средам, где подобные информационные компоненты возникают, циркулируют и приобретают публичную значимость.

В данной связи цифровое публичное пространство целесообразно понимать как коммуникационную среду, в пределах которой информационные поводы, общественные реакции, медиарепрезентации и институциональные сообщения получают публичную видимость, интерпретационную рамку и политико-управленческую значимость. В отличие от традиционной публичной сферы, цифровое публичное пространство характеризуется платформенной опосредованностью, неравномерным распределением внимания, высокой скоростью циркуляции контента и множественностью участников. В такой среде локальный инцидент, жалоба, визуальное свидетельство или экспертный комментарий могут сравнительно быстро перейти из режима частного сообщения в режим общественно значимой проблемы. Тем самым цифровое публичное пространство выступает не внешним окружением политического решения, а одной из сред, в которых формируются его информационные предпосылки, усиливается проблематизация и создаются условия для перехода от сигнала к повестке.

Для аналитических целей жизненный цикл политического решения в сетевом обществе целесообразно представить как последовательность семи стадий, каждая из которых обладает собственным информационным профилем и собственной чувствительностью к сетевому дискурсу (таблица 1).

Таблица фиксирует не линейную схему жёсткой причинности, а рабочую модель жизненного цикла, пригодную для анализа политико-управленческого процесса в цифровой среде.

Таблица 1 – Жизненный цикл политического решения и место сетевого дискурса

Стадия	Содержательное ядро	Информационные компоненты	Место сетевого дискурса
1. Инициация информационного повода / сообщения	фиксация события, инцидента, жалобы, риска	первичные сведения, свидетельства, сообщения очевидцев, обращения	усиливает видимость локального информационного повода, ускоряет его распространение
2. Превращение информационного повода / сообщения в проблему и повестку	селекция темы, борьба интерпретаций, расширение внимания	рамки понимания, медиарезонанс, общественная тревога, символические маркеры	переводит частный эпизод в публичную проблему
3. Формирование альтернатив	поиск и сравнение вариантов действия	экспертные оценки, различные аргументы, институциональные ограничения, расчёт последствий	влияет на обсуждение допустимых и недопустимых вариантов
4. Согласование и принятие решения	межведомственная фильтрация, выбор, утверждение	служебная информация, политические сообщения, репутационные риски, публичное объяснение	воздействует на темп реакции и на способ публичного обоснования выбора
5. Реализация	исполнение решения и его сопровождение	инструкции, отчёты, комментарии, сообщения о сбоях	становится каналом наблюдения, критики и поддержки
6. Оценка и корректировка	интерпретация результата, возвратный контур обратной связи	общественные оценки, экспертные заключения, статистика, новые требования	влияет на корректировку решения и на повторный запуск цикла
7. Прекращение действия, замещение или перезапуск решения	завершение жизненного цикла решения, его отмена, сворачивание, институциональное закрытие либо перевод в новый цикл	данные мониторинга, результаты оценки, политические заявления, экспертные заключения, новые проблемные импульсы	сетевой дискурс усиливает требования пересмотра, делегитимирует исчерпавшие себя меры, поддерживает отмену либо замещение решения, способствует повторной проблематизации ситуации

На стадии инициации информационного повода / сообщения и перевода события в проблему особое значение приобретают теории политической повестки дня. Р. Кобб и Ч. Элдер показали, что политическая проблема проходит путь от частного случая к публичной значимости через расширение круга вовлечённых акторов и через включение в объект общественного внимания¹. Дж. Кингдон связал данный переход с движением потоков проблем, политики и политических

¹ Cobb R. W., Elder C. D. Participation in American Politics: The Dynamics of Agenda-Building. – Boston : Allyn and Bacon, 1972. – 182 p.

обстоятельств, в границах которых формируются «окна возможностей» (windows of opportunity)¹. В сетевом обществе указанная стадия приобретает дополнительную динамику². Жалобы жителей, видеосвидетельства, сообщения региональных пабликов, комментарии экспертов и медиарепликации ускоряют перевод локального информационного повода в публично значимую проблему. Сетевой дискурс на данной стадии выступает как механизм обнаружения, усиления и селекции тем, часть которых попадает в управленческую повестку, тогда как другая часть теряет видимость под давлением конкурирующих сигналов о событиях и информационных поводах.

В классической работе М. Маккомбса и Д. Шоу³ показано, что медиасреда влияет на распределение общественного внимания и тем самым задаёт иерархию общественно значимых тем. В перспективе Р. Энтмана проблема получает дополнительное аналитическое измерение⁴: теория фреймов раскрывает, каким образом событие формулируется, как ему приписываются причинные связи, как задаётся оценка и в каком направлении ориентируется предпочтительное действие. Для коммуникации в цифровом пространстве важным продолжением данной линии стала теория цифровой социально-политической повестки дня, где внимание смещается с изолированных тем к их сетевому связыванию в публичном сознании⁵. Указанные подходы позволяют точнее описать начальные стадии принятия политического решения в

¹ Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. 2nd ed. – New York : Longman, 1995. – 254 p.

² Chadwick A. *The Hybrid Media System: Politics and Power*. – New York : Oxford University Press, 2013. – 272 p; Castells M. *The Rise of the Network Society*. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. – 625 p.; Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 2. – С. 82–102.

³ McCombs M. E., Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Vol. 36. – No 2. – P. 176–187. – DOI: 10.1086/267990.

⁴ Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. – 1993. – Vol. 43. – No 4. – P. 51–58. – DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.

⁵ Тимофеева Л. Н., Рябченко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии // *Полис. Политические исследования*. – 2022. – № 2. – С. 37-51. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.04>; Тимофеева Л. Н., Рябченко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020 // *Полис. Политические исследования*. – 2022. – № 5. – С. 23-39. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.03>; Vu H. T., Guo L., McCombs M. E. Exploring “the World Outside and the Pictures in Our Heads”: A Network Agenda-Setting Study // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. – 2014. – Vol. 91. – No 4. – P. 669–686. – DOI: 10.1177/1077699014550090.

сетевом обществе, поскольку в цифровой среде информационный повод и информация о событии получает значение через два взаимосвязанных процесса: перераспределение внимания и закрепление интерпретационной рамки. В таком ракурсе сетевой дискурс воздействует на политический процесс уже на раннем этапе¹, когда локальный инцидент ещё только превращается в публичную проблему, а альтернативы решения ещё не выработаны.

Для анализа кризисных и высокорезонансных ситуаций существенную ценность имеет «теория фокусирующих событий» (focusing events) Т. Биркланда и «теория прерывистого равновесия политической повестки дня» (punctuated equilibrium) Ф. Баумгартнера и Б. Джонса. В первом случае внимание сосредоточено на событиях, которые концентрируют общественный интерес, ускоряют мобилизацию групп и повышают вероятность входа темы в политическую повестку². Во втором случае политическая повестка дня описывается как пространство, в котором периоды относительной стабильности сменяются резкими скачками внимания и быстрыми корректировками курса³. Для сетевого общества подобные модели имеют особую значимость, поскольку цифровой резонанс усиливает эффект внезапного расширения повестки, а масштабное распространение визуальных и текстовых информационных сигналов ускоряет переход от латентной проблемы к интенсивному политико-управленческому реагированию. Тем самым сетевой дискурс получает объяснение не только как канал коммуникации, но также как среда, в которой резкие колебания внимания становятся фактором политического цикла.

Стадия формирования альтернатив описывается в теории политических решений через ограниченность информации, необходимость корректировок и множественность критериев выбора. У Г. Саймона решение связано с неполной

¹ Cairney P., Jones M. D. Kingdon's Multiple Streams Approach: What Is the Empirical Impact of this Universal Theory? // *Policy Studies Journal*. – 2016. – Vol. 44. – No 1. – P. 37–58. – DOI: 10.1111/psj.12111.

² Birkland T. A. Focusing Events, Mobilization, and Agenda Setting // *Journal of Public Policy*. – 1998. – Vol. 18. – No 1. – P. 53–74. – DOI: 10.1017/S0143814X98000038.

³ Baumgartner F. R., Jones B. D. *Agendas and Instability in American Politics*. 2nd ed. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 2009. – 368 p.

осведомлённостью и невозможностью исчерпывающего расчёта всех последствий¹. Ч. Линдблом, развивая инкременталистскую перспективу, связывал процесс выбора с постепенным продвижением, частичным сравнением вариантов и логикой «разбираться с проблемами или подгонять под решение» (muddling through)². В логике А. А. Дегтярева разработка альтернатив включает обсуждение допустимых вариантов, оценку их осуществимости, согласование интересов и политическую фильтрацию³. Сетевой дискурс на данной стадии не формирует решение автономно, однако воздействие на пространство альтернатив осуществляется через четыре канала: общественный запрос, экспертные интерпретации, медиарезонанс и репутационные ограничения, которые делают одни варианты более приемлемыми, а другие – политически затратными.

Дополнительную глубину стадии выбора придаёт «модель мусорного ведра» (garbage can model) М. Коэна, Дж. Марча и Й. Ольсена. В данной модели решение формируется в условиях проблемных предпочтений, неясной технологии и текущего состава участников, вследствие чего проблемы, решения, акторы и ситуации выбора соединяются в нестабильных конфигурациях⁴. Для анализа политических решений в условиях турбулентности такая логика оказывается особенно продуктивной. Региональная власть в кризисной среде сталкивается с неполной информацией, меняющимся составом вовлечённых субъектов, имеющимися шаблонами реагирования, внешним давлением и ограниченным временем на согласование. Подобная структура выбора делает понятным, почему политическое решение нередко возникает как результат пересечения доступных альтернатив, институциональных возможностей, политического давления и цифрового резонанса. В пределах подобной модели сетевой дискурс усиливает нестабильность среды выбора, поскольку

¹ Simon H. A. *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization*. – New York : The Macmillan Company, 1947. xvi, 259 p.

² Lindblom C. E. The Science of “Muddling Through” // *Public Administration Review*. – 1959. – Vol. 19. – No 2. – P. 79–88.

³ Дегтярев А. А. Принятие решений в публичной политике и государственном управлении: роли и параметры // *Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007*. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 272–300.

⁴ Cohen M. D., March J. G., Olsen J. P. A Garbage Can Model of Organizational Choice // *Administrative Science Quarterly*. – 1972. – Vol. 17. – No 1. – P. 1–25. – DOI: 10.2307/2392088.

одновременно расширяет объём информационных поводов, ускоряет их циркуляцию и повышает репутационную стоимость задержки реакции¹.

Согласование и принятие решения сохраняют институциональное ядро. Право утверждения остаётся за субъектами публичной власти, а межведомственная фильтрация, правовая формализация и распределение ответственности происходят внутри институционального контура. Вместе с тем цифровая среда воздействует на данную стадию через темп реакции, публичное ожидание ответа и необходимость объяснить выбор. На данной стадии сетевой дискурс воздействует прежде всего косвенно: он усиливает репутационную цену затягивания решения, меняет символическую рамку проблемы, влияет на форму публичного обоснования и повышает значимость коммуникационного сопровождения. Для региональной политики подобная зависимость особенно заметна, поскольку губернаторская коммуникация включена в режим почти непрерывного цифрового наблюдения.

Реализация и последующая оценка решения образуют заключительные, но не менее значимые стадии цикла. У Ч. Лассуэлла «оценка и прекращение действия» рассматриваются как функциональные компоненты процесса разработки, принятия и реализации политических решений. Дж. Андерсон включает эти стадии в непосредственный политический процесс. А. А. Дегтярев подчёркивает, что динамический цикл публично-государственного решения продолжается и после формального утверждения, поскольку общественная реакция, результаты реализации и новые информационные поводы из среды могут вызвать пересмотр, корректировку или повторный запуск проблемы. В сетевом обществе сетевой дискурс становится каналом общественного мониторинга и латентной экспертизы. Через него фиксируются сбои реализации, поддержка отдельных мер, критика задержек, несоответствие между обещаниями и действиями, а также новые требования к корректировке

¹ Cairney P., Jones M. D. Kingdon's Multiple Streams Approach: What Is the Empirical Impact of this Universal Theory? // *Policy Studies Journal*. – 2016. – Vol. 44. – No 1. – P. 37–58. – DOI: 10.1111/psj.12111; Howlett M., McConnell A., Perl A. Streams and Stages: Reconciling Kingdon and Policy Process Theory // *European Journal of Political Research*. – 2015. – Vol. 54. – No 3. – P. 419–434. – DOI: 10.1111/1475-6765.12064.

курса. Оценка решения в подобной среде распределяется между институтами власти, экспертами, медиа и гражданскими участниками публичной коммуникации.

Стадии реализации, оценки и корректировки могут быть дополнительно раскрыты через «концепцию политических парадигм» (policy paradigms) П. Холла¹. В данной исследовательской линии внимание переносится на то, каким образом меняются инструменты политики, как пересматриваются цели и по каким основаниям трансформируются базовые представления о самой проблеме. Политическое решение при такой оптике описывается как элемент более широкого процесса социального и институционального обучения, в пределах которого результаты реализации, экспертная оценка, общественный отклик и новые информационные поводы из среды способны влиять на изменение управленческого курса. Для сетевого общества подобный ракурс особенно важен, поскольку цифровая среда резко повышает плотность обратной связи и ускоряет публичную фиксацию последствий решения. В результате сетевой дискурс участвует не только в критике уже принятых мер, но и в накоплении оснований для корректировки политических решений, смены способов интерпретации проблемы и перехода к новому циклу публичной политики.

Самостоятельного рассмотрения требует стадия прекращения действия политического решения. В функциональной модели Г. Лассуэлла категория «termination» завершает процесс принятия политических решений и фиксирует момент, в котором ранее принятое решение утрачивает регулятивную силу, сворачивается, заменяется новым курсом либо переводится в иной институциональный режим². В исследованиях политических процессов данная стадия нередко поглощается оценкой и корректировкой, однако ей должно придаваться самостоятельное значение, поскольку завершение действия политики связано с особыми политическими, организационными и информационными механизмами³. П. де Леон

¹ Hall P. A. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policy-Making in Britain // *Comparative Politics*. 1993. – Vol. 25. – No 3. P. 275–296.

² Lasswell H. D. *The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis*. – College Park : Bureau of Governmental Research, College of Business and Public Administration, University of Maryland, 1956. – 23 p.

³ Leon P. de. *A Theory of Termination in the Policy Process: Roles, Rhymes, and Reasons*. – Santa Monica, Calif. : Rand, 1977. – 41 p; Howlett M., McConnell A., Perl A. *Streams and Stages: Reconciling*

связывал эту стадию с прекращением, демонтажем или замещением политики, когда цели достигнуты, инструменты утратили эффективность, издержки возрастают либо изменяется политическая среда. Для сетевого общества данная стадия обладает повышенной значимостью, поскольку цифровая публичность способна не только запускать проблематизацию и ускорять реагирование, но также усиливать требования отмены, пересмотра или замещения решений. Через сетевой дискурс в такой ситуации распространяются аргументы о неэффективности принятых мер, фиксируются сбои реализации, поддерживается общественное недовольство и формируется запрос на новый цикл политического решения. В результате завершение реализации политического решения перестаёт быть сугубо внутрибюрократической процедурой и получает выраженное публично-коммуникационное измерение.

Производители дискурса в подобных условиях должны рассматриваться как участники политического процесса в широком смысле. Их участие неодинаково по объёму полномочий и по характеру влияния: институты публичной власти обладают правом окончательного выбора и утверждения решения; экспертные сообщества участвуют в интерпретации рисков и в выработке аргументов; средства массовой информации и цифровые медиа усиливают видимость темы и задают режим публичной интерпретации; граждане, активисты и сетевые сообщества поставляют информационные поводы, сигналы, жалобы, визуальные свидетельства и эмоционально насыщенные оценки, которые могут быть подхвачены более влиятельными медиапосредниками. Вследствие такого распределения функций производители дискурса воздействуют на решение неодинаково, однако из политического процесса они не исключаются: в цикл принятия решения они входят через повестку, формирование альтернатив, публичную легитимацию выбора и оценку результата.

Субъектный анализ процесса принятия политического решения может быть расширен за счёт «структуры информационно-пропагандистской коалиции» (*advocacy coalition framework*). П. Сабатье, Х. Дженкинс-Смит и их соавторы рассматривают процесс принятия политических решений как пространство

длительного взаимодействия коалиций, объединённых сходными представлениями о проблеме и её причинах, нормативно предпочтительных целях и допустимых инструментах политики¹. В подобной логике государственные органы, экспертные сообщества, группы интересов, медиа, общественные организации и иные участники публичного политического процесса не располагаются на изолированных уровнях, а входят в конкурирующие коалиции, влияющие на динамику публичной политики. Для сетевого общества данная перспектива открывает важное аналитическое направление: производители дискурса начинают рассматриваться как участники политического процесса в широком смысле², поскольку через интерпретацию проблемы, мобилизацию сторонников, критику альтернатив и поддержку отдельных решений они участвуют в движении политического решения на всём протяжении его жизненного цикла.

Многоуровневость политического решения в сетевом обществе раскрывается через взаимодействие микро-, мезо- и макроуровней. На микроуровне формируются первичные оценки, повседневные реакции, индивидуальные обращения и локальные интерпретации событий. На мезоуровне действуют региональные медиа, политические партии, экспертные площадки, сетевые сообщества, общественные объединения и ведомственные структуры, через которые происходит агрегация информационных поводов и формируются коалиции внимания. Макроуровень связан с институтами публичной власти, обладающими полномочиями формулировать и утверждать обязательные решения. Сетевое общество меняет характер связи между этими уровнями: локальный информационный повод получает более быстрый выход на мезоуровень, медиарезонанс сокращает дистанцию до макроуровневого внимания, а официальное решение затем немедленно возвращается в среду цифровой оценки и повторной интерпретации.

¹ Weible C. M., Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C., Nohrstedt D., Henry A. D., de Leon P. A Quarter Century of the Advocacy Coalition Framework: An Introduction to the Special Issue // *Policy Studies Journal*. – 2011. – Vol. 39. – No 3. – P. 349–360. – DOI: 10.1111/j.1541-0072.2011.00412.x.

² Howlett M., McConnell A., Perl A. Streams and Stages: Reconciling Kingdon and Policy Process Theory // *European Journal of Political Research*. – 2015. – Vol. 54. – No 3. – P. 419–434. – DOI: 10.1111/1475-6765.12064.

Информационный повод, возникший на микроуровне (например, жалоба, эмоциональный пост, видеофиксация проблемы или частное свидетельство), может быть подхвачен на мезоуровне региональными каналами, пабликами и медиапосредниками, а затем переместиться в макроуровневую повестку губернаторского реагирования. Именно в этом состоит одно из важнейших отличий сетевого общества от предшествующих этапов развития политической коммуникации: цифровая среда уменьшает дистанцию между локальным опытом и институциональным решением.

При этом многоуровневость политического решения не означает линейного движения «снизу вверх» или «сверху вниз». Скорее, следует говорить о постоянном переплетении уровней, при котором институциональные информационные поводы переинтерпретируются в сетевой среде, а сетевые импульсы, в свою очередь, могут воздействовать на темп, форму и коммуникационное обоснование решений власти. В этом смысле политическое решение в сетевом обществе следует понимать как результат многослойного взаимодействия между индивидуальными реакциями, коллективными коммуникационными структурами и официальными институтами.

Цифровое публичное пространство в данном случае выполняет посредническую функцию между уровнями политического процесса. На микроуровне в нём фиксируются первичные реакции, обращения и локальные интерпретации; на мезоуровне происходит их агрегация в региональных медиа, пабликах, экспертных и сетевых сообществах; на макроуровне отдельные темы получают внимание институтов публичной власти и переводятся в контур политического решения. После институционального выбора та же среда обеспечивает возврат решения в пространство цифровой оценки, критики, поддержки и последующей переинтерпретации. Вследствие этого цифровое публичное пространство следует рассматривать как среду постоянного движения между локальным опытом, медиарезонансом и институциональным реагированием.

Многоуровневость политического решения в цифровую эпоху может быть дополнительно осмыслена через полицентрическое управление. Э. Остром показывает, что сложные общественные проблемы решаются в системах, где действует несколько центров власти и координации, взаимодействующих на разных масштабах

и в разных институциональных режимах¹. Для региональной политики подобная перспектива обладает высокой объяснительной силой. Губернатор, региональная администрация, муниципальные структуры, федеральные органы, экспертные площадки, медиа и сетевые сообщества образуют полицентрическую конфигурацию, внутри которой информационные поводы и решения циркулируют по нескольким траекториям. В таком ракурсе сетевой дискурс получает место в многослойной системе управления как один из каналов, через которые локальные проблемы выходят на более высокий уровень публичного внимания, а официальные решения возвращаются в цифровую среду для оценки и последующей переинтерпретации.

Факторы принятия политических решений в сетевом обществе следует разделять на две большие группы: к первой относятся классические факторы (институциональные рамки, распределение полномочий, характер политического режима, ресурсная обеспеченность, конфигурация интересов, степень организованности групп давления и уровень экспертного сопровождения), ко второй – цифровые и сетевые факторы (архитектура платформ, алгоритмическое ранжирование сообщений, скорость циркуляции информации, медиарезонанс, сетевые сообщества как формы социального капитала и повышенная чувствительность власти к публичной обратной связи). Внутри второй группы сетевой дискурс занимает особое место, поскольку он соединяет информационный, коммуникационный, символический и репутационный компоненты политического процесса.

Сетевой дискурс мы определяем как совокупность публично значимых цифровых коммуникаций, в пределах которых взаимодействуют органы власти, медиа, граждане, активисты, эксперты и сетевые площадки по поводу социально и политически значимых проблем (информационных поводов). Подобное определение позволяет рассматривать сетевой дискурс как один из факторов, влияющих на процесс принятия политических решений. Его роль связана с четырьмя обстоятельствами: информационные поводы из цифровой среды ускоряют проблематизацию; режим

¹ Ostrom E. Polycentric Systems for Coping with Collective Action and Global Environmental Change // *Global Environmental Change*. – 2010. – Vol. 20. – No 4. – P. 550–557. – DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2010.07.004.

видимости информационного повода влияет на повестку дня; общественный резонанс воздействует на селекцию альтернатив политического решения; цифровая обратная связь усиливает оценку результата и потребность в коррекции политического курса.

В условиях сетевого общества политическое решение всё чаще приобретает черты гибкой конструкции. Подобная характеристика связана с тем, что формальное утверждение уже не завершает жизненный цикл решения. После принятия решение включается в пространство публичной оценки, подвергается цифровой интерпретации, сталкивается с общественным одобрением или сопротивлением, корректируется под действием новых информационных поводов и продолжает жить в медиапубличной среде. Вместе с тем институциональное ядро политического решения сохраняется: окончательный выбор по-прежнему производится внутри системы публичной власти. Данный двойственный характер (институциональная оформленность и коммуникационная подвижность) формирует одно из ключевых свойств политического решения в цифровую эпоху.

Проведённый анализ позволяет заключить, что политическое решение в условиях сетевого общества должно рассматриваться как процессуальный, многоуровневый и информационно насыщенный феномен, формирование которого разворачивается в пределах расширенного политико-управленческого цикла. В структуру данного цикла входят инициация информационного повода, его превращение в проблему и повестку, формирование альтернатив, согласование и принятие решения, реализация, оценка и корректировка, а также прекращение действия, замещение либо повторный запуск политического процесса. На каждой из указанных стадий задействуются собственные информационные компоненты, действуют различные группы акторов и проявляются специфические механизмы влияния. На каждой стадии цикла сетевой дискурс занимает устойчивое место, поскольку через него визуализируются проблемы, усиливается общественное внимание, меняется режим интерпретации событий, возрастает репутационная цена бездействия власти и формируется последующая цифровая оценка результата. При этом институциональное ядро политического решения сохраняется: окончательный выбор по-прежнему осуществляется в системе публичной власти, однако условия его подготовки,

публичного сопровождения и восприятия существенно трансформируются под воздействием цифровой среды. Следовательно, сетевой дискурс в логике настоящего исследования следует понимать как один из факторов принятия политических решений, влияющий на темп, значимость повестки, селекцию альтернатив, способы легитимации и параметры последующей корректировки политико-управленческого курса.

1.2 Институты публичной власти в структуре принятия политических решений

Переход от анализа сущности, уровней и факторов принятия политических решений в публичном цифровом пространстве к исследованию процессов принятия политических решений требует обращения к институциональной архитектуре публичной власти. Цифровые сигналы и информационные поводы, общественные ожидания, сетевые жалобы, медиарезонанс и формы публичного давления приобретают политическое значение в тот момент, когда попадают в поле внимания властных субъектов, вовлечённых в подготовку, согласование, утверждение и реализацию решений. По данной причине рассмотрение публичной власти как институциональной среды политического решения становится необходимым этапом исследования. В противном случае, связь между сетевым дискурсом и управленческим реагированием будет описана лишь на уровне внешних эффектов, тогда как внутренняя логика включения цифровых сигналов в пространство власти останется нераскрытой.

В научной литературе публичная власть рассматривается как система институтов, полномочий и отношений, посредством которых формируется общеобязательная политическая воля и обеспечивается её реализация. Публичное управление связано с практикой координации действий, выработкой управленческих решений, распределением ответственности и организацией обратной связи между государством и обществом. В свою очередь, политическое решение представляет собой результат деятельности субъектов публичной власти, принимающих обязательные для общества акты в условиях конкуренции интересов, ограниченности ресурсов и

необходимости поддержания легитимности¹. В данном исследовании указанные категории соотносятся как взаимосвязанные элементы единого процесса: публичная власть задаёт институциональную рамку, публичное управление описывает практику координации и реализации решений, политическое решение фиксирует итоговую форму властного выбора.

С точки зрения неоинституционализма, публичная власть описывается через устойчивые правила, организационные формы, процедуры и ролевые ожидания, которые структурируют политическое действие и ограничивают произвольность выбора. Дж. Марч и Й. Олсен, характеризуя данную исследовательскую традицию, подчеркивали «относительную автономию политических институтов» (“relative autonomy of political institutions” и «значимость символического действия» (importance of symbolic action)², показывая, что политические институты не сводятся к механическому отражению социальных интересов, а обладают собственной логикой воспроизводства и влияния на поведение акторов. В поле публичного управления подобная перспектива позволяет рассматривать институты власти как самостоятельную среду, внутри которой формируются способы восприятия проблем, правила допустимого реагирования, каналы координации и режимы ответственности. В исследованиях «управления, осуществляемого с участием государственных и негосударственных акторов» (governance) данная традиция была дополнена представлением о том, что управление охватывает «весь комплекс процессов управления» (all processes of governing)³, а участие в нём принимают не только государственные органы, но также частные организации, экспертные структуры, некоммерческие объединения и сетевые сообщества. В результате субъектная

¹ Соловьев А. И. Дискурсы и праксисы: может ли идеология помочь в управлении государством? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – № 1(88). – С. 7–29; Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XX веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 6(4). – С. 89; Косоруков А. А. Общетеоретические основания процесса принятия политических решений (на примере современной России) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 41. – С. 166–184.

² March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. – 1984. – Vol. 78. – No 3. – P. 734–749; March J. G., Olsen J. P. Elaborating the “New Institutionalism” // Arena Working Paper. – 2005. – No. 11.

³ Bevir M. Governance: A Very Short Introduction. – Oxford : Oxford University Press, 2012.

конфигурация политического решения приобретает более сложный характер, а сама публичная власть предстает как поле институционально организованных, но распределённых взаимодействий.

Федеральный уровень публичной власти выполняет рамочную и координирующую функцию. Через него задаются базовые нормативные ограничения, стратегические приоритеты, механизмы межбюджетного распределения ресурсов и общие стандарты реагирования на чрезвычайные или политически чувствительные ситуации. Президент Российской Федерации, Правительство РФ, федеральные министерства, надзорные и силовые ведомства, институт полномочных представителей в федеральных округах влияют на региональный контур решений как прямо, так и опосредованно¹. Нормативные акты федерального уровня, распределение финансовых ресурсов, режимы контроля и координации, а также политические информационные поводы центра формируют ту среду, внутри которой губернатор и региональная администрация осуществляют собственные действия. Вследствие данного обстоятельства региональное политическое решение не может рассматриваться как полностью автономное, поскольку оно соотносится с общей логикой федерального управления и вертикалью публичной власти.

Для региональной политики особую значимость имеет многоуровневая организация публичной власти. Политическое решение на уровне субъекта Российской Федерации формируется в пределах системы, в которую входят федеральные органы власти, руководство региона, региональная исполнительная вертикаль, муниципальные структуры и более широкий круг участников, влияющих на публичную повестку. Указанная конфигурация задаёт институциональные границы возможного решения, определяет порядок его подготовки и распределяет ответственность между различными звеньями власти². При таком устройстве ни один субъект не действует в полной изоляции: даже тогда, когда решение формально исходит от

¹ Волынкина Л. А. Роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2010. – № 4(10). – С. 88–91.

² Лысцов В. В. Теории процессов принятия политических решений: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Лысцов Вячеслав Викентьевич. – М., 1994. – 137 с.; Anderson J. E. Public Policy-making: An Introduction. – 5th ed. – Boston : Houghton Mifflin Company, 2003. – 331 p.

одного центра, его содержательная проработка, реализация и публичное сопровождение обеспечиваются разными участниками управленческого процесса.

Центральное место в региональном механизме принятия решений занимает губернатор. Его положение определяется сочетанием нескольких характеристик: формального статуса высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, политической ответственности за состояние дел в регионе, публичной репрезентации власти и необходимости оперативного реагирования на кризисную повестку¹. В условиях цифровой медиатизации региональной политики данные характеристики получают дополнительное усиление. Сетевой дискурс персонализирует ответственность, концентрирует внимание на фигуре губернатора и делает его главным адресатом общественных ожиданий, цифровой критики и запросов на немедленное действие². В данной точке сходятся институциональная компетенция, символическая функция власти и публичная уязвимость руководителя региона перед цифровой средой. По указанной причине губернатор в настоящем исследовании рассматривается как ключевой субъект ситуационного политического решения на региональном уровне.

Вокруг губернатора формируется региональная исполнительная инфраструктура, без которой процесс выработки решения не может быть осуществлён. Правительство субъекта Российской Федерации, профильные министерства, департаменты, комитеты, оперативные штабы, комиссии и иные подведомственные структуры выполняют функции подготовки информации, межведомственного согласования, правового оформления, ресурсного обеспечения и организационного контроля. Одни звенья данного механизма отвечают за анализ ситуации и выработку альтернатив, другие обеспечивают исполнение решения, третьи сопровождают его публичную коммуникацию. Управленческое решение, таким образом, оказывается распределённым по нескольким организационным уровням: публично оно может

¹ Волочаева О. Ф. Основные акторы политических процессов в современном мире // Глобус: гуманитарные науки. – 2019. – С. 10–13.

² Косоруков А. А. Общетеоретические основания процесса принятия политических решений (на примере современной России) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 41. – С. 166–184.

быть связано с фигурой губернатора, однако фактически оно формируется в сложной системе ведомственных и межведомственных взаимодействий.

Особое значение в региональной архитектуре публичной власти сохраняет муниципальный уровень. Администрации городов и районов, местные службы, главы муниципалитетов и профильные подразделения в большинстве случаев первыми сталкиваются с повседневными проблемами, на которые затем реагирует региональная власть. Через муниципальный контур проходят первичная фиксация локальных конфликтов, работа с обращениями граждан, наблюдение за состоянием инфраструктуры, организация первичного реагирования и коммуникация с жителями¹. Для анализа ситуационных политических решений данный уровень важен по двум основаниям: сначала на муниципальной территории возникает значительная часть поводов, которые позднее поднимаются до уровня региональной публичной повестки; затем на муниципальном уровне реализуются значительная часть управленческих действий, принятых на уровне субъекта РФ. Таким образом, муниципальный контур соединяет локальный опыт населения с региональной логикой публичного управления.

Для анализа того, каким образом проблема входит в контур политического решения, продуктивной оказывается теория формирования повестки и множественных потоков. В расширенных интерпретациях Дж. Кингдона, предложенных последующей литературой, внимание уделяется не только проблемному, политическому и программному потокам, но и более широкой среде *policy making*, куда включаются “agency, power, ideology, turbulence and complexity”². Сетевое общество усиливает значимость данного подхода, поскольку цифровая коммуникация

¹ Колесников В. Н. Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе // *Управленческое консультирование*. – 2013. – № 1. – С. 99–108; Бронников И. А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. – 2020. – № 1. – С. 7–18; Николаева М. В. Репрезентации политических субъектов в публичном онлайн-пространстве современной России: дис. ... канд. полит. наук: 5.5.2 / Николаева Мария Витальевна. – Краснодар, 2022. – 220 с.

² Cairney P., Jones M. D. Kingdon’s Multiple Streams Approach: What Is the Empirical Impact of this Universal Theory? // *Policy Studies Journal*. – 2016. – Vol. 44. – No 1. – P. 37–58. – DOI: 10.1111/psj.12111; Howlett M., McConnell A., Perl A. Streams and Stages: Reconciling Kingdon and Policy Process Theory // *European Journal of Political Research*. – 2015. – Vol. 54. – No 3. – P. 419–434. – DOI: 10.1111/1475-6765.12064.

ускоряет переход от локального информационного повода к публичной повестке, а в условиях политической турбулентности различия между стадиями обсуждения, селекции и решения становятся менее жесткими. Региональная публичная власть при таком ракурсе предстает не как замкнутая вертикаль, а как система, внутри которой публичный информационный повод может пройти путь от локального инцидента и медиарезонанса к стадии межведомственного согласования и губернаторского реагирования. Подобная трактовка делает более понятным механизм включения сетевого дискурса в процессы принятия ситуационных решений.

Формальное институциональное ядро публичной власти не исчерпывает весь круг субъектов, влияющих на политическое решение. Широкий подход, представленный в отечественной и зарубежной литературе, показывает, что содержание решения, его темп и публичное восприятие зависят от взаимодействия большого числа акторов. В работах В. В. Лысцова подчеркивается различие между узким пониманием политического решения, ориентированным на официальные институты власти, и широким пониманием, включающим более широкий круг участников, воздействующих на политическую сферу¹. Дж. Андерсон рассматривает субъектный состав решений как совокупность официальных и неофициальных участников, различающихся по характеру полномочий и способам влияния². Ч. Линдблом и Э. Вудхауз расширяют рамку ещё сильнее, включая в анализ партии, организации интересов, граждан, бизнес и другие социальные силы, участвующие в трансформации публичной повестки³. Указанная логика имеет принципиальное значение для настоящей диссертации, поскольку сетевой дискурс воздействует на политическое решение через широкий круг субъектов, многие из которых не обладают формальной властью, но способны менять условия публичного внимания.

К числу таких субъектов относятся политические партии и группы интересов. Они артикулируют требования социальных слоёв, формируют конкурентные

¹ Лысцов В. В. Теории процессов принятия политических решений: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Лысцов Вячеслав Викентьевич. – М., 1994. – 137 с.

² Anderson J. E. Public Policymaking: An Introduction. – 5th ed. – Boston : Houghton Mifflin Company, 2003. – 331 p.

³ Lindblom C. E., Woodhouse E. J. The Policy-Making Process. – Prentice Hall, 1993. – 164 p.

интерпретации проблемы, участвуют в выработке альтернатив и воздействуют на публичную легитимацию решений¹. Партии включены в электоральный и представительный контур политики, тогда как группы интересов и лоббистские структуры воздействуют на решение через экспертные каналы, медиаприсутствие, сетевую мобилизацию и институциональные связи. Значение данных акторов возрастает в ситуациях, когда проблема приобретает высокую общественную значимость и выходит за рамки рутинного администрирования.

Не менее важную роль играют экспертные и аналитические сообщества. Политическое решение редко принимается в условиях полной определённости; гораздо чаще оно требует интерпретации рисков, оценки последствий, сопоставления альтернатив и когнитивного сопровождения. Эксперты, аналитические центры, научные структуры и профессиональные сообщества выполняют функцию знания в системе публичной власти. Через них в пространство управления поступают интерпретации сложных ситуаций, сценарные расчёты, аргументы в пользу тех или иных решений. По наблюдению Л. А. Волынкиной, политическая экспертиза встраивается в процесс принятия решений как механизм снижения неопределённости и повышения обоснованности управленческого выбора². В условиях цифровой среды данная функция становится более сложной, поскольку экспертная позиция вынужденно конкурирует с сигналами высокой эмоциональной и медиарезонансной плотности.

Особый субъектный контур образуют средства массовой информации и цифровые медиа. Их значение связано с тем, что публичная проблема получает политическую весомость через режим видимости и интерпретации. Региональные

¹ Волынкина Л. А. Роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2010. – № 4 (10). – С. 88–91; Михайлова О. В. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов // Вестник Московского университета. Управление (государство и общество). – 2011. – № 3 (21). – С. 44–58; Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В., Гнедаш А. А. Сетевая локальная политика в условиях новой политической реальности: факторы, ресурсы, механизмы и технологии. – Краснодар : ОИПЦ «Перспективы образования», 2017. – 211 с.; Мирошниченко И. В., Морозова Е. В., Гнедаш А. А., Рябченко Н. А. Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал. – Краснодар : ООО «Просвещение-Юг», 2012. – 181 с.

² Волынкина Л. А. Роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2010. – № 4(10). – С. 88–91.

медиа, Телеграм-каналы, новостные паблики, сетевые комментаторы, журналистские и квазимедийные площадки структурируют общественное внимание, выделяют приоритетные темы и задают рамку их прочтения¹. В пространстве публичного управления медиасреда участвует в превращении локального инцидента в общественно значимую проблему, а ситуативного информационного повода – в элемент политической повестки. Через такой контур усиливается либо ослабляется давление на власть, меняется символическое измерение решения и формируется его репутационный фон.

К группе субъектов, значимость которых в сетевом обществе существенно возрастает, относятся граждане, активисты и сетевые сообщества². В классических институциональных моделях их участие чаще ограничивалось голосованием, обращениями или участием в коллективных действиях, требующих организационной инфраструктуры. Цифровая среда изменила данный порядок. Жалоба, комментарий, видеосвидетельство, локальная петиция, тематический пост, региональный паблик или волонтерская инициатива способны быстро получить распространение и повлиять на структуру общественного внимания. Гражданская активность в цифровом пространстве перестаёт быть только индивидуальным выражением позиции; через сетевые механизмы она приобретает свойства коллективного сигнала, который может быть подхвачен медиа, экспертами и органами власти. В данном смысле сетевые сообщества входят в число субъектов, воздействующих на политическое решение через логику публичного резонанса и обратной связи.

¹ Волочаева, О. Ф. Основные акторы политических процессов в современном мире // Глобус: гуманитарные науки. – 2019. – С. 10–13; Колесников, В. Н. Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе // Управленческое консультирование. – 2013. – № 1. – С. 99–108; Бронников, И. А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 7–18; Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Политикоконфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 185–209. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.08>; Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – № 19(2). – С. 239–252. – DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252.

² Шестакова, А. А. Новые субъекты публичной политики в условиях сетевого общества: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Шестакова, Анастасия Андреевна. – СПб., 2023. – 198 с.

Работа институтов публичной власти в цифровую эпоху протекает в гибридной медиасреде, где старая и новая логика коммуникации сосуществуют и взаимно модифицируются. В описании Э. Чедвика современная политическая коммуникация формируется через «взаимодействие между традиционными и новыми медийными логиками» (interactions among older and newer media logics)¹, а потому повестка власти, журналистские интерпретации, платформенные сигналы и пользовательская активность не образуют изолированных контуров. Для региональной политики данная особенность имеет принципиальное значение. Губернаторская коммуникация в Телеграм, публикации региональных каналов, сообщения традиционных СМИ и реакции жителей включаются в единое медиапространство, внутри которого акторы публичной власти уже не контролируют полностью ни темп повестки, ни границы интерпретации события. Управленческое решение, публичное заявление, антикризисная мера, задержка реакции или изменение риторики попадают в среду взаимозависимых медийных логик, что увеличивает значение символических эффектов и усиливает чувствительность власти к репутационному измерению происходящего.

Специфика субъектного состава в сетевом обществе связана с тем, что взаимодействие между формальными институтами и неинституциональными акторами становится более интенсивным, более быстрым и менее предсказуемым. Политическое решение сохраняет юридическую форму и институциональный центр, однако условия его подготовки и публичного сопровождения всё чаще определяются множеством внешних информационных поводов. Управленческое внимание перемещается под воздействием сетевого резонанса, официальные каналы коммуникации сталкиваются с конкурирующими интерпретациями, а губернатор и его администрация вынуждены реагировать на темы, получившие высокую цифровую видимость. Публичная власть в таких обстоятельствах не утрачивает монополии на окончательное решение, однако режим формирования повестки, логика реагирования и символическая рамка решения становятся более зависимыми от сетевого окружения.

¹ Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. – New York : Oxford University Press, 2013; Livingston S. The Hybrid Media System: Politics and Power. By Andrew Chadwick. – New York: Oxford University Press, 2013. – 272 p. // Perspectives on Politics. – 2015. – Vol. 13. – No 1. – P. 204–205.

Указанное изменение имеет особое значение для анализа региональной политики. Регион следует рассматривать как политико-управленческий контур, внутри которого формальные институты публичной власти, медиа, цифровые сообщества и граждане включены в постоянное взаимодействие. В данном контуре губернатор выступает центральным субъектом институционального решения, региональная исполнительная власть обеспечивает подготовку и реализацию действий, федеральные структуры задают рамки и ограничения, муниципальный уровень поставляет локальные информационные поводы и принимает участие в практическом исполнении, а сетевые сообщества и цифровые медиа усиливают или трансформируют режим публичного внимания. Такая конфигурация создаёт основу для дальнейшего анализа кейсов в третьей главе, где решения будут рассматриваться уже не в отвлечённой теоретической плоскости, а в конкретной институционально-коммуникационной среде.

Дополнительную аналитическую опору параграфу придают исследования сетевых и управленческих конфигураций, в которых различаются «политико-управленческие сети» (policy networks) и «сети управления» (governance networks). И. Бланко, В. Лаундес и Л. Пратчетт обращают внимание на то, что данные понятия часто используются «взаимозаменяемо» (interchangeably), хотя их аналитические возможности различаются¹. Для исследования субъектов принятия политических решений подобное различие существенно. Политико-управленческие сети позволяют фиксировать круг акторов, вовлечённых в выработку конкретного решения, тогда как сети управления описывают более широкое пространство координации, в котором сочетаются институты власти, экспертные площадки, общественные структуры, медиа и сетевые сообщества. В региональной политике обе перспективы оказываются значимыми: одна позволяет описать управленческое ядро решения, другая раскрывает его публичное окружение, через которое поступают информационные сообщения, усиливается внимание и распределяется давление на власть.

¹ Blanco I., Lowndes V., Pratchett L. Policy Networks and Governance Networks: Towards Greater Conceptual Clarity // Political Studies Review. – 2011. – Vol. 9. – No 3.

Таким образом, субъектный состав политического решения в условиях сетевого общества целесообразно представить как многослойную институционально-коммуникационную конфигурацию (таблица 2).

Таблица 2 – Субъектный состав политического решения в условиях сетевого общества

Теоретическая рамка	Ключевой тезис	Субъектный фокус	Значение
Неоинституционализм	Институты обладают относительной автономией и структурируют политическое действие	Органы публичной власти, процедуры, нормы, организационные роли	Позволяет показать, через какие институциональные рамки проходит решение
Governance и публичное управление	Управление охватывает широкий круг процессов и акторов, выходящих за пределы аппарата государства	Государственные органы, частные и общественные организации, экспертные структуры	Расширяет субъектную карту публичной власти
Теория повестки и множественных потоков	Проблема входит в пространство решения через сложную конфигурацию потоков и стадий	Политические акторы, эксперты, медиа, группы интересов	Объясняет переход от информационного повода /сообщения о событии к решению
Гибридная медиасистема	Политическая коммуникация формируется через взаимодействие традиционных и цифровых логик	Власть, СМИ, платформы, пользователи, сетевые сообщества	Позволяет встроить медиа и цифровые каналы в анализ публичной власти
Сетевой и управленческий подходы	Сети управления и сети политики различаются по масштабу и аналитической функции	Институциональные и неинституциональные участники процесса принятия политических решений	Уточняет соотношение формального ядра и внешних субъектов влияния

Представленная конфигурация показывает, что институты публичной власти сохраняют центральное положение в принятии решений, однако в цифровой среде их деятельность разворачивается в условиях расширенного субъектного поля, куда входят медиа, сетевые сообщества, эксперты, группы интересов и платформенные посредники. При таком подходе политическое решение получает более точное описание как институционально оформленный, но коммуникационно насыщенный процесс.

Таким образом, политические решения в современной региональной политике формируются в институционально организованной системе публичной власти, включающей как формальные органы управления, так и более широкий круг субъектов влияния. Федеральный центр, губернатор, региональная исполнительная власть, муниципальные структуры, политические партии, экспертные сообщества,

средства массовой информации, цифровые медиа, граждане и сетевые сообщества образуют сложную конфигурацию, внутри которой решение подготавливается, согласуется, публично сопровождается и реализуется. В пределах данной конфигурации распределяются полномочия, задаются рамки допустимого реагирования, формируются механизмы ответственности и определяется степень чувствительности власти к общественно значимым информационным поводам и сообщениям.

Установлено, что в сетевом обществе субъектный состав принятия политических решений сохраняет институциональное ядро, однако условия его функционирования существенно меняются. Цифровая среда усиливает роль медиапубличных информационных поводов, ускоряет переход от локального инцидента к публичной повестке, повышает значимость репутационных факторов и делает более заметным участие неинституциональных акторов. Вследствие этого политическое решение перестаёт восприниматься исключительно как результат замкнутой административной процедуры и всё чаще разворачивается в пространстве расширенного взаимодействия между институтами власти, медиа и обществом.

Таким образом, институты публичной власти и субъекты принятия политических решений должны рассматриваться как взаимосвязанные элементы единого политико-управленческого контура, в пределах которого сетевой дискурс приобретает управленческую значимость. Через данную институциональную и субъектную рамку становится возможным более точное объяснение того, каким образом цифровые информационные поводы и сообщения включаются в пространство публичного управления, воздействуют на внимание власти и участвуют в формировании решений.

1.3 Сетевой дискурс в публичном цифровом пространстве

Публичное управление в цифровую эпоху развивается в условиях ускоренной медиатизации, сетевизации и постоянной обратной связи между властью и обществом. Управленческие решения, публичные заявления, кризисное реагирование и повседневная коммуникация власти включены в цифровую среду, где значимость сообщения определяется не только его содержанием, но и скоростью распространения, масштабом отклика, способностью вызывать общественный резонанс.

Вследствие данного сдвига исследование процессов принятия политических решений требует обращения к сетевому дискурсу как к значимому компоненту публичного управления. Без такого шага трудно объяснить, каким образом общественно значимые информационные поводы, формирующиеся в публичном пространстве, интегрированном с цифровой средой, переходят из цифровой среды в сферу управленческого внимания, как формируется публичная видимость проблемы и по каким каналам обратная связь начинает воздействовать на деятельность власти.

В научной литературе публичное управление описывается как сфера, где соединяются институциональные процедуры, управленческая рациональность, публичная политика и коммуникация с обществом¹. При такой оптике государственное управление рассматривается уже не только через административные полномочия, но и через подотчётность, открытость, чувствительность к общественным ожиданиям, способность учитывать разнообразные социальные интересы². В современных условиях подобная трактовка была усилена исследованиями сетевой публичной политики, где внимание сосредоточено на взаимодействии государства, медиа, гражданских объединений, экспертных структур и цифровых сообществ. Коммуникативное измерение управления получает здесь принципиальное значение³, поскольку устойчивость власти, качество управленческих решений и легитимность публичных действий всё чаще связаны с тем, как формируется и интерпретируется общественная повестка.

Понятийная рамка данного исследования требует разведения близких, но не совпадающих категорий⁴. Публичная власть охватывает систему институтов и

¹ Сморгун Л. В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 6(4). – С. 89.

² Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82–102.

³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.

⁴ Усманова Р. М. О соотношении понятий «Публичное регулирование», «Публичное управление» и «Публичная власть» // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 133–140; Барабашев А. Г., Уткина В. В. О различии аналитики публичного управления и публичного управления как научного направления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 47. – С. 19–38; Косоруков А. А. Публичная политика в системе государственного управления // Политика и Общество. – 2018. – № 4. – С. 62–68. – DOI: 10.7256/2454-0684.2018.4.26029; Bevir M. Governance: A Very Short Introduction. – Oxford : Oxford University Press, 2012.

полномочий, через которые обеспечивается общеобязательное регулирование и выражается политическая воля. Публичное управление описывает практику координации, реализации и сопровождения решений в пространстве взаимодействия государства и общества. Публичная политика связана с формированием и обсуждением общественно значимых целей, согласованием и институциональным оформлением. Категория *governance* позволяет дополнительно учесть участие негосударственных акторов, сетевых сообществ, экспертных структур и медиапосредников в процессах выработки и сопровождения решений. Вследствие такого разграничения сетевой дискурс может быть рассмотрен как компонент пространства публичного управления, в котором институциональная логика власти соединяется с публичной политикой, общественным откликом и сетевыми формами координации.

В рамках данной исследовательской традиции сетевой дискурс приобретает аналитическую значимость по двум основаниям: с одной стороны, в нём концентрируются общественные реакции, требования, страхи, ожидания и оценки, возникающие по поводу действий власти; с другой – через него формируется режим публичной видимости, в котором отдельные темы получают усиление, а иные остаются на периферии внимания. Публичное управление, таким образом, оказывается включённым в дискурсивную среду, где административная логика вынужденно соотносится с логикой сетевого внимания¹.

Дополнительного уточнения требует также соотношение понятий «дискурс», «сетевой дискурс» и «сетевой политический дискурс». В общем теоретическом смысле дискурс выражает способ языкового и символического конструирования социальной реальности, в пределах которого формируются интерпретации событий, закрепляются нормативные различия и воспроизводятся отношения власти². Сетевой дискурс связан с цифровой средой, платформенной опосредованностью коммуникации, высокой скоростью циркуляции сообщений и множественностью

¹ Соловьев А. И. Дискурсы и праксисы: может ли идеология помочь в управлении государством? // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). – 2018. – № 1(88). – С. 7–29.

² Chadwick A. *The Hybrid Media System: Politics and Power*. – New York : Oxford University Press, 2013.

участников. Политическое измерение возникает в тех случаях, когда в центре коммуникации оказываются проблемы власти, легитимности, общественного порядка, управленческого реагирования, конфликтов интересов и публичной ответственности¹. Сетевой политический дискурс по данной причине следует понимать как часть сетевого дискурса, сосредоточенную на политически значимых темах и включённую в процессы формирования повестки, общественного давления и публичной легитимации решений.

Анализ сетевого дискурса в пространстве публичного управления требует обращения к нескольким теоретическим оптикам, каждая из которых фиксирует отдельную сторону данного процесса.

Первую группу составляют дискурсивные подходы, в рамках которых внимание сосредоточено на языке, власти и символическом производстве политической реальности. В логике М. Фуко дискурсивные образования задают границы высказываемого, определяют допустимые формы знания и формируют поле, в пределах которого распределяются отношения власти². В работах Т. А. ван Дейка дискурс рассматривается как пространство репрезентации доминирования, распределения власти и идеологического контроля³. Н. Фэрклоу показывает, что дискурс связан с социальными изменениями, поскольку в речевых практиках воспроизводятся или оспариваются институциональные отношения, нормативные рамки и модели исключения⁴. В отечественных исследованиях В. И. Карасика и А. Б. Бушева сетевой дискурс описывается через его жанровое разнообразие, коммуникативные цели и структурные признаки⁵. Н. П. Сиркия обращает внимание на различие

¹ Попова О. В., Суслов С. И. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 160–182. – DOI: 10.31249/poln/2021.01.07; Шалимов А. Б. Структура медиадискурса российских региональных Telegram-каналов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2024. – Т. 10. – № 4. – DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-6.

² Foucault M. *The Archaeology of Knowledge and The Discourse on Language*. – New York : Pantheon Books, 1972. – 246 p.

³ Дейк Т. А. ван. *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматова. – М. : Либроком, 2013. – 344 с.

⁴ Fairclough N. *Discourse and Social Change*. – Polity Press, 1992. – 135 p.

⁵ Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. – 2019. – № 1(21). – С. 49–55; Бушев А. Б. Цели сетевого дискурса как основание его классификации // *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. – 2022. – № 2(50). – С. 86–102.

между политическим дискурсом и политическим интернет-дискурсом, подчёркивая, что цифровая среда изменяет способы репрезентации власти, характер аргументации и формат участия¹. А. Н. Черняков и Р. А. Дунаев связывают развитие политического дискурса в сети с новыми формами самореализации субъектов публичной политики². В совокупности данные подходы позволяют рассматривать сетевой дискурс как поле смыслового конфликта, символического давления и публичного конструирования политической проблематики. Для цифровой среды данный теоретический ракурс приобретает особую значимость, поскольку сетевой дискурс функционирует в условиях платформенной медиатизации, ускоренного обмена сообщениями, множественности точек высказывания и высокой зависимости публичной значимости темы от режима её циркуляции. В таком прочтении сетевой политический дискурс раскрывается как подвижная конфигурация языковых, визуальных, символических и репутационных практик, через которые в цифровой среде конструируются общественно значимые проблемы, перераспределяется внимание и структурируется публичное восприятие власти.

Вторую группу составляют подходы, развивавшиеся на стыке теории коммуникации, политической коммуникации и исследований публичной сферы. В этой исследовательской линии особое место занимает Ю. Хабермас, для которого публичная сфера связана с обсуждением общественно значимых вопросов, выработкой аргументированной позиции и легитимацией власти через коммуникативные процедуры³. В российской литературе данная традиция получила продуктивное развитие в работах Е. В. Золотарёвой, А. Н. Линде, А. В. Зайцева и Р. М. Усмановой⁴.

¹ Сиркия Н. П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – № 2–2(10). – С. 164–170.

² Черняков А. Н., Дунаев Р. А. Политический дискурс в аспекте самореализации в сети Интернет // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – № 1(9). – С. 107–111.

³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с; Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. – 301 p.

⁴ Золотарёва Е. В. Концептуальные основы делиберативной демократии // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2013. – № 1. – С. 84–94; Линде А. Н. Значение концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации // Русская политология. – 2017. – № 2. – С. 73–81; Он же. Политическая коммуникация и делиберативная демократия в теории Ю. Хабермаса // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4; Зайцев А. В.

Делиберативная демократия трактуется ими как концепция, ориентированная на качество обсуждения, на включённость граждан в процесс формирования политической воли и на нормативную ценность публичного дискурса. Для исследования сетевого дискурса данный подход значим по той причине, что внимание переносится с результата голосования на процессы обсуждения, координации позиций и публичного признания решений. В пространстве публичного управления подобная логика оказывается особенно важной, поскольку управленческое решение получает значение не только в административном контуре, но и в среде его общественного восприятия.

Третью группу образуют сетевые подходы, позволяющие рассматривать цифровую среду как особую форму социальной организации. В работах М. Кастельса сеть описывается как базовый принцип информационной эпохи, а сетевое общество как социальная структура, построенная вокруг потоков информации, коммуникации и власти¹. В трудах Б. Уэллмана и Л. Рейни подчеркивается, что цифровые связи становятся менее локализованными, более гибкими и многослойными, а субъекты всё чаще включаются в пересекающиеся сети взаимодействия, выходящие за пределы традиционных институциональных рамок². Е. Ю. Журавлёва связывает данную трансформацию с формированием цифровой исследовательской среды, где социальные процессы всё активнее разворачиваются в сетевом формате³. В отечественной литературе сетевое общество интерпретируется как среда, в которой информационные потоки начинают воздействовать на

Делиберативная демократия: философские основания и политическая практика // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. – 2015. – № 2; Усманова Р. М. К вопросу о реализации отдельных форм делиберативной демократии // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 4.

¹ Castells M. *The Rise of the Network Society*. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. – 625 p.; Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.; Он же. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование / М. Кастельс // Мир России. – 2000. – № 1. – С. 25–35.

² Wellman B., & Gulia M. *Virtual communities as communities: Net surfers don't ride alone*. In M. A. Smith & P. Kollock (Eds.), *Communities in Cyberspace*. Routledge. – P. 167–194; Rainie L., & Wellman B. (2012). *Networked: The New Social Operating System*. MIT Press. – 358 p.

³ Журавлева Е. Ю. Современная социология в сетевой цифровой среде: от вычислительных и электронных социальных наук к цифровым социальным исследованиям // Социс. – 2015. – №8. – С. 25–34; Она же. К определению сети интернет // Технологии информационного общества – интернет и современное общество: труды VII Всероссийской объединенной конференции. – СПб. : Изд-во филолог. Ф-та СПбГУ, 2004. – С. 8–10.

политическую, культурную и управленческую динамику, а цифровая инфраструктура получает политическое значение¹. Данная линия анализа важна по той причине, что без неё трудно понять, почему сетевой дискурс не сводится к набору онлайн-высказываний и почему его воздействие на публичное управление опосредовано структурой связей, скоростью распространения информации и логикой платформ.

Четвёртая группа объединяет исследования публичной политики, публичного управления и сетевых форм региональной политической коммуникации. В работах И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозовой, Н. А. Рябченко, А. А. Гнедаш и О. В. Михайловой сетевая публичная политика рассматривается как пространство взаимодействия государства и общества, в котором возрастает роль социальных сетей, онлайн-платформ, региональных цифровых сообществ и новых субъектов публичного действия². Л. В. Сморгунов и А. И. Соловьев показывают, что трансформация публичного управления в XXI веке связана с изменением управляемости, с усложнением среды принятия решений и с возрастанием роли дискурсивных и сетевых факторов³. Для предмета настоящего исследования данная группа работ особенно важна, поскольку она позволяет соединить анализ сетевого дискурса с проблематикой регионального управления, публичной политики и губернаторской коммуникации.

¹ Марков Б. В. Человек в сетевом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2021. – № 2(37). – С. 194–207.

² Михайлова О. В. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов // Вестник Московского университета. Управление (государство и общество). – 2011. – № 3(21). – С. 44–58; Мирошниченко И. В. Эффекты и результаты сетевизации современной публичной политики // Вестник Пермского университета. Политология. – 2014. – № 4. – С. 42–69; Мирошниченко И. В., Морозова Е. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82–102; Рябченко Н. А. Перспективы развития публичной политики в online-пространстве современной России // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». – 2012. – № 3. – С. 107–111; Рябченко Н. А., Мирошниченко И. В. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2012. – С. 73; Гнедаш А. А., Мирошниченко И. В. Социальные сети как агенты институциональных изменений в публичной политике регионов: межрегиональные исследования // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 9. – С. 54–62.

³ Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 6(4). – С. 89; Соловьев А. И. Дискурсы и праксисы: может ли идеология помочь в управлении государством? // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2018. – № 1(88). – С. 7–29.

Сопоставление указанных подходов показывает, что каждый из них фиксирует отдельный аналитический срез. Дискурсивная перспектива позволяет увидеть борьбу за смысл и символические механизмы власти. Коммуникативная и делиберативная линии выводят на проблему легитимации решений через публичное обсуждение. Сетевые подходы раскрывают инфраструктуру цифровых связей, платформ и потоков внимания. Исследования публичной политики и публичного управления связывают перечисленные процессы с институциональной логикой и с управленческим реагированием. В границах настоящей диссертации продуктивным оказывается их сочетание, однако центральное место занимает делиберативная перспектива, поскольку через неё становится возможным объяснить, каким образом публичная коммуникация включается в процессы выработки и восприятия политических решений.

Современные исследования цифровой публичности позволяют уточнить внутреннюю организацию сетевого дискурса. В гибридной медиасистеме, как показывает Э. Чедвик, старые и новые медийные логики существуют в режиме пересечения, вследствие чего повестка формируется через взаимодействие институциональных источников, журналистских посредников, платформенных алгоритмов и пользовательской активности¹. Для публичного управления подобная постановка вопроса имеет принципиальное значение: информационный повод, кризисное сообщение, губернаторское обращение, региональная новость и пользовательский комментарий входят в общее медиапространство, где их политический вес определяется распределением внимания, скоростью репликации и возможностью стать узлом дальнейшей дискурсивной сборки. В цифровой среде децентрализация авторства сочетается с новой асимметрией видимости, поскольку платформенные механизмы ранжирования усиливают одни сообщения, ослабляют другие, перераспределяют символический вес событий и воздействуют на структуру публичной интерпретации. Вследствие указанной логики сетевой дискурс в пространстве публичного управления должен описываться как среда пересечения институциональной коммуникации, медиапосредничества, платформенного отбора и пользовательского участия.

¹ Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. – New York : Oxford University Press, 2013.

Траектория включения цифрового информационного повода в пространство публичного управления может быть представлена в следующем виде (рисунок 1).

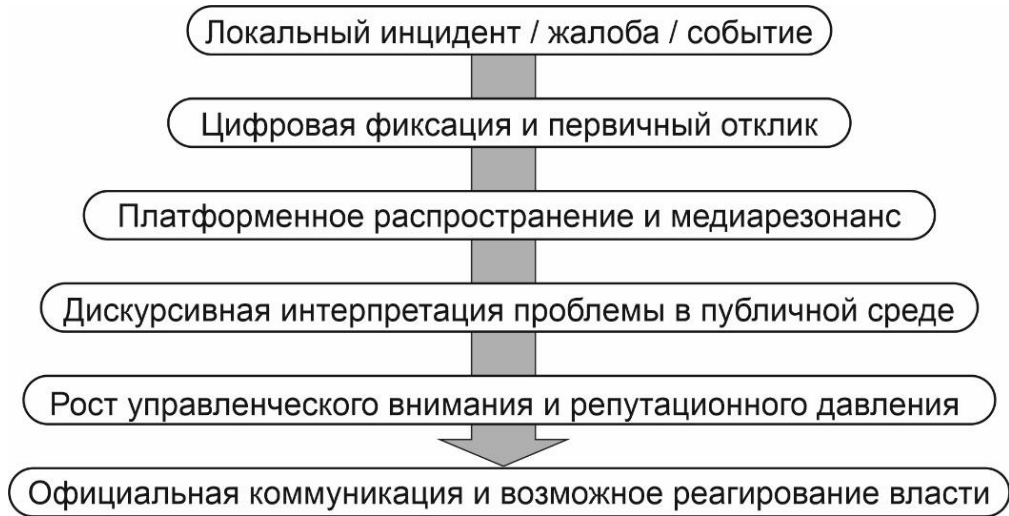

Рисунок 1 – Включение информационного повода в пространство публичного управления.

Рисунок 1 показывает, что управленческое внимание возникает не непосредственно из события, а из его цифровой фиксации, платформенного распространения, публичной интерпретации и медиарезонанса. Для исследования сетевого дискурса подобная последовательность важна по той причине, что она позволяет связать сигнальную, интерпретационную и управленческую функции цифровой среды в пределах одного аналитического контура. Представленная схема делает более различимым двойственный характер сетевого политического дискурса: с одной стороны, через него усиливаются обратная связь, видимость проблем, публичная подотчётность и скорость обмена информацией; с другой – платформенная архитектура, высокая скорость циркуляции контента, а также зависимость видимости темы от алгоритмического отбора повышают вероятность поляризации, репутационных перекосов и информационного шума. Для пространства публичного управления подобная амбивалентность обладает принципиальным значением, поскольку сетевой дискурс одновременно поставяет значимые политико-управленческие сигналы и создаёт более сложную среду для их интерпретации.

Делиберативная оптика позволяет рассматривать публичное управление не только как совокупность административных действий, но и как пространство выработки общественно приемлемых решений. В её рамках легитимность власти связывается с качеством обсуждения, открытостью каналов обратной связи,

возможностью включения гражданских позиций в процесс формирования политической воли. Для исследования сетевого дискурса такая постановка вопроса обладает особой ценностью, поскольку цифровая среда радикально расширяет объём публичных высказываний, снижает барьеры входа в коммуникацию и усиливает скорость общественного отклика. Одновременно в цифровой среде возрастает и напряжение между нормативным идеалом делиберации и фактическими механизмами платформенной коммуникации, где на передний план выходят фрагментация, асимметрия внимания, эмоциональная мобилизация и неравная алгоритмическая видимость тем.

В пространстве публичного управления сетевой информационный повод приобретает политическую значимость не мгновенно, а через последовательное усиление нескольких взаимосвязанных компонентов. Сначала в цифровой среде фиксируется событие, проблема или сбой, затем формируется его интерпретационная рамка, после чего возрастает видимость темы и расширяется круг участников обсуждения. Далее к дискурсивной динамике подключаются медиaposредники, региональные каналы и публичные комментаторы, вследствие чего усиливается репутационное давление на власть. На следующем этапе тема может быть включена в контур управленческого внимания, официальную коммуникацию и практику мониторинга¹. Подобная траектория делает понятной связь между сетевым резонансом и публичным управлением: цифровая коммуникация поставляет власти не только эмоционально окрашенный отклик, но и сигналы, влияющие на приоритеты реагирования, темп официальных действий и способы объяснения решений.

Вследствие данного обстоятельства делиберативная модель в цифровую эпоху требует переосмысления. Классическая публичная сфера была ориентирована на более или менее общую арену обсуждения, где аргумент сохранял относительную автономию от инфраструктуры его распространения. В сетевом обществе структура публичности изменилась: обсуждение распределено между множеством платформ, каналов, групп и аудиторий; скорость реакции возросла; границы между частным, публичным и институциональным стали менее устойчивыми; политическая значимость темы сильнее зависит от цифровой циркуляции и символического

¹ Ларский Г. А. Telegram-каналы как новый инструмент формирования повестки дня // Вопросы медиабизнеса. – 2025. – Т. 4. – № 2. – С. 59–70. – DOI: 10.24412/3034-1930-2025-0180.

резонанса. При таких условиях сетевой дискурс следует рассматривать как среду, в которой делиберация сохраняет нормативную значимость, но протекает в более сложных институциональных и технологических обстоятельствах.

Д. В. Волковский, рассматривая делиберативный подход к анализу цифровых коммуникаций власти и граждан, подчеркивает значение открытости каналов общения, прозрачности содержания и воспринимаемой взаимности коммуникативного обмена¹. В подобной перспективе цифровая публичность перестаёт описываться как сумма разрозненных реакций; в поле анализа включаются качество обсуждения, степень включённости участников, соотношение аргумента и эмоционального отклика, а также способность публичной коммуникации воздействовать на параметры легитимации решения. По отношению к сетевому дискурсу в пространстве публичного управления данный акцент продуктивен, поскольку внимание переносится с простой фиксации цифровой активности к вопросу о том, какие формы сетевого обсуждения могут усиливать управленческую чувствительность, а какие, напротив, ведут к фрагментации, шуму и снижению качества публичного взаимодействия.

Функциональное значение сетевого политического дискурса в публичном управлении может быть раскрыто через развернутую аналитическую схему, в которой учитываются управленческие, символические, коммуникативные и конфликтные эффекты цифровой среды (таблица 3).

В цифровой среде сетевой дискурс участвует в выявлении и публичной интерпретации проблем, мобилизации участников, координации коллективных действий, контроле над властью, а также в усложнении управленческой среды через информационный шум, поляризацию и селективное усиление отдельных тем. Подобная функциональная многослойность связана с тем, что сетевой дискурс развивается в условиях высокой скорости циркуляции сообщений, платформенной опосредованности, множественности акторов и неравномерного распределения внимания. В пространстве публичного управления данные свойства придают ему статус не только коммуникационного, но и политико-управленческого механизма.

¹ Волковский Д. В. Делиберативный подход к анализу качества цифровых коммуникаций власти и граждан: методологический аспект // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 90–116.

Таблица 3 – Функции сетевого политического дискурса в пространстве публичного управления

Функция	Содержательная характеристика	Проявление в публичном управлении
Сигнальная	выявление общественно значимых проблем, жалоб, локальных сбоев, кризисных импульсов	рост управленческого внимания к теме, включение информационного повода в мониторинг
Интерпретационная	формирование смысловой рамки события, его причинного объяснения и публичной оценки	закрепление проблемной рамки, изменение языка официального реагирования
Мобилизационная	вовлечение пользователей в обсуждение, поддержку, протест, коллективное давление	усиление общественного запроса, повышение репутационной цены бездействия
Контрольная	фиксация действий власти, задержек, противоречий, сбоев реализации	рост публичной подотчётности, усиление мониторинга решений
Координационная	связывание разных групп участников через каналы быстрого обмена сообщениями	горизонтальное распространение информации, поддержка сетевых форм взаимодействия
Дестабилизационная	усиление информационного шума, поляризации, эмоциональной мобилизации и асимметрии внимания	рост репутационных рисков, усложнение верификации информационных поводов, искажение управленческих приоритетов

Сигнальная функция сетевого дискурса как фактора принятия политических решений связана с ранним выявлением общественно значимых проблем, локальных конфликтов, кризисных эпизодов и повседневных сбоев. Через цифровые каналы в публичную сферу попадают жалобы граждан, видеосвидетельства, сообщения очевидцев, обращения локальных сообществ, фрагменты повседневного опыта, которые в доцифровую эпоху нередко оставались внутри частного общения или административной рутины¹. Под воздействием сетевой циркуляции подобные сигналы и/или информационные поводы утрачивают локальную замкнутость и получают шанс войти в режим публичной видимости. Для публичного управления данный аспект имеет принципиальное значение, поскольку управленческое внимание всё чаще формируется не только на основе внутриведомственного мониторинга, но и под влиянием информационных поводов, возникающих в цифровой среде. По

¹ Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Social Media and Political Agenda Setting // Political Communication. – 2022. – Vol. 39. – No 1. – P. 39–60. – DOI: 10.1080/10584609.2021.1910390; Ахременко А. С., Сеницына А. В., Соловьев В. А. Размежевание или сплочение? Динамика сетевой структуры политических телеграм-каналов: моделирование и эмпирический анализ // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2024. – № 3(114). – С. 59–81.

данной причине сетевой дискурс может рассматриваться как один из каналов первичной диагностики проблемной ситуации.

Интерпретационная функция выражается в формировании смысловой рамки события, через которую затем осуществляется его публичное прочтение. В дискурсивной перспективе, представленной Т. А. ван Дейком и Н. Фэрклоу, политически значимым является не только факт сообщения о событии, но и та символическая конфигурация, в пределах которой событие определяется, оценивается и связывается с определёнными отношениями власти. В цифровой среде одна и та же ситуация может быть описана как частный бытовой эпизод, управленческий сбой, социальная несправедливость, кризис безопасности или признак институциональной неэффективности¹. От выбора подобной рамки зависит дальнейшая судьба темы в публичной политике. Через интерпретационную функцию сетевой дискурс влияет на то, какие аспекты проблемы получают акцент, какие причинные связи становятся убедительными и какое направление общественной оценки приобретает доминирующее положение. Вследствие указанного обстоятельства цифровой дискурс участвует в политизации события ещё до начала официальной реакции.

С артикуляционной стороной интерпретационной функции связана способность сетевого дискурса выводить в публичное пространство такие позиции и оценки, которые прежде оставались маргинализированными либо вытеснялись из институционального канала коммуникации. В отечественных исследованиях сетевого дискурса показано, что его жанровое и коммуникативное разнообразие создаёт условия для появления альтернативных интерпретаций, конкуренции нарративов и символической борьбы за значение проблемы². Публичная повестка

¹ Леонтьева М. М., Санина А. Г. От информирования к взаимодействию? Особенности развития цифровых каналов коммуникации граждан и власти в регионах России // Мир России. Социология, этнология. – 2025. – Т. 34. – № 2. – С. 49–74. – DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-2-49-74; Vaccari C., Valeriani A. Outside the Bubble: Social Media and Political Participation in Western Democracies. – New York : Oxford University Press, 2021. – 302 p. – DOI: 10.1093/oso/9780190858476.001.0001.

² Попова О. В. Особенности коммуникации политизированных сообществ в русскоязычных телеграм-каналах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19. – № 2. – С. 215–229. – DOI: 10.21638/spbu23.2023.205.; Великая Н. М., Гребняк О. В., Станевич А. Ю. Легитимность местной власти: значение цифровой коммуникации // Власть. – 2025. – Т. 33. – № 1. – С. 205–216. – DOI: 10.24412/2071-5358-2025-1-205-216.

вследствие данного процесса перестает формироваться исключительно сверху вниз; в её структуру включаются сигналы и информационные поводы, исходящие от распределённых участников цифрового общения. Данный сдвиг не отменяет институциональных фильтров, однако заметно изменяет логику формирования общественно значимых интерпретаций.

Мобилизационная функция сетевого дискурса проявляется в способности цифровых коммуникаций быстро вовлекать пользователей в обсуждение, поддержку, протест, волонёрское действие и коллективное давление. Сетевые связи создают условия для того, чтобы разрозненные индивидуальные реакции превращались в более плотные формы публичного участия. Через репосты, комментарии, хэштеги, упоминания, подбор визуального материала и синхронные обращения к власти формируется эффект концентрированного общественного отклика¹. Для публичного управления данная функция важна не только по линии протестной динамики. Мобилизация в цифровой среде может принимать формы поддержки решения, солидарности с пострадавшими, совместной фиксации ущерба, инициативной помощи, экспертного обсуждения и коллективного давления на управленческий аппарат. В связи с этим сетевой дискурс влияет на структуру публичной политики через расширение числа участников, через повышение интенсивности их взаимодействия и через ускорение перехода от частного высказывания к общественно заметной реакции.

С мобилизационной функцией тесно связана координационная функция. Сетевой политический дискурс обеспечивает не только эмоциональное вовлечение, но и организацию коллективных действий. В цифровой среде согласуются время, последовательность, роли участников, формы обращения, каналы распространения информации и способы публичного давления². Подобная координация может

¹ Scacco J. M., Coe K. *The Ubiquitous Presidency: Presidential Communication and Digital Democracy in Tumultuous Times*. – New York: Oxford University Press, 2021. – 227 p. – DOI: 10.1093/oso/9780197520635.001.0001; Dillet B. *Speaking to Algorithms? Rhetorical Political Analysis as Technological Analysis // Politics*. – 2022. – Vol. 42. – No 2. – P. 231–246. – DOI: 10.1177/0263395720968060.

² Sevignani S. *Digital Transformations and the Ideological Formation of the Public Sphere: Hegemonic, Populist, or Popular Communication? // Theory, Culture & Society*. – 2022. – Vol. 39. – No 4.

сохранять неформальный характер, однако её управленческие последствия оказываются значимыми, поскольку плотность сетевого взаимодействия повышает видимость проблемы, усиливает устойчивость темы и затрудняет её игнорирование со стороны властных субъектов. Для пространства публичного управления данный аспект означает, что сетевой дискурс превращается в среду, где информационный повод получает не только распространение, но и организационную сборку.

Контрольная функция сетевого дискурса связана с дополнительным уровнем публичной подотчётности власти. В цифровой среде фиксируются действия должностных лиц, задержки реакции, расхождения между обещаниями и практикой, сбои реализации, локальные последствия управленческих решений. Сетевой дискурс сохраняет цифровые следы управленческого процесса, обеспечивает их повторное извлечение, сопоставление и общественное обсуждение¹. В данной логике контроль не ограничивается институциональной проверкой; он дополняется постоянным наблюдением со стороны граждан, региональных каналов, локальных медиа и экспертных участников публичной коммуникации. Для управленческой среды такая конфигурация означает, что решение оценивается не только по формальным критериям исполнения, но и по тому, как оно было воспринято, прокомментировано, сопоставлено с прежними действиями власти и встроено в публичную память. Через контрольную функцию сетевой дискурс участвует в формировании репутационной ответственности власти.

Наряду с перечисленными функциями существенное значение приобретает и дестабилизационный потенциал сетевого политического дискурса. Цифровая публичность не только расширяет возможности участия и обратной связи, но и создаёт

– P. 91–109. – DOI: 10.1177/02632764221103516; Hameleers M., Minihold S. Constructing Discourses on (Un)truthfulness: Attributions of Reality, Misinformation, and Disinformation by Politicians in a Comparative Social Media Setting // *Communication Research*. – 2022. – Vol. 49. – No 8. – P. 1176–1199. – DOI: 10.1177/0093650220982762.

¹ Heft A., Buehling K. Measuring the Diffusion of Conspiracy Theories in Digital Information Ecologies // *Convergence*. – 2022. – Vol. 28. – No 4. – P. 940–961. – DOI: 10.1177/13548565221091809; Kligler-Vilenchik N., Baden C., Yarchi M. Interpretative Polarization across Platforms: How Political Disagreement Develops Over Time on Facebook, Twitter, and WhatsApp // *Social Media + Society*. – 2020. – Vol. 6. – No 3. Article 2056305120944393. – DOI: 10.1177/2056305120944393; Törnberg P., Törnberg A. Inside a White Power Echo Chamber: Why Fringe Digital Spaces Are Polarizing Politics // *New Media & Society*. – 2024. – Vol. 26. – No 8. – P. 4511–4533. – DOI: 10.1177/14614448221122915.

условия для усиления информационного шума, поляризации, аффективной мобилизации и селективного внимания¹. Платформенная архитектура, как показывает Э. Чедвик, соединяет различные медийные логики и одновременно перераспределяет видимость сообщений, усиливая конкуренцию интерпретаций и неравномерность публичного внимания². Через алгоритмическое ранжирование одни темы получают ускоренное распространение, другие ослабляются, третьи вытесняются на периферию. В результате значимость проблемы в цифровой среде начинает зависеть не только от её общественной важности, но и от платформенной динамики, эмоциональной насыщенности контента, конфликтного потенциала высказываний и скорости их репликации³. Для публичного управления подобная конфигурация означает рост риска реактивности, поскольку наиболее заметными могут становиться темы, обладающие высоким цифровым резонансом, но не всегда совпадающие с институциональной шкалой приоритетов.

Дополнительное усложнение вносит та часть цифровой среды, где распространяются недостоверные интерпретации, слухи, эмоционально перегруженные оценки и манипулятивные конструкции. Сетевой дискурс в подобных случаях перестаёт выполнять преимущественно диагностическую или контрольную функцию и начинает воздействовать на публичную сферу через производство аффективного давления, через усиление недоверия и через искажение управленческой картины

¹ Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Social Media and Political Agenda Setting // *Political Communication*. – 2022. – Vol. 39. – No 1. – P. 39–60. – DOI: 10.1080/10584609.2021.1910390; Törnberg P. How digital media drive affective polarization through partisan sorting // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2022. – Vol. 119. – No 42. Article e2207159119. – DOI: 10.1073/pnas.2207159119; Valera-Ordaz L. Political Identity and News Media Choice: The Polarizing Logic of Selective Exposure During the Catalan Independence Conflict // *Mass Communication and Society*. – 2023. – Vol. 26. – No 2. – P. 326–352. – DOI: 10.1080/15205436.2022.2127366; Jost J. T., Baldassarri D. S., Druckman J. N. Cognitive-motivational mechanisms of political polarization in social-communicative contexts // *Nature Reviews Psychology*. – 2022. – Vol. 1. – No 10. – P. 560–576. – DOI: 10.1038/s44159-022-00093-5.

² Chadwick A. *The Hybrid Media System: Politics and Power*. – New York : Oxford University Press, 2013. – 272 p.

³ Huszár F., Ktena S. I., O'Brien C., Belli L., Schlaikjer A., Hardt M. Algorithmic amplification of politics on Twitter // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2022. – Vol. 119. – No 1. Article e2025334119. – DOI: 10.1073/pnas.2025334119; Dillet B. Speaking to algorithms? Rhetorical political analysis as technological analysis // *Politics*. – 2022. – Vol. 42. – No 2. – P. 231–246. – DOI: 10.1177/0263395720968060.

происходящего¹. Для институтов власти подобное положение дел создаёт двойную задачу: с одной стороны, необходимо распознавать общественно значимые сигналы и информационные поводы, с другой – требуется отделять их от шумовых и манипулятивных потоков. Управленческая работа в цифровой среде вследствие указанного обстоятельства требует не простого следования сетевой повестке, а постоянной интерпретации, проверки, сопоставления и институциональной фильтрации.

Совокупность указанных функций позволяет рассматривать сетевой политический дискурс как важный механизм производства политико-управленческой чувствительности. Через сигнальную функцию власть сталкивается с проблемой в её первичном и ещё не институционализированном виде. Через интерпретационную функцию формируется рамка публичного прочтения события. Через мобилизационную и координационную функции усиливается общественный отклик и повышается плотность коллективного действия. Через контрольную функцию возрастает подотчётность власти и усложняется публичная судьба управленческого решения. Через дестабилизационный контур цифровая среда одновременно создаёт риски селективности внимания, шумового давления и управленческой реактивности. Вследствие данной многослойности сетевой дискурс в пространстве публичного управления получает значение не только как канал передачи информации, но и как среда, в которой определяются значимость информационного повода, срочность темы, легитимность реакции и пределы публичного доверия к власти.

При обращении к региональному уровню значимость сетевого дискурса в публичном управлении усиливается. В регионах плотность повседневных проблем выше, чем на абстрактном национальном уровне; пространство обратной связи между жителями и властью оказывается более насыщенным; персонализированная ответственность губернатора воспринимается острее. Региональное публичное управление поэтому оказывается особенно чувствительным к сетевому дискурсу,

¹ Hameleers M., Minihold S. Constructing Discourses on (Un)truthfulness: Attributions of Reality, Misinformation, and Disinformation by Politicians in a Comparative Social Media Setting // *Communication Research*. – 2022. – Vol. 49. – No 8. – P. 1176–1199. – DOI: 10.1177/0093650220982762; Heft A., Buehling K. Measuring the diffusion of conspiracy theories in digital information ecologies // *Convergence*. – 2022. – Vol. 28. – No 4. – P. 940–961. – DOI: 10.1177/13548565221091809.

который соединяет жалобы, новости, тревоги, визуальные свидетельства, комментарии, экспертные оценки и локальные интерпретации событий. В цифровой среде региональные темы получают дополнительную публичную видимость, а управленческие действия начинают оцениваться в режиме почти непрерывного наблюдения. Данный контекст превращает сетевой дискурс в важный элемент региональной публичной политики и создаёт условия, при которых цифровая коммуникация включается в пространство принятия ситуационных политических решений.

Региональный уровень публичного управления характеризуется повышенной степенью персонализации ответственности. На федеральном уровне институциональная дистанция между властью и населением больше, тогда как в регионах ожидания граждан концентрируются вокруг фигуры губернатора как публичного носителя решения, адресата критики и символического представителя власти. Данная особенность усиливается в цифровой среде, где губернаторский канал, личное обращение, оперативный комментарий или отсутствие реакции быстро становятся предметом общественной оценки. В сетевом дискурсе персонализируется не только образ власти, но и представление об эффективности управления, близости руководителя к населению, готовности администрации слышать локальные общественно значимые сигналы и признавать проблемные зоны. По указанной причине региональный сетевой дискурс тесно связан с губернаторской коммуникацией и оценкой управленческого присутствия в публичной сфере¹.

Современные исследования регионального Телеграм-дискурса показывают, что персонализация публичного управления в цифровой среде обладает выраженными медиакоммуникационными формами. А. Б. Шалимов, анализируя структуру

¹ Шалимов А. Б. Структура медиадискурса российских региональных Telegram-каналов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2024. – Т. 10. – № 4. – DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-6.4; Дементьева К. В., Казин А. В. Telegram-канал Главы Республики Мордовия «Здунов здесь» как инструмент медиа // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2024. – Т. 3. – № 4(12). – С. 342–349. – DOI: 10.21603/2782-4799-2024-3-4-342-349. Рябченко Н. А., Харитонов А. А. Субъекты социальной сферы в условиях цифровой реальности: факторы развития и новые методы исследования // Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека : Материалы IX Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Кубанского государственного университета (Кубань, 31 мая 2020 года). – Краснодар : Изд-во «Парабеллум», 2020. – С. 161–168.

медиадискурса российских региональных Телеграм-каналов, указывает на высокую плотность локальных тем, на событийную насыщенность коммуникации и на значимость региональной идентификации в цифровой среде¹. К. В. Дементьева и А. В. Казин, обращаясь к Телеграм-каналу главы Республики Мордовия, описывают губернаторский канал как инструмент медиации между административной вертикалью и цифровой аудиторией, где управленческая повестка сопровождается персонализированным стилем присутствия². Указанные наблюдения позволяют уточнить место сетевого дискурса в региональном публичном управлении. Через Телеграм и иные цифровые площадки губернатор включается в пространство публичной оценки, а управленческая повестка получает дополнительное измерение – измерение медиаприсутствия, цифровой репутации и постоянного сравнения официальной коммуникации с сигналами региональной сетевой среды.

В рамках настоящего исследования сетевой дискурс в пространстве публичного управления понимается как совокупность публично значимых цифровых коммуникаций, в которых участвуют органы власти, медиа, граждане, активисты, экспертные сообщества и сетевые площадки по поводу общественно и политически значимых проблем. Его специфика определяется четырьмя признаками: высокой скоростью циркуляции информации, платформенной опосредованностью, множественностью акторов и сильной зависимостью публичной значимости темы от цифровой видимости и резонанса. В этих условиях публичное управление развивается в среде, где институциональные информационные поводы, общественные ожидания, медиаповестка и сетевые реакции начинают взаимодействовать в постоянном режиме. Управленческое решение, его объяснение, восприятие и последующая коррекция оказываются включёнными в единую дискурсивную динамику.

Сетевой дискурс обладает значительным потенциалом для публичного управления, однако его возможности не охватывают всю структуру принятия

¹ Шалимов А. Б. Структура медиадискурса российских региональных Telegram-каналов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2024. – Т. 10. – № 4. – DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-6.

² Дементьева, К. В., Казин А. В. Telegram-канал Главы Республики Мордовия «Здунов здесь» как инструмент медиа // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2024. – Т. 3. – № 4(12). – С. 342–349. – DOI: 10.21603/2782-4799-2024-3-4-342-349.

решений. Цифровая видимость темы не совпадает автоматически с её институциональной значимостью, а высокий резонанс не гарантирует содержательной полноты обсуждения. Платформенная архитектура усиливает одни информационные поводы как сигналы, ослабляет другие, перераспределяет внимание и в ряде случаев формирует асимметричную картину общественной проблематики¹. В обсуждение включаются достоверные сведения, оценочные высказывания, эмоциональные реакции, слухи и элементы манипулятивного контента. Управленческая работа в подобной среде требует не простого следования цифровой повестке, а её интерпретации, проверки, сопоставления с институциональными данными и включения в процедуры публичной политики. Сетевой дискурс тем самым расширяет пространство обратной связи, повышает чувствительность власти к общественно значимым информационным поводам и одновременно усложняет задачи управленческой верификации.

В исследованиях К. М. Дуглас, Р. Саттона и А. Чичоки показано, что цифровая среда создает благоприятные условия для распространения конспирологических интерпретаций, поскольку в ней ускоряется циркуляция объяснений, построенных на недоверии, подозрении и сниженной потребности во внешней верификации². С. Л. Уилсон и Ч. С. Вийсонге, анализируя «антипрививочное движение» (*vaccine hesitancy*), связывают рост подобных установок с тем, что социальные платформы усиливают распространение эмоционально насыщенных и конфликтно организованных сообщений³. Для пространства публичного управления подобные процессы значимы по той причине, что в цифровой повестке управленчески важные сигналы, экспертные оценки, аффективные реакции, слухи, недостоверные интерпретации и манипулятивные конструкции сосуществуют в общем

¹ Климович А.П. Риски концентрации власти в эпоху искусственного интеллекта: между следящим капитализмом и цифровым Левиафаном // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 154–170. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1784>. (дата обращения: 27.05.2026).

² Douglas K. M., Sutton R. M., Cichocka A. The Psychology of Conspiracy Theories // *Current Directions in Psychological Science*. – 2017. – Vol. 26. – No 6. – P. 538–542. – DOI: 10.1177/0963721417718261.

³ Wilson S. L., Wiysonge C. Social Media and Vaccine Hesitancy // *BMJ Global Health*. – 2020. – Vol. 5. – No 10. e004206. – DOI: 10.1136/bmjgh-2020-004206.

информационном потоке. Вследствие указанного обстоятельства сетевой дискурс воздействует на публичное управление как ресурс обратной связи и одновременно как среда повышенной сложности, требующая институциональной верификации, аналитической фильтрации и коммуникативной осторожности.

Таким образом, в цифровую эпоху сетевой дискурс занимает значимое место в пространстве публичного управления. Через него в публичную сферу входят информационные поводы и сигналы о социально и политически значимых проблемах, формируются рамки интерпретации событий, усиливается общественный отклик, возрастает плотность обратной связи между властью и обществом. Внутри данной логики публичное управление рассматривается как среда, в которой институциональные процедуры, управленческая рациональность, публичная политика и коммуникация с обществом существуют во взаимной связи. Сетевой дискурс в этих условиях приобретает статус одного из компонентов публичного управления, поскольку через него общественно значимые сигналы переходят в пространство управленческого внимания и участвуют в формировании публичной видимости проблемы.

Понятийная рамка параграфа выстроена через разведение категорий публичной власти, публичного управления, публичной политики, *governance*, дискурса, сетевого дискурса и сетевого политического дискурса. Данное уточнение позволило определить сетевой политический дискурс как часть сетевого дискурса, сосредоточенную на политически значимых темах и включённую в процессы формирования повестки, общественного давления и публичной легитимации решений. Теоретическая основа анализа была раскрыта через четыре группы подходов: дискурсивные, коммуникативно-делиберативные, сетевые и управленческие. В границах данной конструкции центральное место занимает делиберативная перспектива, поскольку она позволяет связать публичную коммуникацию, качество обсуждения и восприятие политических решений в цифровой среде.

Сетевой политический дискурс выполняет сигнальную, интерпретационную, мобилизационную, координационную, контрольную и дестабилизирующую функции. Через данные функции формируется политико-управленческая чувствительность, распределяется внимание, усиливается подотчётность власти, возрастает

репутационная цена бездействия, а цифровая среда одновременно поставляет значимые сигналы и усложняет их интерпретацию. Таким образом, сетевой дискурс в пространстве публичного управления выступает не внешним информационным сопровождением деятельности власти, а одним из условий современной публичной политики, в рамках которого складываются новые формы взаимодействия государства, медиа и общества.

В первой главе сформирована теоретико-методологическая основа исследования процессов принятия политических решений в сетевом обществе. В параграфе 1.1 политическое решение было раскрыто как публично значимый, процессуальный, многоуровневый и информационно насыщенный феномен. Его жизненный цикл включает инициацию информационного повода, его превращение в проблему и включение в политическую повестку дня, формирование альтернатив, согласование и принятие решения, реализацию, оценку и корректировку, а также прекращение действия, замещение либо повторный запуск политического процесса. На каждой стадии действуют собственные информационные компоненты, акторы и каналы влияния. Сетевой дискурс в этой структуре выступает как один из факторов принятия политических решений, поскольку он ускоряет проблематизацию, влияет на режим публичной видимости, участвует в селекции альтернатив, воздействует на способы легитимации решения и усиливает цифровую оценку результата. При этом институциональное ядро политического решения сохраняется, а окончательный выбор производится внутри системы публичной власти. В параграфе 1.2 была рассмотрена институциональная архитектура публичной власти и субъектный состав политико-управленческого процесса. Показано, что политические решения в современной региональной политике формируются в системе, включающей федеральный центр, губернатора, региональную исполнительную власть, муниципальные структуры, политические партии, группы интересов, экспертные сообщества, средства массовой информации, цифровые медиа, граждан, активистов и сетевые сообщества. Данная конфигурация образует институционально-коммуникационный контур, внутри которого цифровые информационные поводы получают управленческую значимость. В параграфе 1.3 был раскрыт сетевой дискурс в пространстве

публичного управления как среда формирования общественно значимых информационных сигналов, влияющих на повестку, управленческое внимание и способы публичной легитимации решений.

Таким образом, первая глава последовательно показала, что принятие политических решений в сетевом обществе разворачивается в многоуровневой институционально-коммуникационной среде, где сетевой дискурс воздействует на проблематизацию, повестку, темп реагирования, публичную интерпретацию и оценку управленческих действий. Сетевой дискурс в пределах данной логики должен рассматриваться как значимый фактор политико-управленческого процесса, влияющий на условия восприятия проблемы и параметры публичной легитимации решения. Именно данному кругу вопросов посвящена вторая глава диссертации.

2 СЕТЕВОЙ ДИСКУРС И ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В первой главе были последовательно рассмотрены процессуальная природа принятия политических решений в сетевом обществе, институциональная архитектура публичной власти и сетевой дискурс в пространстве публичного управления. Проведённый анализ позволил установить, что сетевой дискурс включён в политико-управленческий процесс как значимая среда формирования общественно-политических информационных поводов, институциональное ядро принятия решений сохраняется внутри системы публичной власти, а сам жизненный цикл решения разворачивается в условиях ускоренной цифровой коммуникации, расширенной обратной связи и высокой чувствительности власти к публичной повестке. Указанная логика требует перехода от общей теоретической модели к эмпирическому рассмотрению того, как сетевой дискурс проявляется как фактор в региональной публичной политике современной России и каким образом он соотносится с принятием политических решений.

2.1 Российские регионы как институциональная среда принятия политических решений

Для анализа сетевого дискурса как фактора принятия политических решений в регионах современной России необходимо предварительно определить, что представляет собой российский регион как пространство политико-управленческого действия. В пределах настоящего исследования регион понимается не только как административно-территориальная единица, закреплённая в федеративном устройстве государства, но и как уровень публичной власти, в рамках которого формируются, согласуются, реализуются и публично сопровождаются политические решения. Такой подход позволяет рассматривать регион не как фоновую территорию, а как самостоятельную институциональную среду, обладающую собственной

политико-административной организацией, субъектной структурой, ресурсными ограничениями и особыми каналами связи между властью и обществом¹.

В работах Р. Ф. Туровского регион предлагается рассматривать как «политический регион», т. е. как пространство, которое может быть описано одновременно в политико-административном, политико-системном и политико-социологическом измерениях². Подобная оптика существенна для настоящей диссертации, поскольку она позволяет соединить нормативно-правовой статус субъекта Российской Федерации, особенности его политического режима, состав действующих акторов, локальные формы легитимации власти и социальные параметры регионального сообщества. Регион в таком случае выступает не как механическая часть общегосударственной структуры, а как территориальный уровень, на котором общенациональные правила получают конкретное политическое и управленческое выражение. Одновременно данная трактовка даёт возможность анализировать региональные различия не только через экономические показатели, но и через способы организации власти, распределения ресурсов и построения публичной коммуникации³.

Подобное понимание региона особенно важно, поскольку федеративная организация государства сочетается с высокой степенью административной централизации, неравномерностью социально-экономического развития и существенными различиями в социокультурной структуре субъектов Российской Федерации. В исследованиях Н. В. Зубаревич показано, что региональная неоднородность в России определяется сочетанием факторов расселения, демографической ситуации и экономического развития⁴. Следовательно, регион должен рассматриваться как особая социально-политическая среда, в которой институциональные и управленческие процессы разворачиваются в неравных и неоднородных условиях. Для

¹ Туровский Р.Ф., Джаватова К.Ю. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 48-73. URL: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2019.02.03> (дата обращения: 26.05.2026).

² Туровский Р. Ф., Луизидис Е. М. Факторы губернаторских отставок в России // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 161-178. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.13> (дата обращения: 26.05.2026).

³ Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 77–95.

⁴ Зубаревич Н. В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? – М. : Поматур, 2005. – С. 9–24.

анализа политических решений данное обстоятельство имеет принципиальное значение: одинаковая формальная компетенция органов власти не означает одинаковых условий для принятия и реализации решений в разных регионах страны.

Наряду с общей включённостью в единое конституционно-правовое пространство субъекты Российской Федерации сохраняют и признаки институциональной асимметрии. Формальное равенство регионов в пределах федеративного устройства не устраняет различий, связанных с их историко-политическим происхождением, типом субъекта РФ, символическим статусом территории и плотностью региональной идентичности. Вследствие этого региональная среда принятия политических решений не может описываться как полностью однородная даже на уровне исходных институциональных параметров. Одни регионы обладают более выраженной политико-символической субъектностью, другие сильнее встроены в административную логику центра, третьи сочетают формальную унификацию с сохраняющимися особенностями локального политического устройства. Для настоящего исследования данный аспект важен постольку, поскольку он позволяет точнее объяснить, почему единая модель публичной власти в российских регионах реализуется в различающихся политико-управленческих контекстах.

Российский регион как институциональная среда принятия решений не обладает полной автономией. Формально субъекты Российской Федерации включены в федеративную конструкцию, однако фактически их политико-управленческая деятельность разворачивается в условиях устойчивого воздействия федерального центра. Через федеральное законодательство, бюджетное регулирование, контрольные и координационные механизмы, территориальные органы федеральной власти и систему политических сигналов центр задаёт рамки, в пределах которых регион может действовать. По этой причине региональное политическое решение не следует трактовать как полностью самостоятельный выбор; точнее, говорить о выборе, совершаемом в рамках многоуровневой системы власти, где значительная часть ограничений и возможностей задаётся извне¹.

¹ Зубаревич Н. В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? – М.: Политур, 2005. – С. 33–46.

Существенным измерением данной зависимости выступает бюджетно-финансовая конфигурация региона. Реальные возможности субъекта Российской Федерации в сфере принятия и реализации политических решений определяются не только объёмом формальных полномочий, но и соотношением собственной доходной базы, трансфертной зависимости, долговой нагрузки и доступа к федеральным программам развития. В регионах с более высокой степенью финансовой самостоятельности пространство управленческого манёвра, как правило, шире; в территориях, значимо зависящих от межбюджетного перераспределения, выше роль федеральных приоритетов, целевых программ и внешних рамок согласования решений. Следовательно, институциональная среда регионального политического решения определяется не только устройством власти, но и ресурсной ёмкостью управления. Данное обстоятельство особенно важно в условиях кризисной или конфликтной повестки, когда скорость реагирования и полнота реализуемых мер оказываются тесно связаны с бюджетной обеспеченностью субъекта РФ.

Исследуя региональные политические режимы, Р. Ф. Туровский показывает, что региональный политический режим целесообразно рассматривать как территориальный уровень общенационального политического режима¹ Иначе говоря, в российских регионах возможны различия в методах распределения и реализации власти, конфигурации акторов и организационных практиках, однако эти различия всегда развиваются внутри общей политической структуры страны. Для настоящего исследования данный вывод важен по двум причинам: во-первых, он позволяет избежать преувеличения региональной автономии; во-вторых, он объясняет, почему сходные федеральные рамки могут сочетаться с различием региональных управленческих стилей, дискурсивных моделей и способов реагирования на общественно значимые информационные поводы.

Тенденция к централизации, усилившаяся в российской политике в 2000-е и 2010-е годы, не устраняет региональный уровень как пространство принятия решений, но меняет характер его функционирования. В этих условиях региональная

¹ Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 78–84.

автономия проявляется прежде всего не в свободе от центра, а в вариативности интерпретации, способах публичного сопровождения решений, характере взаимодействия с муниципальным уровнем, уровне чувствительности к локальным проблемам и плотности цифровой обратной связи. Для анализа региональной публичной политики такое понимание особенно важно, поскольку сетевой дискурс воздействует не на отвлечённую «региональную власть», а на региональную власть, действующую в условиях одновременной зависимости от федеральных рамок и ответственности перед локальной публичностью¹.

Принятие политических решений в российском регионе разворачивается в многоуровневой организационной архитектуре. Центральное место в данной системе занимает губернатор как высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, соединяющее несколько функций одновременно: представительскую, координационную, политико-символическую и антикризисную. В региональной публичной политике именно губернатор чаще всего оказывается публичным носителем решения, адресатом претензий, объектом цифровой критики и фигурой, через которую население воспринимает управленческую эффективность власти. При этом собственно решение, как правило, формируется не индивидуально, а в распределённой системе исполнительной власти².

Региональная исполнительная власть включает правительства субъектов РФ, министерства, департаменты, комитеты, профильные штабы, подведомственные учреждения и иные административные структуры. Одни из них обеспечивают сбор информации и анализ ситуации, другие участвуют в выработке альтернатив, третьи отвечают за согласование, правовое оформление и реализацию принятых мер. Политическое решение, следовательно, проходит через последовательность организационных фильтров и административных процедур. Его окончательное публичное выражение может быть связано с губернатором, однако подготовка, наполнение и

¹ Баранов А. В. Становление муниципальных политических исследований в России: основные научные направления // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 417–420.

² Косоруков А. А. Общетеоретические основания процесса принятия политических решений (на примере современной России) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 41. – С. 166–184.

исполнение решения обеспечиваются коллективной и многоуровневой бюрократической инфраструктурой.

Особое место в данной архитектуре принадлежит муниципальному уровню. Именно здесь возникают многие локальные поводы, которые затем переходят в региональную повестку. Муниципальные администрации и местные службы первыми сталкиваются с жалобами граждан, инфраструктурными сбоями, коммунальными кризисами, локальными конфликтами и повседневными проблемами, имеющими потенциал публичной эскалации. Поэтому муниципальный уровень выступает одновременно как пространство первичного обнаружения проблем и как контур реализации значительной части региональных решений.

Важнейшую роль сохраняют и территориальные органы федеральных ведомств. Их участие особенно заметно в сферах безопасности, правопорядка, чрезвычайного реагирования, экологического надзора, социальной политики и межбюджетного регулирования. В кризисных ситуациях именно территориальные подразделения федеральных структур нередко обеспечивают ту часть реакции, которая выводит региональное решение из сугубо локального режима в режим межуровневого политико-управленческого взаимодействия.

Эмпирические исследования власти в российских городах и регионах, проведённые А. Е. Чириковой и В. Г. Ледяевым, показывают, что властные отношения в локальных сообществах характеризуются конфигурацией и иерархией нескольких групп акторов, взаимодействием между представительными и исполнительными структурами, а также значимой ролью региональных акторов в пространстве локальной политики¹. Для настоящего параграфа этот вывод особенно важен, поскольку позволяет рассматривать регион как институциональную среду не в абстрактной вертикали подчинения, а в качестве пространства пересечения нескольких центров влияния и координации.

Формальная многоуровневая архитектура регионального управления в действительности дополняется конфигурацией элитных и межорганизационных

¹ Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. – С. 9–16, 29–39.

взаимодействий. Политическое решение в регионе формируется не только в рамках юридически закреплённой вертикали, но и в пространстве фактического соотношения административных, муниципальных, экономических и символических центров влияния. В региональную среду принятия решений входят неформальные коалиции, устойчивые каналы согласования, посреднические позиции отдельных акторов и локальные узлы влияния, способные ускорять или, напротив, тормозить прохождение информационного повода к стадии институционального реагирования. Подобные конфигурации не отменяют формальных полномочий губернатора и органов исполнительной власти, однако существенно влияют на порядок выработки альтернатив, распределение ответственности и способы публичного сопровождения принимаемых решений. По этой причине региональная институциональная среда должна рассматриваться не только как нормативно организованная система, но и как поле реальных коалиций и асимметричных взаимодействий.

В условиях кризиса, аварии, внешней угрозы или иного высоко резонансного события региональная институциональная среда нередко переходит в режим ситуационного управления. В таких обстоятельствах наряду с постоянной исполнительной вертикалью особое значение приобретают временные контуры координации: оперативные штабы, межведомственные комиссии, ускоренные процедуры согласования, перераспределение полномочий и концентрация ответственности вокруг ограниченного круга должностных лиц. Подобные режимы не устраняют многоуровневую природу регионального управления, однако временно изменяют баланс между его звеньями, усиливают роль губернатора и исполнительного центра, а также повышают значение оперативной информации, медиарезонанса и цифровой обратной связи. По этой причине в региональной публичной политике необходимо различать рутинный и ситуационный режимы принятия решений, поскольку степень влияния сетевого дискурса на них неодинакова.

Институциональная среда принятия политических решений в российских регионах определяется не одной переменной, а сочетанием нескольких групп факторов. Для аналитических целей их целесообразно разделить на структурные, институционально-политические, социокультурные, демографические и цифровые.

Структурные факторы задают базовую рамку регионального развития и обладают высокой устойчивостью. К ним относятся: природно-ресурсная база, отраслевая специализация экономики, бюджетная обеспеченность, положение в системе расселения, уровень урбанизации, транспортно-географическое положение, приграничный либо внутренний статус, включённость в федеральные и международные логистические контуры. Н. В. Зубаревич подчёркивает, что межрегиональные различия в России определяются сочетанием факторов расселения, демографической ситуации и экономического развития¹. Такие параметры меняются медленно, однако именно они задают пределы ресурсной ёмкости региона, масштаб его социальных обязательств и базовые условия принятия политических решений.

Институционально-политические факторы определяют непосредственную конфигурацию власти и степень управленческой самостоятельности региона. Сюда относятся характер отношений между федеральным центром и субъектом Федерации, положение губернатора в системе власти, степень консолидации региональной элиты, конфигурация исполнительной вертикали, потенциал муниципального уровня, роль территориальных федеральных органов и свойства регионального политического режима. В исследованиях Р. Ф. Туровского региональные режимы анализируются через различия в уровнях автономии, консолидации, конкурентности и организации власти². Работы А. Е. Чириковой и В. Г. Ледяева показывают, что на локальном и региональном уровнях значимы не только формальные полномочия, но и иерархия акторов, неформальные связи, распределение ресурсов и возможность влияния на повестку³. В совокупности данные факторы определяют, кто именно и в каких институциональных условиях участвует в политическом решении.

Социокультурные факторы влияют на принятие решений менее непосредственно, но не менее существенно. Сюда относятся: региональная идентичность, уровень общественного доверия, характер локальных ценностных структур,

¹ Зубаревич Н. В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? – М. : Поматур, 2005. – С. 47–68.

² Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 84–92.

³ Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. – С. 40–63.

этнокультурный состав, конфессиональные особенности, тип общественной самоорганизации, отношение к власти и к публичному участию. В программе Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой «Социокультурный портрет региона России» регион прямо рассматривается как самостоятельная социокультурная целостность, обладающая собственной структурой ценностей, норм, идентичностей и представлений о допустимом общественном порядке¹. Для анализа политических решений в регионах этот подход имеет принципиальное значение: решение всегда вписано не только в административную, но и в социокультурную среду, а потому его легитимность и воспринимаемая обоснованность зависят от локального социального контекста.

Демографические факторы следует выделять особо. Половозрастная структура населения, миграционный баланс, уровень старения, доля молодёжи, распределение населения между городом и селом, концентрация трудоспособных возрастов: всё это влияет на содержание региональной повестки и на конфигурацию управленческих приоритетов. Исследование Н. В. Артамонова, А. В. Курбацкого и Р. А. Халимова показывает, что возрастная структура населения статистически значимо влияет на экономическое развитие регионов России, а наибольший положительный вклад связан с долей наиболее молодых и экономически активных возрастных групп². В контексте настоящей диссертации данный фактор важен постольку, поскольку он определяет не только экономические возможности региона, но и структуру запросов к власти, чувствительность к кризисным событиям и плотность цифровой включённости населения.

Цифровые факторы в условиях сетевого общества приобретают возрастающее значение. К ним относятся: уровень доступа к Интернету, развитость цифровой инфраструктуры, навыки использования цифровых сервисов, распространённость онлайн-коммуникации, степень включённости населения в платформенную среду, плотность локальных сетевых сообществ, цифровое неравенство и способность

¹ Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). – М. : ИФ РАН, 2010– С. 5–18.

² Артамонов Н. В., Курбацкий А. В., Халимов Р. А. Взаимосвязь экономического развития и возрастной структуры населения регионов России // Terra Economicus. – 2021. – Т. 19. – № 2. – С. 77–90.

региональной публичности быстро переводить локальный повод в общественно значимую тему. В исследовании С. П. Земцова, К. В. Демидовой и Д. Ю. Кичаева показано, что в России сохраняются существенные различия между регионами как по доступу к Интернету, так и по его использованию; доступ к Интернету зависит от доходов, среднего возраста и уровня образования населения¹. Н. Ю. Сорокина, в свою очередь, показывает, что цифровое неравенство второго порядка – это на самом деле различия в характере использования цифровых технологий, что превышает неравенство в самом доступе и влияет на доступность государственных и муниципальных услуг для жителей различных территорий². В результате цифровая среда должна рассматриваться как самостоятельный фактор региональной среды решения, а не как внешний технологический фон (рисунок 2).

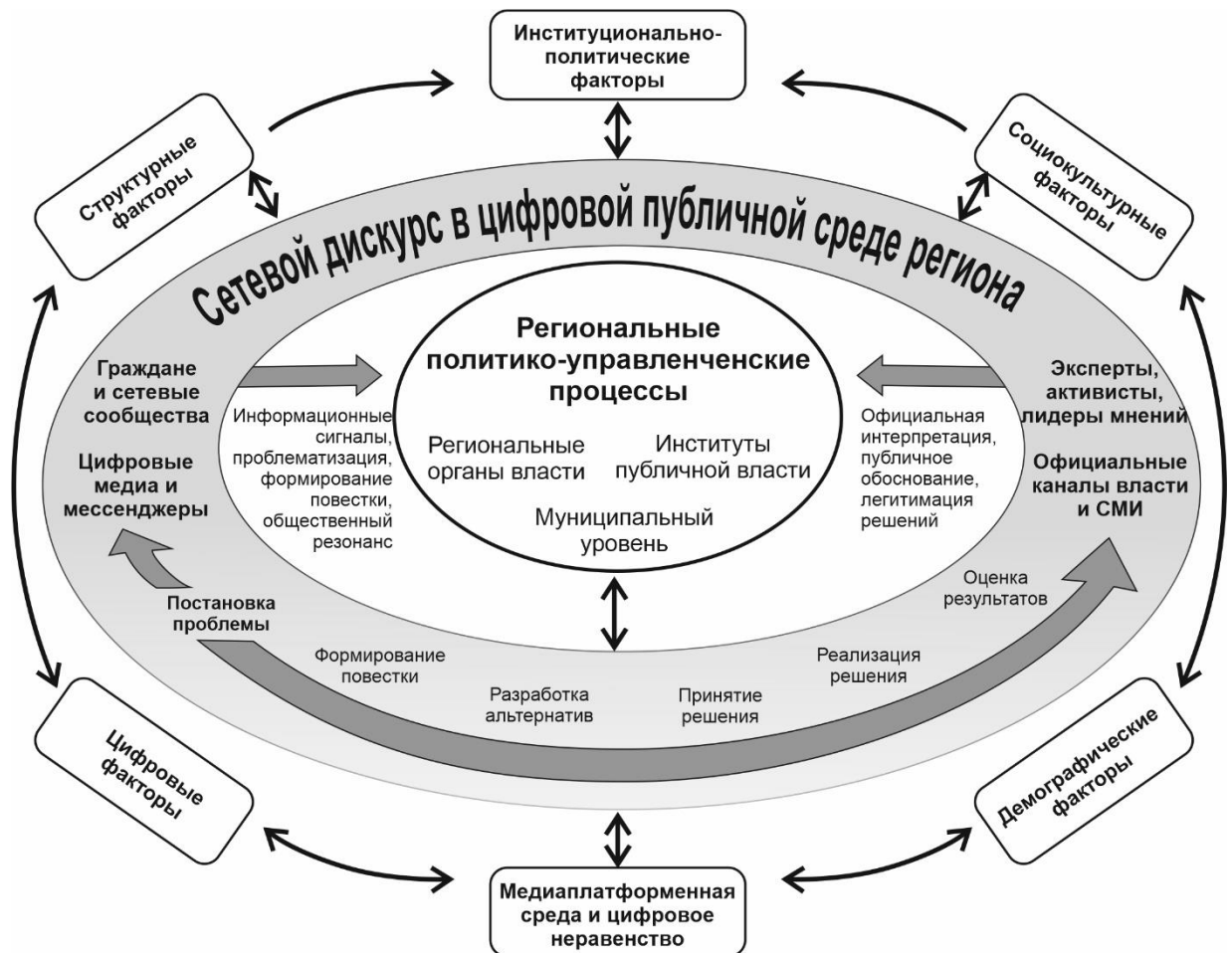

Рисунок 2 – Российский регион как институциональная среда принятия политических решений.

¹ Земцов С. П., Демидова К. В., Кичаев Д. Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – № 4. – С. 57–78.

² Сорокина Н. Ю. Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. – 2025. – Т. 21. – № 3. – С. 447–460.

Наряду с цифровым неравенством существенное значение имеет и платформенно-медийная инфраструктура региона. Региональная цифровая публичность развивается не в одинаково организованной среде: в одних субъектах РФ локальная повестка структурируется преимущественно через крупные сетевые сообщества и Телеграм-каналы, в других сохраняется более значимая роль традиционных медиа, в третьих складывается гибридная конфигурация, в которой официальные каналы власти, квазимедийные паблики и пользовательские сети образуют плотное общее информационное поле. Данное различие влияет на скорость распространения информационного повода, вероятность его повторной интерпретации, объём вовлечённой аудитории и силу давления на институты публичной власти. Вследствие этого региональная медиаплатформенная конфигурация должна рассматриваться как самостоятельный параметр среды принятия политических решений.

Предложенная факторная карта задаёт аналитическую рамку для последующего рассмотрения конкретных региональных случаев и сопоставления тех субъектов Российской Федерации, которые включены в исследовательский дизайн диссертации. Одни и те же информационные поводы, сходные по содержанию и интенсивности, проходят в различных регионах через неодинаковые институциональные и коммуникативные траектории. В одних случаях определяющее значение приобретают ресурсно-структурные ограничения, в других имеет значение конфигурация исполнительной власти и уровень централизации, в третьих определяющим являются демографические и цифровые параметры среды, включая плотность сетевых сообществ и степень включённости населения в цифровое взаимодействие. По этой причине последующий анализ региональных кейсов и дискурсивных режимов будет опираться не на предположение о едином механизме влияния сетевого дискурса, а на понимание российской региональной среды как вариативной и неоднородной.

Факторная карта российской региональной среды не может быть описана без типологизации самих регионов. Формальное институциональное сходство субъектов Российской Федерации сочетается с глубокой неоднородностью их социально-экономического положения, ресурсной базы и управленческого потенциала. По

этой причине сила и характер воздействия перечисленных факторов меняются от одного типа региона к другому.

Для целей настоящего исследования продуктивной является типология, предложенная В. А. Бариновой, С. М. Дробышевским, В. А. Еремкиным, С. П. Земцовым и А. В. Сорокиной. На основе кластерного анализа авторы выделили четыре основных типа российских регионов: «лидеры и инвесторы», «сырьевые», «средние» и «отстающие»¹. Данная типология важна по двум причинам: во-первых, она позволяет зафиксировать существование ресурсного типа регионов в строгой эмпирической классификации; во-вторых, она даёт основание говорить о вариативности силы факторов принятия решений в разных типах регионов.

К лидерам и инвесторам авторы относят регионы, в которых сосредоточены крупнейшие агломерации, относительно высокий уровень жизни и инвестиционная привлекательность. В подобных регионах решения чаще принимаются в среде высокой экономической плотности, сложной социальной структуры и развитой медиапубличности. Здесь сильнее проявляются агломерационные преимущества, институциональная насыщенность, конкуренция повесток и сравнительно высокий уровень цифровой включённости населения.

Сырьевые регионы характеризуются высокой долей добывающих отраслей в экономике и зависимостью от внешних рынков и цен на сырьё. Для таких субъектов РФ ресурсная база и внешнеэкономическая конъюнктура становятся факторами высокой силы, а управленческие решения сильнее зависят от бюджетной устойчивости, инфраструктурной специализации и федеральной политики перераспределения доходов. В них социокультурные и цифровые различия также присутствуют, однако на первый план чаще выходит именно экономико-ресурсная структура.

К средним регионам отнесена большая часть субъектов Российской Федерации. Для них характерна противоречивая динамика развития, средний уровень жизни и значимая доля трансфертов в бюджетах. В такой среде решения

¹ Баринова В. А., Дробышевский С. М., Еремкин В. А., Земцов С. П., Сорокина А. В. Типология регионов России для целей региональной политики // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 23. – С. 4199–4204.

формируются под воздействием смешанного комплекса факторов: институционально-политических, бюджетных, демографических и цифровых. Именно для этой группы наиболее важен вопрос о сочетании структурной зависимости и региональной вариативности управленческих практик.

К отстающим регионам относятся территории с низким уровнем жизни, высокой долей трансфертов в бюджетах и заметной ролью аграрного сектора. В данных регионах влияние структурных ограничений особенно велико. Решения здесь чаще принимаются в условиях дефицита ресурсов, высокой социальной нагрузки, слабой инвестиционной базы и нередко из-за более низкой цифровой насыщенности. В этой группе возрастает значение федерального перераспределения, социальной политики и базовой инфраструктурной поддержки.

Тем самым типологизация позволяет сделать важный методологический вывод: сила факторов принятия решений в регионах не является одинаковой. В ресурсных регионах высокую силу имеют экономико-структурные параметры, в лидирующих и инвестиционно привлекательных основное значение имеют институциональная сложность, конкуренция интересов и насыщенность цифровой публичности, в отстающих регионах проблема состоит в бюджетных ограничениях, социальной нагрузке и зависимости от федеральных трансфертов, в средних регионах наблюдается смешанное действие нескольких групп факторов¹.

Среди факторов региональной среды особое место занимают цифровое неравенство, развитость сетевых сообществ и ситуационные всплески сетевого дискурса. В отличие от ресурсной базы, территориального положения или общей административной архитектуры эти факторы обладают высокой изменчивостью и способны резко усиливать или ослаблять влияние цифровой публичности на политико-управленческий процесс.

Цифровое неравенство в российских регионах проявляется как минимум на двух уровнях: первый связан с различием в доступе к инфраструктуре и к сети

¹ Баринаева В. А., Дробышевский С. М., Еремкин В. А., Земцов С. П., Сорокина А. В. Типология регионов России для целей региональной политики // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 23. – С. 4201–4203.

Интернет; второй относится к различию в характере и интенсивности использования цифровых технологий. Н. Ю. Сорокина указывает, что в пространственном аспекте масштабы неравенства в доступе к Интернету сокращаются, однако различия в специфике использования информационных технологий остаются существенно более высокими¹. Для региональной публичной политики данный вывод особенно значим, поскольку в условиях цифровизации государственных и муниципальных услуг различия в цифровой включённости населения означают неравенство в возможностях участия, обратной связи и доступа к каналам взаимодействия с властью.

Исследование С. П. Земцова, К. В. Демидовой, Д. Ю. Кичаева позволяет уточнить конкретные детерминанты цифрового неравенства. Авторы показывают, что доступ к Интернету зависит от доходов, среднего возраста и уровня образования населения, а его использование зависит от делового климата и доступности цифровой инфраструктуры². Следовательно, цифровой фактор в региональном управлении связан не только с наличием технологий как таковых, но и с социально-демографической структурой населения региона. Здесь возникает прямая связь с половозрастной и образовательной структурой: молодые, более образованные и экономически активные группы, как правило, сильнее включены в цифровую среду, тогда как в регионах с высокой долей пожилого либо сельского населения цифровое участие распределено существенно неравномерно.

Развитость сетевых сообществ в регионе обоснуем как отдельный параметр цифровой среды. Она определяется не только количеством подписчиков, но и плотностью горизонтальных связей, скоростью распространения сообщений, регулярностью повестки, устойчивостью локальных каналов и способностью сетевого сообщества переводить частный повод в публично заметную проблему. В условиях слабой цифровой интеграции локальный информационный повод может остаться на периферии внимания. В среде развитых сетевых сообществ тот же повод

¹ Сорокина Н. Ю. Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2025. – Т. 21. – № 3. – С. 447–454.

² Земцов С. П., Демидова К. В., Кичаев Д. Ю. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // *Балтийский регион*. – 2022. – Т. 14. – № 4. – С. 63–72.

получает шанс на быстрое распространение, повторение, интерпретационное усиление и медиаполитический резонанс. Поэтому развитость сетевых сообществ должна рассматриваться как фактор, повышающий вероятность включения сетевого дискурса в жизненный цикл политического решения.

Отдельного внимания заслуживают **ситуационные всплески сетевого дискурса**. Речь идёт о тех случаях, когда на фоне кризиса, аварии, внешней угрозы, инфраструктурного сбоя, экологического инцидента или иного острого события цифровая публичность резко увеличивает интенсивность реакции, объём циркуляции контента и плотность общественного внимания. В такие периоды сетевой дискурс перестаёт быть только фоновым каналом обратной связи и превращается в фактор высокой силы. Он ускоряет проблематизацию, повышает репутационную цену бездействия, влияет на язык официального реагирования и поддерживает последующий общественный мониторинг решения. Именно в ситуационных всплесках наиболее наглядно проявляется влияние сетевого дискурса на жизненный цикл политического решения.

Следовательно, цифровое неравенство, развитость сетевых сообществ и ситуационные всплески сетевого дискурса должны рассматриваться как переменные факторы региональной среды принятия решений. Их сила не является одинаковой во всех субъектах Российской Федерации и меняется в зависимости от инфраструктуры, демографической структуры, медиаплотности и кризисного контекста. В одних регионах цифровая публичность усиливает политико-управленческую чувствительность власти, в других остаётся ограниченной по охвату и влиянию, в третьих резко усиливается в моменты кризиса, а затем частично возвращается к фоновому режиму.

Российские регионы следует рассматривать как неоднородную институциональную среду принятия политических решений. Их объединяет общий федеративный и нормативный контур, однако внутри него действуют различные по силе и сочетанию структурные, институционально-политические, социокультурные, демографические и цифровые факторы. Региональное решение не возникает в пустоте: оно формируется в пространстве, где пересекаются ресурсная база,

вертикаль власти, губернаторская персонализация, муниципальная инфраструктура, территориальные органы федеральных ведомств, локальные идентичности, демографические параметры и цифровая публичность.

На этом основании регион в настоящей диссертации понимается как особая институционально-коммуникационная среда, в пределах которой сетевой дискурс приобретает управленческое значение. Его роль становится различимой не сама по себе, а в связи с конкретной конфигурацией региональных факторов. В лидирующих и агломерационных регионах цифровая публичность включена в более плотную медиасреду; в сырьевых регионах весомее оказываются структурно-экономические ограничения; в отстающих регионах выше роль трансфертов, социальной нагрузки и ограничений инфраструктуры; в средних регионах действие факторов носит смешанный характер. По этой причине влияние сетевого дискурса на политическое решение в российских регионах не может быть описано как одинаковое по масштабу и механизму. Оно всегда зависит от того, в какой институциональной и социально-коммуникационной среде действует региональная власть.

Таким образом, теоретически обосновано, что влияние сетевого дискурса на региональные политико-управленческие процессы не является универсальным, линейным и одинаковым для всех субъектов Российской Федерации. Оно опосредуется конкретной конфигурацией структурных, институционально-политических, социокультурных, демографических, цифровых и платформенно-медийных факторов. Сетевой дискурс не замещает институциональное ядро политического решения, но изменяет условия проблематизации общественно значимых событий, формирования политической повестки дня, публичного сопровождения решений, контроля их реализации и последующей корректировки. Тем самым уточнена специфика российских регионов как неоднородной институционально-коммуникационной среды, систематизированы факторы регионального политико-управленческого процесса и сформирована аналитическая основа для последующего сопоставления региональных кейсов и механизмов включения сетевого дискурса в жизненный цикл политических решений.

2.2 Сетевой дискурс в жизненном цикле политических решений субъектов публичной власти: региональные кейсы

В центре внимания данного параграфа находятся региональные кейсы, позволяющие проследить, каким образом сетевой дискурс входит в жизненный цикл политического решения, как изменяется публичная видимость проблемы, какие субъекты вовлекаются в её интерпретацию и через какие каналы происходит переход от цифрового информационного повода к управленческому реагированию. Исследовательская задача параграфа связана с реконструкцией стадийного движения решения, в пределах которого сетевой дискурс действует как сигнальный, интерпретационный, мобилизационный, репутационный и оценочный фактор принятия политических решений. Данный подход позволяет удержать связь между результатами первой главы и эмпирикой второй главы, а также соотнести результаты кейс-стади с общей темой диссертации.

Как было показано в параграфе 1.2, субъектный состав принятия политических решений в региональной политике не ограничивается одним центром власти. Внутри данного контура участвуют: федеральный уровень публичной власти, задающий нормативные, ресурсные и политико-координационные рамки; губернатор как центральный субъект ситуационного политического решения; региональная исполнительная власть, включающая правительства субъектов, профильные министерства, департаменты, оперативные штабы и подведомственные структуры; муниципальный уровень, через который локальные информационные поводы, жалобы и кризисные импульсы получают первичную институциональную фиксацию. За пределами формального институционального ядра воздействие на решение осуществляют политические партии и группы интересов, экспертные и аналитические сообщества, средства массовой информации, цифровые медиа, граждане, активисты и сетевые сообщества. Для публичной политики цифровой эпохи подобная конфигурация имеет принципиальное значение, поскольку повестка, интерпретация проблемы, плотность общественного внимания и репутационная цена бездействия формируются в пространстве взаимодействия институциональных и неинституциональных акторов.

В параграфе 1.1 жизненный цикл политического решения был рассмотрен как последовательность семи стадий. Первая стадия связана с инициацией информационного повода, где фиксируются событие, инцидент, жалоба, риск или иная проблемная ситуация. Вторая стадия охватывает превращение информационного сообщения в проблему и включение в политическую повестку дня; на данном уровне происходит селекция темы, борьба интерпретаций и расширение публичного внимания. Третья стадия включает формирование альтернатив, где сопоставляются варианты действия, оцениваются последствия, согласуются интересы и фильтруются допустимые решения. Четвёртая стадия связана с согласованием и принятием решения посредством осуществления межведомственной фильтрации, правовой формализации, распределения ответственности и публичного объяснения выбора. Пятая стадия охватывает реализацию, в ходе которой решение сопровождается инструкциями, отчётами, комментариями и реакциями на возникающие сбои. Шестая стадия связана с оценкой и корректировкой, когда интерпретируется результат, накапливается обратная связь и формируется основание для пересмотра курса. Седьмая стадия включает прекращение действия, замещение или перезапуск решения, поскольку в политико-управленческом цикле возможны отмена прежней меры, сворачивание политики либо переход к новому витку реагирования.

Анализ кейсов в данном параграфе будет проводиться по стадиям указанного жизненного цикла. На стадии инициации информационного повода внимание сфокусируется на том, какие цифровые импульсы, сообщения, жалобы, фото- и видеосвидетельства или медиасигналы становятся исходной точкой политико-управленческого движения. На стадии превращения события в проблему и повестку будет прослежено, как тема получает публичную видимость, каким образом она интерпретируется, кто участвует в её проблематизации и в какие каналы она входит. При рассмотрении стадии формирования альтернатив будет зафиксировано, какие варианты решения появляются в публичной и институциональной среде, кто их артикулирует и как соотносятся между собой сетевые интерпретации и управленческие ограничения. На стадии согласования и принятия решения анализ сосредоточится на фигурах субъектов публичной власти, темпе реакции, формах публичного

объяснения и распределении ответственности. Реализация будет рассмотрена через исполнение решения, цифровое сопровождение управленческих действий и реакцию на сбои. Оценка и корректировка позволят проследить, каким образом сетевой дискурс участвует в общественном мониторинге, критике, поддержке и пересмотре курса. Наконец, на стадии прекращения действия, замещения или перезапуска решения будут учитываться воздействие цифровой среды на делегитимацию исчерпавших себя мер, формирование запроса на новую реакцию и возможность повторного запуска цикла политического решения.

Критерии отбора кейсов выводятся из предмета исследования, модели жизненного цикла политического решения и особенностей региональной публичной политики в цифровой среде. Во внимание принимаются четыре обстоятельства: во-первых, кейс должен содержать выраженный цифровой информационный повод, получивший общественно заметное распространение и способный быть реконструированным по открытым данным; во-вторых, ситуация должна проходить по меньшей мере через несколько стадий жизненного цикла политического решения, что делает возможным прослеживание связи между сетевым дискурсом, повесткой и управленческим реагированием; в-третьих, в кейсе должно присутствовать политически значимое решение или последовательность решений субъектов публичной власти, обладающих формальной компетенцией реагирования; в-четвёртых, необходима доступность цифровых и медийных следов, позволяющих сопоставить динамику сетевого дискурса, официальной коммуникации, управленческих действий и последующей оценки результата. Такой отбор позволяет исключить случайные эпизоды, ограниченные кратковременной сетевой активностью, и сосредоточиться на случаях, где сетевой дискурс действительно входит в структуру процесса принятия политического решения. Указанная перспектива позволяет рассматривать кейс не как отдельный эпизод цифрового резонанса, а как процессуально организованное движение от информационного повода к решению, от решения к реализации, от реализации к оценке и, при необходимости, к новому циклу публичного реагирования.

Кейс о лесных пожарах в Сибири

Стадия 1 – инициация информационного повода. Исходный импульс кейса был связан с очагами лесных пожаров, быстро расширявшимися на территориях Якутии, Красноярского края, Иркутской области и Бурятии летом 2019 года. К концу июля вопрос о соотношении затрат на тушение и предполагаемого ущерба был вынесен в публичную сферу, поскольку дым от сотен очагов возгорания охватил крупные города Сибири. К середине августа площадь пожаров превысила 5 млн га, и ситуация была воспринята как общенациональный кризис¹. На данной стадии сетевой дискурс выполнял прежде всего сигнальную функцию: жители, очевидцы, локальные сообщества и экологические активисты распространяли первичные свидетельства, фотографии, видеозаписи и оценки состояния воздуха, вследствие чего локальный природный эпизод быстро приобрёл режим расширенной публичной видимости². Для публичной власти подобная динамика означала утрату возможности удерживать проблему в пределах ведомственного наблюдения, так как информационный сигнал уже на ранней стадии получил широкий медиаполитический охват.

Стадия 2 – превращение информационного повода в проблему и повестку. Дальнейшее движение кейса было связано с переводом информационного повода в политически значимую проблему. С начала августа социальные сети наполнились сообщениями об обстановке в различных регионах, власти обвинялись в бездействии, а общественное давление нарастало. По данным РБК, за две недели число сообщений пользователей о пожарах в Сибири превысило миллион, а кампания #СпаситеСибирь сопровождалась массовым распространением призывов подписать петицию о введении режима ЧС, которая к 31 июля собрала более 830 тыс. подписей³. Внутри данной стадии сетевой дискурс выполнял уже не только сигнальную, но и интерпретационную функцию как фактора принятия политического решения. Экологическая угроза была переопределена как политико-управленческая

¹ Пожары в Сибири. Что важно знать // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/07/2019/5d3e0009a7947963aa2faad> (дата обращения: 23.05.2026).

² Лесные пожары в Сибири. Что делают власти? И как спастись от задымления? // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6714753> (дата обращения: 23.05.2026).

³ Реакция соцсетей на пожары. Что не так с акцией #СпаситеСибирь // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/31/07/2019/5d40771c9a79473112fb55f0> (дата обращения: 23.05.2026).

проблема: предметом критики стала не просто стихия, а управленческая логика, допускавшая отказ от активного тушения в труднодоступных районах под предлогом экономической нецелесообразности. В результате, в повестку вошёл не только вопрос о самих пожарах, но и вопрос о допустимости прежней модели реагирования.

Стадия 3 – формирование альтернатив. На данной стадии конфликт вокруг лесных пожаров сместился от описания масштаба бедствия к обсуждению возможных вариантов действия. В публичной сфере соперничали по меньшей мере четыре линии: первая сохраняла логику ограниченного вмешательства в удалённых зонах, где официально подчёркивалось отсутствие прямой угрозы населённым пунктам и инфраструктуре¹; вторая ориентировала на расширение активного тушения, введение режимов ЧС и наращивание федеральных ресурсов²; третья была связана с уголовно-правовой и контрольной реакцией (проверками халатности, незаконной вырубке и возможных поджогов)³; четвёртая включала требования о более глубокой институциональной корректировке (совершенствование нормативного регулирования лесной охраны, создание специализированного лесопожарного центра)⁴. Роль сетевого дискурса на данной стадии сводилась к делегитимации опции ограниченного невмешательства и легитимации альтернатив, предполагающих расширение тушения, жёсткий контроль и пересмотр правил реагирования. Через цифровую мобилизацию, петиции, эмоционально насыщенные публикации и медиарезонанс общественное давление смещало пространство допустимого выбора в сторону более активной реакции государства.

Стадия 4 – согласование и принятие решения. Фаза согласования и принятия решения разворачивалась внутри институционального контура публичной власти, однако публичная цифровая среда заметно повышала темп и репутационную цену задержки. 30 июля 2019 года председатель Правительства РФ Д. А. Медведев

¹ Медведев поручил взять под контроль ситуацию с лесными пожарами в Сибири // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6716537> (дата обращения: 23.05.2026).

² Лесные пожары в Сибири. Что делают власти? И как спастись от задымления? // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6714753> (дата обращения: 23.05.2026).

³ СК возбудил первое уголовное дело о пожарах в Сибири // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6724500> (дата обращения: 23.05.2026).

⁴ Кабмин выделил около 6 млрд рублей на тушение пожаров в Сибири и на Дальнем Востоке // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6757911> (дата обращения: 23.05.2026);

поручил усилить группировку МЧС и поставил перед руководителями регионов задачу взять ситуацию под личный контроль¹. Спустя месяц Президент РФ В. В. Путин распорядился подключить к тушению Минобороны и сохранить военную группировку в Иркутской области до особого распоряжения². В тот же период в ряде регионов вводились режимы чрезвычайной ситуации, а 1 августа Следственный комитет РФ возбудил первое уголовное дело о пожарах в Красноярском крае по статье о халатности³. На данной стадии сетевой дискурс действовал косвенно, но вместе с тем ощутимо: он усиливал символическую рамку кризиса, повышал политическую заметность бездействия и делал публичное обоснование решения обязательной частью реагирования. Решение принималось внутри системы публичной власти, но давление цифровой повестки ускорило движение к более жёсткому федеральному ответу.

Стадия 5 – реализация. После институционального оформления реакция перешла в фазу реализации. С 1 августа военная авиация приступила к тушению пожаров в Красноярском крае, а к середине августа на тушение пожаров в Сибири и на Дальнем Востоке Правительство РФ выделило Рослесхозу, МЧС и Минобороны около 6 млрд р.⁴. Параллельно велось наращивание сил и средств, усиливался мониторинг, началась мобилизация дополнительных ресурсов для борьбы с огнём. На данной стадии сетевой дискурс сохранял контрольную и координационную функции. Публикации из регионов, фотографии дыма, сообщения о состоянии воздуха, видео из труднодоступных районов и критические комментарии не позволяли теме быстро исчезнуть из публичной повестки. Через цифровые каналы продолжалось наблюдение за действиями власти, а эффективность реализации решения оценивалась в режиме почти непрерывного общественного мониторинга.

¹ Медведев поручил проверить версию об умышленных поджогах сибирских лесов // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6721695> (дата обращения: 23.05.2026).

² Венцова, М. Путин поручил Минобороны подключиться к тушению лесных пожаров / М. Венцова // Комсомольская правда. – 2019. – 31 июля.

³ В Красноярском крае возбуждено уголовное дело о халатности должностных лиц министерства лесного хозяйства региона // Следственный комитет Российской Федерации [сайт]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1379506/?print=1> (дата обращения: 26.05.2026); СК возбудил первое уголовное дело о пожарах в Сибири // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6724500> (дата обращения: 23.05.2026).

⁴ Кабмин выделил около 6 млрд рублей на тушение пожаров в Сибири и на Дальнем Востоке // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6757911> (дата обращения: 23.05.2026).

Стадия 6 – оценка и корректировка. Поздняя фаза цикла была связана с оценкой достаточности предпринятых мер и попытками институциональной корректировки. Общественное давление показало государству необходимость пересмотра подходов к организации тушения лесных пожаров и законодательных изменений. В официальном контуре данная линия получила выражение в поручении подготовить предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования лесной охраны, а также в обсуждении создания специализированного лесопожарного центра. Дополнительную линию оценки образовывало уголовно-правовое измерение: возбуждение дел и проверки возможных поджогов свидетельствовали о переводе общественного недовольства в контур институциональной ответственности. На стадии оценки сетевой дискурс выполнял функцию общественного мониторинга и латентной экспертизы. Через него фиксировались как результаты реагирования, так и недостаточность достигнутого эффекта. Публичная оценка постепенно смещалась от вопроса о необходимости экстренных мер к вопросу о качестве самой модели управления лесопожарным риском.

Стадия 7 – прекращение действия, замещение или перезапуск решения. Полного прекращения политического цикла в данном кейсе не произошло. Повторение масштабных пожаров в 2022 году показало, что прежний набор мер не привёл к окончательному снятию проблемы: общественный резонанс был меньше, однако реакция властей оказалась более быстрой и более организованной. По данным РБК, весной 2022 года Рослесхоз сообщал о росте числа лесных пожаров при сопоставимой площади, что интерпретировалось как результат более раннего обнаружения и более оперативной ликвидации¹. Летом 2022 года режим чрезвычайной ситуации федерального уровня был введён, в частности, в Якутии и Хабаровском крае; в целях недопущения повторения кризисной динамики предыдущих сезонов были привлечены дополнительные ресурсы². В логике жизненного цикла политического решения подобная конфигурация свидетельствует о перезапуске цикла: старая

¹ В России выросло число лесных пожаров // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/05/2022/628e51b99a79475f486987d6> (дата обращения: 23.05.2026).

² В Хабаровском крае и Якутии ввели режим ЧС из-за лесных пожаров // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/07/2022/62d6d4ec9a7947122403fc7f> (дата обращения: 23.05.2026).

проблема возвращается, но входит в политико-управленческий контур уже после частичной коррекции инструментов реагирования. Роль сетевого дискурса на данной стадии остаётся значимой на фоне снижения интенсивности цифровой мобилизации. Его воздействие смещается от массового возмущения к режиму наблюдения, сравнительной оценки эффективности прежних мер и фиксации того, насколько изменилась государственная готовность к новому пожароопасному сезону.

Кейс лесных пожаров в Сибири показывает, что сетевой дискурс включается как влияющий фактор практически во все стадии жизненного цикла политического решения, однако его роль на разных этапах не совпадает. На ранних фазах доминируют сигнальная и интерпретационная функции: цифровая среда обнаруживает проблему, повышает её видимость и переводит природное бедствие в разряд политически значимой темы. На стадиях формирования альтернатив и согласования решения усиливаются мобилизационная и репутационная функции: через петиции, хэштеги, видеосвидетельства и публичное давление сужается пространство допустимого выбора и возрастает цена институциональной задержки. На стадиях реализации и оценки сетевой дискурс работает как канал общественного контроля, поддерживая тему в поле внимания и фиксируя пределы достигнутого результата. На стадии перезапуска цикла цифровая среда сохраняет значение механизма сравнительной оценки и повторной проблематизации. В совокупности данный кейс позволяет рассматривать сетевой дискурс не как внешний фон экологического кризиса, а как один из факторов, влияющих на темп, повесточную значимость, публичную интерпретацию и дальнейшую судьбу политико-управленческого решения.

Кейс о Шиесе как инфраструктурном проекте

Стадия 1 – инициация информационного повода. Исходный информационный повод был связан с появлением в июле 2018 года первой публично значимой информации о строительстве полигона и «ЭкоТехноПарка Шиес» на станции Шиес в Архангельской области. Уже на начальной стадии сведения о строительстве быстро вышли в публичную сферу и стали объектом обсуждения не только в Архангельской области, но и в Республике Коми. В аналитической логике данного исследования на этой стадии сетевой дискурс выполнял прежде всего сигнальную

функцию¹: он обеспечил первичную фиксацию повода, перевёл локальную информацию в режим публичной видимости и запустил начальный цикл общественного внимания. Именно цифровое распространение информации сделало инфраструктурный проект заметным для широкой аудитории и задало предпосылки его последующей политизации.

Стадия 2 – превращение информационного повода в проблему и повестку. На следующей стадии строительный проект был переопределён как политически значимая проблема². Из локального сюжета о размещении инфраструктурного объекта он превратился в широкий экологический и политико-управленческий конфликт. Исследования, посвящённые Шиесу, прямо показывают, что здесь произошла именно политизация экологического дискурса, а социальные медиа стали одним из ключевых механизмов превращения локального конфликта в межрегиональный экологический протест. К лету 2019 года протестная активность вышла далеко за пределы самой Архангельской области: в июле 2019 года в Москве прошёл митинг против полигона в Шиесе с требованием остановить строительство и провести референдум³. На данной стадии сетевой дискурс выполнял не только сигнальную, но и интерпретационную функцию: через него задавался ракурс интерпретации проекта как угрозы экологии, навязанного извне инфраструктурного решения и примера игнорирования общественного мнения. Одновременно цифровая среда расширяла круг участников обсуждения и поднимала проблему на уровень более широкой региональной и межрегиональной повестки.

Стадия 3 – формирование альтернатив. На данной стадии пространство возможных решений стало существенно шире первоначальной логики продолжения строительства. По имеющимся источникам можно реконструировать, что в

¹ Климова А. М., Куликов С. П., Чмель К. Ш. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6. – С. 28–52. – DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2024.

² Чмель К. Ш., Климова А. М., Митрохина Е. М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 83–98.

³ В Москве прошёл митинг против мусорного полигона в Шиесе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/667803> (дата обращения: 25.05.2026).

публичном и институциональном поле начали конкурировать несколько направлений реагирования: сохранение проекта при прежней управленческой логике; его приостановка с последующим переводом в процедуры общественных слушаний и экспертиз; правовая проверка уже возведённых объектов; полный отказ от проекта. Характерно, что уже в 2019 году в источниках фиксируется обсуждение общественных слушаний и экспертиз, а в дальнейшем региональные власти были вынуждены перейти к более радикальной альтернативе – прекращению проекта. На этой стадии сетевой дискурс играл прежде всего мобилизационную и селективную роль: он усиливал те альтернативы, которые предполагали остановку, общественный контроль и пересмотр исходного решения, и одновременно повышал политическую стоимость сохранения проекта в прежнем виде. Иначе говоря, цифровая публичность воздействовала не столько на юридическую формулу решения, сколько на пространство допустимых альтернатив.

Стадия 4 – согласование и принятие решения. Фаза институционального согласования и принятия решений в кейсе Шиеса носила поэтапный характер. В апреле 2020 года временно исполняющий обязанности главы Республики Коми Владимир Уйба и временно исполняющий обязанности губернатора Архангельской области Александр Цыбульский публично выступили против обустройства полигона в Шиесе¹. Далее, в июне 2020 года власти Архангельской области расторгли соглашение о сопровождении инвестиционного проекта с ООО «Технопарк» и исключили «ЭкоТехноПарк Шиес» из реестра приоритетных инвестиционных проектов региона². Для логики жизненного цикла политического решения именно эти шаги следует считать моментом перехода от обсуждения альтернатив к институциональному отказу от исходной модели решения. На данной стадии сетевой дискурс выполнял прежде всего репутационную функцию: он повышал цену затягивания ответа, усиливал публичную чувствительность власти к конфликту и создавал такую среду, в которой сохранение проекта становилось политически всё менее

¹ Новые главы Коми и Архангельской области выступили против полигона в Шиесе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/704700> (дата обращения: 25.05.2026).

² Архангельские власти расторгли соглашение с «Технопарком» по Шиесу // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/712497> (дата обращения: 25.05.2026)

приемлемым. Решение принималось внутри системы публичной власти, однако его темп и публичная форма были существенно опосредованы цифровой повесткой.

Стадия 5 – реализация решения. После принятия решения о фактическом отказе от проекта началась его реализация в материально-организационном измерении. 11 октября 2020 года застройщик объявил об отказе от реализации проекта «ЭкоТехноПарк Шиес» и приступил к демонтажу возведённых объектов¹. Тем самым политико-управленческий выбор получил не только символическое, но и практическое выражение. На этой стадии сетевой дискурс выполнял контрольную и координационную функции. Цифровая среда позволяла не только распространять информацию о ходе демонтажа и рекультивации, но и сохранять общественное наблюдение за тем, чтобы отказ от проекта не остался декларативным. Иными словами, сетевой дискурс здесь уже не столько инициировал проблему, сколько сопровождал исполнение решения и препятствовал его символическому закрытию без реального результата.

Стадия 6 – оценка и корректировка. Стадия оценки в кейсе Шиеса носила в значительной мере правовой и публично-контрольный характер. В январе 2020 года суд первой инстанции частично удовлетворил иск о сносе построек, в октябре 2020 года апелляционная инстанция оставила это решение в силе, а 8 февраля 2021 года кассационный суд признал законным решение о сносе объектов на станции Шиес². Тем самым юридическая оценка проекта и его инфраструктуры подтвердила неправомерность построек, связанных с будущим полигоном. Внутри жизненного цикла политического решения данная стадия важна тем, что она закрепляет отказ от исходного решения уже не только политически, но и институционально-правовым образом. На этой стадии сетевой дискурс выполнял оценочную функцию: цифровая публичность продолжала удерживать тему в поле внимания, интерпретировала судебные решения как подтверждение правомочности протестных требований и усиливала общественную легитимацию пересмотра первоначального курса.

¹ Инвестор начал рекультивацию полигона в Шиесе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/705080> (дата обращения: 25.06.2026).

² Кассационный суд признал законным решение о сносе построек на Шиесе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/749912> (дата обращения: 25.06.2026).

Стадия 7 – прекращение действия, замещение или перезапуск решения. В пределах доступных источников кейс Шиеса завершился не переходом к новому инфраструктурному циклу, а именно прекращением действия исходного решения. Исключение проекта из числа приоритетных, отказ инвестора от реализации, демонтаж объектов и подтверждение судебными инстанциями обязательности сноса позволяют говорить об институциональном закрытии первоначального политико-управленческого курса. В этом смысле Шиес представляет собой редкий для современной российской региональной политики случай, когда длительное общественное давление, опосредованное цифровой средой, завершилось не частичной корректировкой, а фактической отменой проектного решения. Роль сетевого дискурса на заключительной стадии состояла в делегитимации исчерпавшего себя решения и в закреплении его отмены как публично оправданного итога. Он поддерживал не новый проектный запуск, а социальную и символическую фиксацию завершения конфликта в пользу отказа от полигона.

Кейс Шиеса как инфраструктурного проекта показывает, что влияние сетевого дискурса на политические решения субъектов публичной власти может носить не только сигнальный или интерпретационный, но и полноцикловый характер. На ранних этапах цифровая среда обеспечила обнаружение и распространение информационного повода; затем она участвовала в переводе локального сюжета в политически значимую проблему, расширении повестки и мобилизации межрегиональной поддержки; на стадиях формирования альтернатив и согласования решения сетевой дискурс усиливал давление в пользу отказа от проекта; на поздних стадиях он выполнял контрольную, оценочную и делегитимирующую функции. Тем самым Шиес позволяет рассматривать сетевой дискурс как фактор, который в определённых условиях способен воздействовать на весь жизненный цикл политического решения от первоначальной проблематизации до институционального прекращения действия проекта.

Кейс о разливе мазута в Керченском проливе

Стадия 1 – инициация информационного повода. Пусковой импульс кейса был связан с самим фактом крушения танкеров и первым распространением сведений о загрязнении в декабре 2024 года. В цифровую среду вошли сообщения

очевидцев, визуальные материалы с черноморского побережья и первые свидетельства о масштабе загрязнения. Согласно репортажу РБК, наутро после аварии жители и очевидцы, оказавшиеся у воды, ощутили резкий запах и увидели чёрную полосу загрязнения вдоль берега¹. В сигнальном измерении сетевой дискурс как фактор принятия политического решения выполнил функцию первичной фиксации и расширения видимости: локальный экологический эпизод быстро перестал быть частным наблюдением и был переведён в режим общественного внимания. На данной стадии институциональная реакция ещё не носила развернутого характера, тогда как дискурсивная циркуляция информационного повода уже началась.

Стадия 2 – превращение информационного повода в проблему и повестку. Следующая стадия связана с переопределением происшествия как общественно и политически значимой проблемы. В публичное обращение вошли уже не только сведения о самой аварии, но и оценки ущерба побережью, рисков для животных, качества воды, угроз для курортной инфраструктуры и вопросов ответственности власти за темп реагирования. По мере распространения фотографий загрязнённых пляжей, материалов о пострадавших птицах и сообщений о добровольной очистке берега авария стала интерпретироваться как крупная экологическая катастрофа, выходящая за рамки локального происшествия². На данной стадии сетевой дискурс выполнил интерпретационную функцию: он придал событию рамку экологического бедствия и управленческого вызова, вследствие чего повестка сместилась от описания аварии к обсуждению достаточности реагирования, масштабов федерального участия и последствий для региона.

Стадия 3 – формирование альтернатив. Когда проблема заняла устойчивое место в повестке, началось обсуждение допустимых вариантов действия. В практическом контуре рассматривались по меньшей мере четыре линии реагирования: ограничение усилий рамками локальной ликвидации, расширение регионального

¹ «Когда рассвело — пришла беда»: репортаж телеканала РБК с уборки мазута // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/01/2025/678ad4ad9a79470a9f351fb8> (дата обращения: 23.05.2026).

² Пешкин К. Катастрофа в Чёрном море: с чего всё начиналось и как изменилась обстановка // Россия-Кубань. [Электронный ресурс] URL: <https://kubantv.ru/katastrofa-v-chernom-more-2024/katastrofa-v-chemom-more-s-cego-vse-nacinalos-i-kak-izmenilas-obstanovka> (дата обращения: 26.05.2026).

режима чрезвычайной ситуации, перевод проблемы на федеральный уровень с наращиванием ресурсов, а также долгосрочная программа восстановления пляжей, утилизации загрязнённого песка и экологического мониторинга¹. Роль сетевого дискурса на данной стадии заключалась в делегитимации минималистского сценария и в усилении публичного спроса на более масштабное вмешательство. Через цифровое распространение изображений загрязнения, рассказов волонтеров и постоянную медиарепликацию повышалась репутационная цена ограниченного реагирования². Вследствие подобной динамики пространство допустимых альтернатив смещалось в сторону расширения межведомственной и федеральной вовлечённости.

Стадия 4 – согласование и принятие решения. На данной стадии институциональное ядро процесса сохранилось внутри системы публичной власти. 25 декабря 2024 года губернатор Краснодарского края В. И. Кондратьев ввёл режим чрезвычайной ситуации на всей территории региона, а 26 декабря в зоне разлива мазута был установлен федеральный режим ЧС. Российская газета прямо указывает, что подобное решение принимается по просьбе региональных властей, когда региону требуется более широкое вовлечение федерального центра и упрощение процедур финансирования и реализации мер³. Интерфакс дополнительно сообщает о масштабе зоны мониторинга, о введении регионального режима на Кубани и о последующем федеральном решении⁴. На данной стадии сетевой дискурс не подменял собой институты власти, однако воздействовал на темп и символическое оформление решения: публичное внимание, волонтерская активность, резонанс в медиа и визуальная плотность цифровых свидетельств делали политически затратным затягивание федерального ответа.

¹ Разлив мазута на черноморском побережье получит статус федеральной ЧС // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/20241226/tanker-1991398585.html> (дата обращения: 26.05.2026).

² В Сети появились снимки загрязненной акватории Черноморского побережья // РЕН-ТВ URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1291964-v-seti-poiavilis-snimki-zagriznennoi-akvatorii-chernomorskogo-poberezhia> (дата обращения: 26.05.2026); МЧС показало кадры Черного моря после разлива нефтепродуктов // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2024-12-20/496137-mchs_pokazalo_kadry_chernogo_morya_posle_razliva_nefteproduktov (дата обращения: 26.05.2026).

³ Разлив мазута в Керченском проливе признали ЧС федерального уровня. Как будут справляться с экологической катастрофой // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/12/26/reg-ufo/mchs-v-zone-razliva-mazuta-vveden-rezhim-chs-federalnogo-haraktera.html> (дата обращения: 23.05.2026).

⁴ Введен режим ЧС федерального уровня из-за разлива мазута в Керченском проливе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1000818> (дата обращения: 23.05.2026).

Стадия 5 – реализация. После институционального оформления началась фаза реализации. К ликвидации последствий были привлечены более 10 тыс. чел. и около 360 единиц техники. По данным Интерфакса, к концу декабря были собраны десятки тысяч тонн загрязнённого песка и грунта, а волонтерами были спасены более тысячи птиц¹. Коммерсант сообщил, что очистка побережья была организована по секторам, в работах участвовали муниципалитеты, спасатели, ветеринары, учёные, представители бизнеса и добровольцы². На данной стадии сетевой дискурс выполнил координационную и контрольную функции: через него распространялись сведения о потребностях волонтеров, ходе уборки, дефиците ресурсов, локальных сбоях, состоянии черноморской фауны³. Публичная цифровая среда превратилась в канал наблюдения за реализацией и средство поддержания высокой видимости проблемы даже после принятия формальных решений.

Стадия 6 – оценка и корректировка. Оценочная стадия в данном кейсе развернулась довольно быстро. Уже в январе 2025 года стало очевидно, что первоначальных мер недостаточно для закрытия проблемы. РБК сообщал о многочисленных обращениях участников очистки побережья к медикам, что фиксировало высокую нагрузку на добровольческий контур ликвидации⁴. Позднее Правительство РФ выделило Краснодарскому краю 1,5 млрд р. из резервного фонда на ликвидацию последствий разлива нефтепродуктов, включая утилизацию загрязнённого песка и восстановление пляжей. Ведомости уточняли, что соответствующее решение было одобрено 23 января на заседании правительственной комиссии⁵. Подобная последовательность свидетельствует о переходе от первоначального

¹ Около 37 тыс. тонн загрязненного мазутом песка собрали на Кубани // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1001056> (дата обращения: 26.05.2026).

² Мазут не ушел в песок. В Анапе и Темрюкском районе идет очистка прибрежной полосы от нефтепродуктов // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7383795> (дата обращения: 26.05.2026).

³ Кубани выделили ₽1,5 млрд на ликвидацию последствий разлива мазута // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/01/2025/6795e3aa9a79471d8c4c3a7b> (дата обращения: 23.05.2026).

⁴ Почти 150 участников очистки побережья от мазута обратились к медикам // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/01/2025/6787d4709a7947312c9e98a0> (дата обращения: 23.05.2026).

⁵ Кабмин выделил 1,5 млрд рублей на ликвидацию последствий ЧС с танкерами // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/01/26/1088349-likvidatsiyu-posledstvii-chs> (дата обращения: 26.05.2026).

аварийного реагирования к корректировке управленческого курса через дополнительное финансирование и расширение задач. На данной стадии сетевой дискурс сохранял контрольное значение: устойчивое внимание к побережью, волонтерской работе, загрязнённым территориям и публичным спорам о достаточности мер не позволило закрыть проблему в режиме краткосрочного ЧС.

Стадия 7 – прекращение действия, замещение или перезапуск решения. Для данного кейса завершающая стадия проявилась не в полном закрытии, а в трансформации цикла. Интерфакс в хронике событий показывает, что и в 2025–2026 гг. продолжались мониторинг морской воды, работы по восстановлению пляжей, обсуждение условий рекреационного использования побережья и судебные действия о возмещении ущерба с владельцев танкеров¹. Данный контур свидетельствует о замещении первоначального аварийного цикла более длительным режимом экологического мониторинга, правовой ответственности и восстановительных мер. Сетевой дискурс на этой стадии препятствовал быстрой символической «нормализации» ситуации. Публичная тема не была закрыта актом ввода ЧС или выделением финансирования; она сохранялась в медиапространстве как проблема контроля, доверия, экологической безопасности и достаточности институционального ответа. В результате жизненный цикл решения не был завершён одномоментно, а перешёл в пролонгированную фазу оценки, замещения мер и продолжающегося публичного наблюдения.

Кейс разлива мазута в Керченском проливе показывает, что сетевой дискурс входит практически во все стадии жизненного цикла политического решения, однако содержание его роли на разных этапах различно. На ранних фазах преобладали сигнальная и интерпретационная функции: цифровая среда фиксировала событие, повышала его видимость и переводила его в статус общественно значимой экологической проблемы. На стадии формирования альтернатив и стадии принятия решения усилились мобилизационная, репутационная и повесточная функции: через цифровой резонанс сужалось пространство допустимой инерции и возрастала вероятность

¹ Роспотребнадзор примет меры в случае ухудшения состояния морской воды в Анапе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/rospotrebnadzor-primet-mery-v-sluchae-uhudsheniya-sostoyaniya-morskoy-vody-v-anape> (дата обращения: 26.05.2026).

расширенного федерального вмешательства. На стадии реализации доминировали координационная и контрольная функции, поскольку цифровая публичность использовалась для организации добровольческой активности и для постоянной оценки хода работ. На поздних стадиях, связанных с корректировкой, замещением и пролонгацией цикла, сетевой дискурс поддерживал высокую видимость проблемы и препятствовал её преждевременному выходу из публичной повестки. В совокупности данный кейс позволяет рассматривать сетевой дискурс как один из факторов, влияющих на темп, повесточную значимость, общественную оценку и дальнейшую судьбу политико-управленческого решения в региональной публичной политике.

Кейс Култука на Байкале как инвестиционно-экологический проект

Стадия 1 – инициация информационного повода. Исходный информационный повод в данном кейсе был связан со строительством в поселке Култук Слюдянского района Иркутской области завода по производству и розливу питьевой воды из Байкала. Уже на раннем этапе проект вышел за пределы сугубо инвестиционного и хозяйственного сюжета: местные жители, экологические активисты и общественные организации начали артикулировать опасения, связанные с экологическими рисками, правовым режимом территории и возможным ограничением доступа к береговой зоне. В логике настоящего исследования на данной стадии сетевой дискурс выполнял прежде всего сигнальную функцию: именно через цифровую среду локальный повод приобрёл публичную видимость и был переведён из состояния частной проблемы в режим общественного внимания¹.

Стадия 2 – превращение информационного повода в проблему и включение повестку. На следующей стадии произошла политизация и экологизация исходного сюжета. Строительство завода стало интерпретироваться не как рядовой инвестиционный проект, а как потенциальная угроза Байкалу и как пример недостаточно прозрачного управленческого решения. В цифровом пространстве быстро распространялись обращения, публикации, комментарии и петиции; общественная кампания

¹ Экоактивисты выступают против строительства завода по розливу воды на Байкале // Агентство социальной информации. URL: <https://asi.org.ru/news/2019/02/21/bajkal-protesty-zavod-rozliv-vody/> (дата обращения: 25.06.2026).

приобрела федеральный масштаб. Именно на фоне общественного резонанса премьер-министр Д. А. Медведев поручил проверить проект на соответствие самым строгим экологическим стандартам¹. На этой стадии сетевой дискурс выполнял интерпретационную и мобилизационную функции: он задавал рамку прочтения проекта, усиливал экологическую проблематизацию и расширял круг вовлечённых акторов.

Стадия 3 – формирование альтернатив. После выхода конфликта в публичную повестку пространство возможных решений перестало сводиться к простой реализации первоначального проекта. В публичной и институциональной среде начали конкурировать по меньшей мере три альтернативы²: сохранение проекта после устранения нарушений; временная приостановка с проведением дополнительных проверок и экспертиз; прекращение реализации проекта как экологически и политически неприемлемого. Характерно, что даже после приостановки строительства инвестор публично заявлял о намерении открыть завод в запланированные сроки, т. е. исходная альтернатива продолжала существовать в поле борьбы решений³. В этих условиях сетевой дискурс играл селективную и репутационную роль: он усиливал допустимость сценариев остановки и пересмотра проекта и одновременно повышал политическую цену его сохранения в прежнем виде.

Стадия 4 – согласование и принятие решения. Институциональное ядро процесса сохранилось внутри системы публичной власти. 15 марта 2019 года суд приостановил строительство завода в Култукке до устранения выявленных нарушений⁴. 27 марта 2019 года Кировский районный суд Иркутска признал незаконными разрешение на строительство и положительное заключение государственной экологической экспертизы⁵. На данной стадии произошло ключевое смещение от режима общественной проблематизации к режиму формального пересмотра исходного

¹ Медведев поручил Минприроды проверить проект завода по разливу воды на Байкале // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6209253> (дата обращения: 25.05.2026).

² Что известно о строительстве завода по разливу воды на Байкале // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6221279> (дата обращения: 25.05.2026).

³ Строитель завода на Байкале не отказался от планов открыть его в конце 2019 года // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/654934> (дата обращения: 25.05.2026).

⁴ Суд приостановил строительство вызвавшего протесты завода на Байкале // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/15/03/2019/5c8b549c9a79474873b44e6e> (дата обращения: 25.05.2026).

⁵ Суд признал незаконным разрешение на строительство завода по разливу байкальской воды // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/6263517> (дата обращения: 25.05.2026).

решения. Сетевой дискурс здесь не подменял собой институциональное согласование, однако выполнял репутационную и ускоряющую функции: публичное внимание и цифровой резонанс делали затягивание реакции политически затратным и усиливали значимость правового ответа.

Стадия 5 – реализация политического решения. После формального пересмотра решения началась его реализация в правовом и организационном измерении. 2 апреля 2019 года Арбитражный суд Иркутской области запретил ООО «АкваСиб» продолжать строительство завода и заключать сделки с земельным участком, на котором планировалось строительство¹. Тем самым первоначальное решение было переведено из режима временной приостановки в режим фактической блокировки реализации. В рамках жизненного цикла политического решения данная стадия важна тем, что показывает: формальное решение начинает работать только тогда, когда оно подкрепляется институтами принуждения и контроля. Роль сетевого дискурса на этой стадии состояла прежде всего в контрольном сопровождении: цифровая публичность не позволяла вернуть ситуацию в закрытый административный режим и поддерживала высокую видимость конфликта.

Стадия 6 – оценка и корректировка. Оценочная стадия в кейсе Култука развернулась как дальнейшее институциональное укрепление отказа от исходной модели решения. 1 августа 2019 года Арбитражный суд Иркутской области признал недействительным договор аренды участка под строительство завода². По существу, это означало не просто критику отдельных процедурных нарушений, а последовательную правовую деконструкцию проекта. В такой логике происходила корректировка управленческого курса: от временного сдерживания произошел переход к разрушению правовой базы проекта. На данной стадии сетевой дискурс как фактор выполнял оценочную и легитимирующую функции: он поддерживал общественную интерпретацию судебных решений как подтверждения правомерности прежней критики и закреплял восприятие проекта как институционально и экологически несостоятельного.

¹ Суд запретил китайской компании строить завод на берегу Байкала // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/656782> (дата обращения: 25.05.2026).

² Договор аренды участка под китайский завод на Байкале признан недействительным // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/671189> (дата обращения: 25.06.2026).

Стадия 7 – прекращение действия, замещение или перезапуск решения. Кейс Култука не перешёл к новому инвестиционному циклу в прежней форме. Напротив, последовательность решений о приостановке строительства, признании незаконными разрешения и экологической экспертизы, судебном запрете на продолжение строительства и признании недействительным договора аренды участка позволяет говорить о прекращении действия исходного решения. Иначе говоря, первоначальная траектория проекта была институционально остановлена. В логике настоящего исследования на заключительной стадии сетевой дискурс как фактор выполнял делегитимирующую функцию: он поддерживал общественную фиксацию того, что исходный проект не должен быть возвращён в повестку как допустимая альтернатива. Тем самым Култук представляет собой кейс, где сетевой дискурс оказал влияние не только на раннюю проблематизацию, но и на последующее институциональное завершение исходного решения.

Кейс Култука на Байкале показывает, что в конфликтах вокруг инвестиционно-экологических проектов сетевой дискурс способен воздействовать на весь жизненный цикл политического решения. На ранних стадиях он обеспечивает обнаружение и усиление информационного повода; затем переводит его в статус политически значимой проблемы, мобилизует общественное внимание и сужает пространство допустимых альтернатив; далее сопровождает институциональный пересмотр решения и поддерживает его последующую делегитимацию. В отличие от аварийных и чрезвычайных кейсов, здесь сетевой дискурс не запускает экстренное реагирование, а влияет на процесс политического решения через экологическую проблематизацию, символическую защиту территории и усиление репутационной чувствительности власти.

Кейс о мусорной реформе в Чите

Стадия 1 – инициация информационного повода. Инициация сигнала в данном кейсе не была одномоментной. Проблема носила накопленный характер: к началу 2019 года в Чите уже фиксировались многочисленные несанкционированные свалки, а региональные и муниципальные структуры признавали недостаточность ресурсов для их ликвидации. В январе 2019 года заместитель министра

природных ресурсов Забайкальского края сообщал, что для уборки всех свалок в городе требуется около 24 млн р., тогда как в городском бюджете на тот момент было предусмотрено лишь 1,7 млн р.¹. В марте 2019 года администрация Читы уже говорила о необходимости вывезти сотни кубометров мусора и установить контейнеры и бункеры на местах крупных свалок². На этой стадии сетевой дискурс выполнял сигнальную функцию в её первичной форме: пользователи социальных сетей, жители и локальные сообщества не просто фиксировали наличие мусора, но и поставляли сведения о характере уборки. Показательно, что 8 апреля врио губернатора Александр Осипов, обращаясь к сити-менеджеру Читы, прямо ссылался на сообщения пользователей в соцсетях о том, что подрядчики срезают только верхний слой мусора, а свалки, по существу, сохраняются³. Подобная конфигурация показывает, что цифровой информационный повод в данном кейсе предшествовал вирусному медиасобытию и уже на раннем этапе входил в поле внимания публичной власти.

Стадия 2 – превращение информационного повода в проблему и включение в политическую повестку дня. Переход к следующей стадии произошёл после резкой медиатизации темы. 11 апреля 2019 года ЧИТА.ру опубликовала фоторепортаж И. Варламова, подчеркивая, что несмотря на неоднозначную реакцию части горожан, сам факт экологической катастрофы и нерешённых проблем очевиден⁴. 12 апреля стало известно, что видео известного блогера о «мусорной столице России — Чите» вошло в российские тренды мирового видеохостинга, и в тот же день в городе были зафиксированы первые факты уборки свалок⁵. На данной стадии сетевой дискурс выполнил интерпретационную и повесткообразующую функции. Коммунальная проблема была выведена из режима рутинного локального неблагополучия

¹ Минприроды: Для уборки всех свалок в Чите нужно 24 млн руб. // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/01/14/71091077/> (дата обращения: 23.05.2026)

² Власти Читы поставят контейнеры на месте несанкционированных свалок // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/03/20/71098223/> (дата обращения: 23.05.2026).

³ Осипов Кузнецову об уборке мусора в Чите: Подрядчики вас дурят // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/04/08/71100272/> (дата обращения: 23.05.2026).

⁴ Мусорная столица России Чита в фотографиях Ильи Варламова // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/04/11/71100782/> (дата обращения: 23.05.2026).

⁵ Несанкционированные свалки начали убирать в Чите после видео Варламова // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/04/12/71100860/> (дата обращения: 23.05.2026); Мэрия Читы: Уборка свалок проходит по плану, а не из-за видео Варламова // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/04/12/71100917/> (дата обращения: 23.05.2026).

и представлена как символический признак управленческой несостоятельности. Значение получило не только наличие мусора как факта, но и сама рамка его описания: Чита была показана как город, в котором загрязнение приобрело системный характер и стало маркером институционального провала. В результате информационный повод был превращён в проблему публичной повестки, а реакция власти стала предметом общественного наблюдения.

Стадия 3 – формирование альтернатив. Когда тема закрепились в повестке, в публичном пространстве начали оформляться конкурирующие линии решения: первая носила краткосрочный характер и сводилась к срочной уборке наиболее заметных свалок, демонстративному наведению порядка и усилению санитарных мероприятий; вторая предполагала инфраструктурные меры (установку дополнительных контейнеров и бункеров, расширение площадок накопления отходов, регуляризацию вывоза)¹; третья относилась к институциональной логике мусорной реформы и была связана с переходом к системе регионального оператора, тарифным регулированием и распределением ответственности между муниципалитетом, краем и региональным оператором «Олерон+»²; четвёртая была сформулирована в общественном дискурсе как требование более глубокой и долгосрочной программы переработки, контроля и санкций за экологические нарушения (в 2023 году блогеры прямо говорили о необходимости специализированных служб и более жёсткого контроля, фиксируя тем самым неудовлетворённость прежними решениями). На данной стадии сетевой дискурс не создавал решение автономно, однако он делегитимировал ограничение политики только краткосрочной уборкой и расширил пространство для обсуждения альтернатив, связанных с инфраструктурой, тарифами, оператором и системной переработкой отходов. Через цифровую критику и медиарезонанс выбор между «косметической» и более глубокой реакцией становился политически значимым.

¹ Власти Читы закупят около 500 дополнительных контейнеров для борьбы со свалками // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/07/07/71111276/> (дата обращения: 23.05.2026).

² «Олерон+» останется регоператором системы обращения с ТКО в 2020 г. без нового конкурса // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/01/07/71089646/> (дата обращения: 23.05.2026); РСТ отложила работу над тарифом на вывоз мусора в Забайкалье из-за регоператора // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/politics/2019/11/18/71127971/> (дата обращения: 23.05.2026).

Стадия 4 – согласование и принятие решения. В отличие от экологических аварий или чрезвычайных происшествий, в данном кейсе не произошло одного-единственного акта принятия решения. Решение складывалось как связка нескольких муниципальных и региональных шагов. 12 апреля 2019 года фиксировалась фактическая уборка несанкционированных свалок в разных районах Читы, хотя пресс-служба мэрии утверждала, что работы идут в рамках «чистых четвергов» и месячника санитарной очистки, а не как реакция на ролик. В сентябре 2019 года администрация города объявила аукцион на уборку всех известных властям свалок, при этом источниками информации для аукциона были предписания Роспотребнадзора, представления прокуратуры, данные глав районов и обращения граждан¹. В октябре 2019 года городская дума направила 70 млн р. на ликвидацию несанкционированных свалок, причём эти расходы отсутствовали в первоначальном городском бюджете². Параллельно шло институциональное оформление мусорной реформы на уровне края: статус регионального оператора был закреплён за «Олерон+», а вопрос о тарифе оказался в центре отдельного контура согласования. На данной стадии сетевой дискурс воздействовал прежде всего косвенно: повышал репутационную цену бездействия, ускорял управленческое внимание и делал политически неудобным отказ от видимого ответа. Решение принималось внутри контура публичной власти, однако темп и символическое сопровождение выбора были заметно смещены под влиянием цифровой повестки.

Стадия 5 – реализация. На данной стадии были предприняты меры двух типов: краткосрочные (субботники, вывоз мусора с наиболее загрязнённых территорий, ликвидация стихийных свалок, установка бункеров и контейнеров) и структурные (закупка около 500 дополнительных контейнеров, переход к новой схеме обращения с ТКО, запуск работы регионального оператора в 2020 году). Дополнительно в июне 2020 года «Олерон+» опубликовал график уборки мусора в населённых пунктах края, что отражало попытку придать реализации решения более

¹ Администрация Читы объявила аукцион по уборке всех незаконных свалок // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/09/16/71120186/> (дата обращения: 23.05.2026).

² Власти нашли 70 млн р. на ликвидацию свалок в Чите // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/10/27/71125316/> (дата обращения: 23.05.2026).

регулярный и управляемый характер¹. Для сетевого дискурса на данной стадии были характерны координационная и контрольная функции. Цифровая среда продолжала фиксировать как саму уборку, так и её территориальные пределы. Общественное внимание сопровождало внедрение контейнерной инфраструктуры, тарифных решений, работы оператора и фактического состояния контейнерных площадок. Таким образом, реализация происходила уже не в закрытом административном режиме, а в пространстве постоянной публичной проверки.

Стадия б – оценка и корректировка. Фаза оценки показала ограниченность первоначальных мер. В марте 2020 года представитель «Олерон+» оценивал работу оператора лишь на «четвёрку» и одновременно признавал, что на 20 контейнерных площадках отсутствуют контейнеры². В феврале 2020 года EastRussia писала, что мусорная реформа в Забайкалье «буксует», а районные и сельские территории остаются один на один с мусором³. В августе 2020 года региональный вице-премьер уже говорил о некоторой стабилизации в тех районах, куда оператор вошёл, но одновременно подчеркивал необходимость дальнейшей ликвидации накопившихся свалок и входа в программу «Чистая страна»⁴. В 2021 году заместитель начальника отдела охраны окружающей среды Минприроды Забайкальского края прямо признала, что видео известного блогера стало триггером для очистки улиц Читы⁵. Данная формулировка важна, поскольку она фактически легитимировала роль сетевого дискурса как фактора управленческой реакции. На стадии оценки сетевой дискурс выполнял функцию общественного мониторинга и латентной экспертизы. Через цифровое обсуждение фиксировались не только отдельные улучшения, но и структурная

¹ «Олерон» составил график уборки мусора в 17 районах Забайкалья // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2020/06/16/71153285/> (дата обращения: 23.05.2026).

² «Олерон+» на «четвёрку» оценил свою работу по уборке мусора в Забайкалье // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2020/03/12/71141780/> (дата обращения: 23.05.2026).

³ Наедине с мусором: реформа ТКО буксует в Забайкалье // EastRussia. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/naedine-s-musorom-reforma-tko-buksuet-v-zabaykale-/> (дата обращения: 23.05.2026).

⁴ Гурулёв похвалил «Олерон» за уборку мусора в районах // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/politics/2020/08/16/71160302/> (дата обращения: 23.05.2026).

⁵ Видео Варламова про мусорную столицу стало триггером для очистки Читы от мусора // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/ecology/2021/04/02/71186867/> (дата обращения: 23.05.2026).

недостаточность мер: проблема начала интерпретироваться уже не как отсутствие разовой уборки, а как дефицит устойчивой системы обращения с отходами.

Стадия 7 – прекращение действия, замещение или перезапуск решения. Полного завершения жизненного цикла в данном кейсе не произошло. Скорее, можно говорить о частичном замещении одних мер другими и о последующем перезапуске цикла. Уже весной 2021 года официальное экологическое ведомство региона связывало очистку улиц с медиатриггером 2019 года, что указывало на продолжение логики корректировки. Данный эпизод указывает на перезапуск политико-управленческого цикла: прежние меры не закрыли проблему окончательно, цифровой дискурс вновь перевёл её в режим общественной значимости, а оценка предшествующих решений сместилась в сторону их частичной неэффективности. На этой стадии сетевой дискурс действовал как механизм делегитимации исчерпанных решений и канал повторной проблематизации. Для жизненного цикла политического решения данный кейс особенно ценен: он показывает, что цифровая повестка не только запускает и сопровождает решение, но и способна возобновлять его после фазы неполного институционального закрытия.

Кейс мусорной реформы в Чите демонстрирует, что сетевой дискурс включается во все ключевые стадии жизненного цикла политического решения, хотя характер его воздействия на разных этапах различен. На ранних фазах преобладали сигнальная и интерпретационная функции: цифровая среда фиксировала локальную проблему и переводила её в режим публичной повестки. На стадии формирования альтернатив и согласования решения усилились мобилизационная и репутационная функции: через медийную критику, вирусное распространение видеоматериалов и активность граждан повышалась цена инерции и расширялось пространство политически допустимых ответов. На стадии реализации доминировали координационная и контрольная функции, поскольку действия органов власти, оператора и муниципальных служб сопровождалась постоянной цифровой проверкой. На стадиях оценки и перезапуска кейс особенно наглядно выявил ограниченность краткосрочных мер: сетевой дискурс превратился в средство фиксации незавершённости реформы и стал каналом повторной проблематизации. В совокупности

данный пример позволяет рассматривать сетевой дискурс не как внешнее сопровождение коммунального кризиса, а как один из факторов, влияющих на повесточную значимость проблемы, темп управленческого ответа, общественную оценку и дальнейшую судьбу политического решения в региональной публичной политике.

Кейс о разливе дизельного топлива в Норильске

Стадия 1. Инициация информационного повода. Пусковая фаза данного кейса была связана с самим фактом аварии и с первым распространением сведений о её последствиях. Первоначально событие фиксировалось через сообщения о разгерметизации резервуара, попадании топлива в почву и воду, локализации пятна загрязнения и о ранних действиях спасательных служб¹. Вместе с тем информационный повод получил дополнительную силу вследствие задержки публичного признания масштабов происшествия. По данным РБК, руководство компании представило собственную хронологию аварии, тогда как глава Красноярского края ранее указывал, что власти региона отреагировали на ситуацию только после появления сообщений в социальных сетях². Для анализа жизненного цикла решения данное обстоятельство имеет принципиальное значение: информационный повод оказался не просто зафиксированным технически, но и публично усиленным через цифровую среду, где задержка признания стала самостоятельной частью кризиса. На данной стадии сетевой дискурс выполнял сигнальную функцию в двух измерениях: с одной стороны, цифровая среда расширяла видимость аварии, распространяя сведения о масштабе загрязнения; с другой – через неё вскрывалась проблема несвоевременного информирования, которая позднее превратилась в часть политической повестки. Уже в ранние дни кризиса общественное внимание было направлено не только на само загрязнение, но и на то, как о нём сообщают, какие сведения скрываются и насколько оперативно действует публичная власть.

¹ ЧС с разливом дизеля в Норильске. Что важно знать // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/06/2020/5ed7b3a19a79470f8a58995b> (дата обращения: 23.05.2026).

² Евгений Зиничев доложил Владимиру Путину о мерах по ликвидации разлива дизельного топлива в Красноярском крае // МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4174039> (дата обращения: 23.05.2026).

Стадия 2 – превращение информационного повода в проблему и включение в повестку. Переход от информационного повода к политически значимой проблеме был обеспечен интенсивной медиатизацией и быстрой цифровой циркуляцией визуальных материалов. 4 июня РБК сообщал о публикации «Роскосмосом» спутниковых снимков места разлива в Twitter, где были видны следы загрязнения и боновые ограждения на реке Амбарной¹. Одновременно авария обсуждалась как экологическая катастрофа, выходящая за рамки локального промышленного инцидента. Символическое расширение проблемы сопровождалось ростом внимания федеральных медиа и включением темы в общефедеральную повестку. Значимым моментом данной стадии стало публичное признание того, что цифровая среда выступила одним из каналов доведения проблемы до высшего политического уровня. 3 июня на совещании по ликвидации разлива топлива Владимир Путин жёстко отреагировал на сообщение о том, что органы власти узнали о ситуации не сразу: «Почему органы власти узнали об этом только через два дня? Мы, что, будем узнавать о чрезвычайных ситуациях из социальных сетей? У вас там всё в порядке со здоровьем?»². В политико-управленческом смысле данная реплика фиксировала преобразование локального информационного повода в проблему публичной ответственности. Сетевой дискурс на указанной стадии выполнял интерпретационную функцию: авария стала восприниматься как экологическая угроза, управленческий сбой и кризис публичной координации одновременно.

Стадия 3 – формирование альтернатив. После закрепления проблемы в повестке началось обсуждение альтернатив реагирования. В публичном поле и внутри институционального контура обозначились, по меньшей мере, четыре линии: первая была связана с ограничением реагирования рамками локальной ликвидации; вторая предполагала расширение сил и средств за счёт федерального уровня и перевод ситуации в режим ЧС федерального характера; третья относилась к уголовно-правовой и надзорной реакции, включая возбуждение дел, задержания и

¹ «Роскосмос» опубликовал снимки места разлива топлива в Норильске // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/04/06/2020/5ed952ef9a7947cd0a6faca9> (дата обращения: 23.05.2026).

² Путин возмутился тем, что власти узнали о разливе нефти в Норильске из соцсетей // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4366002> (дата обращения: 23.05.2026).

поиск ответственных; четвёртая затрагивала вопрос о более долгосрочной компенсации ущерба и усилении контроля за промышленной инфраструктурой в зоне риска. Сетевой дискурс на данной стадии воздействовал на пространство допустимых вариантов косвенно, но заметно: через распространение спутниковых снимков и фотографий места аварии, критических публикаций и репутационно чувствительных комментариев сужалась возможность ограничиться сугубо локальной технико-административной реакцией. Усиливалась легитимность тех альтернатив, которые предполагали федеральное вмешательство, жёсткую правовую квалификацию и публичное наказание виновных. Повестка смещалась от вопроса о сборе топлива к вопросу о политической и институциональной ответственности.

Стадия 4 – согласование и принятие решения. Данная фаза была развёрнута внутри формального институционального контура. 3 июня глава МЧС Евгений Зиничев выступил за признание разлива топлива чрезвычайной ситуацией федерального характера, указав, что такой режим позволит привлекать силы и средства федеральных органов исполнительной власти и госкорпораций¹. В тот же день в Красноярском крае был введён режим ЧС, а через федеральный уровень ситуация была окончательно переведена в контур общегосударственного реагирования². На данной стадии институциональное ядро решения сохранялось за субъектами публичной власти, однако темп движения к федеральной реакции был ускорен высокой видимостью проблемы и тяжёлым репутационным фоном. Роль сетевого дискурса в данной фазе заключалась в усилении публичной срочности. Цифровая среда не принимала решение вместо власти, но создавалась такая конфигурация внимания, при которой промедление приобретало политическую стоимость. Публикации о разливе, спутниковые изображения, обсуждение задержки информирования, а также федеральное медиатизированное внимание сокращали дистанцию между проблемой и официальным выбором. В подобной ситуации публичное обоснование решения становилось обязательной частью реагирования.

¹ Глава МЧС РФ выступил за признание разлива дизтоплива в Норильске федеральной ЧС // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/711639> (дата обращения: 23.05.2026).

² «Норникель» опубликовал хронологию аварии с разливом топлива // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/06/2020/5ed7dad9a79472475bc4f62> (дата обращения: 23.05.2026).

Стадия 5 – реализация. На данной стадии авария была локализована, начались сбор топлива, обработка загрязнённых участков и организация длительных работ по ликвидации последствий. 5 июня РБК со ссылкой на МЧС сообщал, что место разлива локализовано, собрано более 200 тонн горюче-смазочных материалов, число спасателей должно увеличиться до 500¹. Позднее в официальной хронике МЧС разлив под Норильском был охарактеризован как одна из самых серьёзных экологических катастроф 2020 года; ведомство фиксировало сбор топлива и загрязнённого грунта, а также масштабные работы по обработке загрязнённой территории². Одновременно в поле реализации появился научный контур: в июле участники Большой Норильской экспедиции начали отбор проб в районе аварии, чтобы оценить изменения состава воды и масштабы последствий³. На данной стадии сетевой дискурс выполнял координационную и контрольную функции. Через цифровую среду продолжали циркулировать визуальные материалы, сообщения о ходе ликвидации, данные о загрязнении, публикации экологов и журналистов. Публичное внимание сохранялось, следовательно, реализация переставала быть сугубо ведомственным процессом. Через сетевые каналы фиксировались как успехи по локализации последствий аварии, так и пределы достигнутого эффекта. Репутационное измерение при этом сохранялось: значение получали не только фактические действия, но и то, как они были представлены и восприняты в цифровой среде.

Стадия 6 – оценка и корректировка. Оценочная стадия связана с переходом от аварийного реагирования к правовой и финансовой квалификации последствий. Уже 3 июня надзорные органы возбуждали уголовные дела по факту загрязнения вод и нарушения экологической безопасности⁴. 10 июня были задержаны трое топ-

¹ МЧС сообщило о локализации разлива топлива в Норильске // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/06/2020/5eda011b9a79470de3e34230> (дата обращения: 23.05.2026).

² Ликвидация разлива нефти в Норильске, 2020 год // МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/informacionnye-proekty/2020-30-letie-mchs-rossii/30-let-mchs/4316352> (дата обращения: 23.05.2026).

³ Ученые взяли пробы на месте разлива топлива на ТЭЦ-3 в Норильске // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/719735> (дата обращения: 23.05.2026).

⁴ Второе уголовное дело возбуждено после разлива топлива на ТЭЦ в Норильске // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/711645> (дата обращения: 23.05.2026).

менеджеров ТЭЦ-3, а число уголовных дел увеличилось до четырёх¹. Осенью 2020 года Росприроднадзор обосновал расчёт экологического ущерба почти в 148 млрд р., выделив основной объём вреда водным объектам и меньшую часть – почвам². В феврале 2021 года суд обязал НТЭК выплатить более 146 млрд р. в качестве компенсации, а в марте 2021 года «Норникель» полностью перечислил соответствующую сумму³. В данной фазе кризис уже не ограничивался экологическим сюжетом: он был преобразован в комплексный контур ответственности, включавший уголовное преследование, судебную компенсацию и публичную оценку корпоративной и управленческой вины. Сетевой дискурс на данной стадии выполнял функцию общественной оценки и репутационного давления. Цифровая публичность поддерживала внимание к вопросу о виновных, достаточности санкций, соответствии официальных объяснений фактическому ущербу и допустимости прежних практик эксплуатации инфраструктуры. Через обсуждение аварии происходило не только эмоциональное осмысление последствий, но и постепенное закрепление новой рамки проблемы: загрязнение интерпретировалось как результат не единичного сбоя, а как симптом институциональной уязвимости и недостаточного контроля. Подобная динамика повышала легитимность более жёстких компенсационных и уголовно-правовых мер.

Стадия 7 – прекращение действия, замещение или перезапуск решения. Полного прекращения политического цикла в данном кейсе не произошло. К 2021 году была достигнута частичная институциональная развязка: суд вынес решение о компенсации, компания перечислила средства, а уголовно-правовой контур продолжил движение. Вместе с тем завершения в полном смысле не наступило, поскольку

¹ В Норильске задержали трех топ-менеджеров ТЭЦ-3 по делу о разливе дизтоплива // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/712615> (дата обращения: 23.05.2026).

² Росприроднадзор обосновал оценку ущерба при разливе топлива в Норильске. Как ведомство рассчитало рекордный штраф в 148 млрд // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/02/10/2020/5f748a779a79478068822a48> (дата обращения: 23.05.2026).

³ Суд обязал «Норникель» выплатить 146 млрд за разлив топлива в Норильске // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/05/02/2021/601cfb6d9a7947666e740cda> (дата обращения: 23.05.2026); «Норникель» полностью возместил ущерб за разлив топлива в Норильске // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/03/10/860881-nornikel-polnostyu-vozmestil-uscherb-za-razliv-topлива-v-norilske> (дата обращения: 23.05.2026).

авария была переведена из режима экстренной ликвидации в долгосрочную фазу компенсации, научного мониторинга и публичного урока для системы промышленной и экологической безопасности. Таким образом, цикл был не закрыт окончательно, а замещён другой конфигурацией публичного и институционального реагирования. На данной стадии роль сетевого дискурса сместилась от мгновенной мобилизации к функции удержания памяти о кризисе. В цифровом поле продолжали циркулировать интерпретации аварии как маркера управленческой несостоятельности, а сам случай сохранял значение аргумента в более широких дискуссиях об экологической ответственности, качестве промышленного контроля и допустимости сокрытия информации. Через такую репутационно-памятную работу сетевой дискурс препятствовал быстрой деполитизации аварии и поддерживал присутствие данной темы в публичной сфере даже после прохождения судебной-компенсационной стадии.

Кейс разлива дизельного топлива в Норильске показывает, что сетевой дискурс включается как фактор во все основные стадии жизненного цикла политического решения, однако его функциональная роль на разных этапах изменяется. На ранних стадиях преобладали сигнальная и интерпретационная функции: цифровая среда расширяла видимость аварии, переводила локальный инцидент в режим общегосударственной экологической проблемы и высвечивала кризис публичного информирования. На стадии формирования альтернатив и согласования решения усиливались повесточная, репутационная и мобилизационная функции: пространство допустимого реагирования смещалось в сторону федеральной чрезвычайной реакции и более жёсткой правовой оценки. На стадии реализации доминировали координационная и контрольная функции, поскольку цифровая среда сопровождала ликвидацию, фиксировала её ход и удерживала тему в публичном внимании. В фазах оценки, компенсации и частичного завершения цикла сетевой дискурс поддерживал общественную легитимацию более строгих санкций и препятствовал быстрому символическому закрытию кризиса. В совокупности данный кейс позволяет рассматривать сетевой дискурс как один из факторов, влияющих на темп, публичную значимость, репутационную нагрузку и последующую судьбу политического решения в региональной публичной политике.

Кейс генплана Краснодара

Стадия 1 – инициация информационного повода. Запуск информационного повода был связан с переходом проекта Единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования Краснодара (генеральный план Краснодара) в режим публичной видимости¹. Уже в сентябре 2024 г. власти заявили о намерении принять единый градостроительный документ в течение года и официально объявили о проведении общественных обсуждений с 19 по 25 октября². Существенно, что с самого начала жителям были предложены и цифровые каналы участия³: замечания можно было направлять через электронную почту и через раздел «Голосования и общественные обсуждения» на официальном интернет-портале. В логике настоящего исследования на этой стадии сетевой дискурс выполнял прежде всего сигнальную функцию: проект генплана был переведён из режима внутриадминистративной подготовки в режим публичного информационного повода, доступного для массового цифрового обсуждения.

Стадия 2 – превращение информационного повода в проблему и включение в повестку. На следующей стадии сам проект перестал быть нейтральным градостроительным документом и превратился в общественно значимую проблему. В публичном пространстве обсуждение быстро сосредоточилось вокруг нескольких конфликтных тем⁴ (сокращение зелёных зон, изменение функционального назначения земель, риски для частной застройки, планируемые инфраструктурные преобразования), процедурной непрозрачности и сжатых сроков обсуждения. Показательно, что в ходе обсуждений жители не только направляли замечания, но и проводили

¹ В Краснодаре намерены принять единый стратегический градостроительный документ в 2024 году // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21829737> (дата обращения: 25.05.2026).

² Общественные обсуждения по проекту Единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования стартуют 19 октября // Официальный интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара. URL: <https://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/obshchestvennye-obsuzhdeniya-po-proektu-edinogo-dokumenta-territorialnogo-planirovaniya-startuyut-19/> (дата обращения: 25.05.2026).

³ Генплан Краснодара вынесли на общественные обсуждения // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7247021> (дата обращения: 25.05.2026).

⁴ «Вы что, издеваетесь?» Почему краснодарцы протестуют против нового генплана: главные претензии к содержанию и обсуждению проекта // Юга.ру. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/10145.html> (дата обращения: 25.05.2026).

собрания, записывали видеообращения к власти, собирали подписи и публично координировали дальнейшие действия¹. В начале ноября протестная динамика вышла и в офлайн-пространство: в Краснодаре состоялся согласованный митинг против нового генплана. На данной стадии сетевой дискурс выполнял интерпретационную и мобилизационную функции: он задавал рамку прочтения проекта как проблемного решения, усиливал его конфликтный потенциал и расширял круг участников обсуждения.

Стадия 3 – формирование альтернатив. В логике жизненного цикла политического решения на стадии формирования альтернатив вокруг проекта генплана оформились несколько вариантов дальнейшего движения: первый предполагал принятие документа в основном в представленном виде; второй был связан с точечной корректировкой спорных положений по итогам общественных обсуждений; третий ориентировался на отклонение проекта и запуск новой процедуры обсуждения после переработки документа. Такой спектр альтернатив можно реконструировать по совокупности официальных каналов подачи замечаний, публичным требованиям направить проект на доработку и по критике самой процедуры обсуждения. Сетевой дискурс на этой стадии выполнял селективную и репутационную функции: он усиливал альтернативы, связанные с пересмотром или возвратом документа на доработку, и одновременно повышал политическую стоимость его безусловного утверждения без учёта общественного недовольства.

Стадия 4 – согласование и принятие политического решения. Институциональное согласование и окончательное принятие решения сохранились в контуре публичной власти. После завершения общественных обсуждений были опубликованы их результаты. По данным, приведённым в публичных сообщениях о заключении комиссии, в обсуждениях приняли участие более 27 тыс. жителей, которые внесли свыше 8 тыс. замечаний и предложений. Однако уже 27 ноября 2024 г. депутаты городской Думы Краснодара приняли единый документ территориального планирования и градостроительного зонирования города: 36 чел. проголосовали «За»,

¹ В Краснодаре прошёл митинг против нового Генплана // Кубань Сегодня. URL: <https://kubantoday.ru/v-krasnodare-proshel-miting-protiv-novogo-genplana/> (дата обращения: 25.05.2026).

4 – «Против»¹. В этой фазе сетевой дискурс сохранял высокую значимость, но его влияние оказалось ограниченным. Он усилил публичную видимость конфликта, увеличил репутационную нагрузку на решение и сформировал давление на процедуру согласования, однако не привёл к блокированию формального принятия документа.

Стадия 5 – реализация решения. После принятия документа началась стадия его институциональной реализации. Принятый городской Думой Краснодара единый документ был рассчитан на период до 2044 г. и должен был вступить в силу с 1 марта 2025 г.; далее он начал функционировать как базовая нормативно-пространственная рамка городского развития, объединяя генеральный план и правила землепользования и застройки². На данной стадии роль сетевого дискурса сместилась от мобилизационного давления к контрольному сопровождению: цифровая среда уже не определяла само принятие решения, но продолжала фиксировать отношение к нему, отслеживать последствия и удерживать тему в публичном поле как предмет оценки и наблюдения.

Стадия 6 – оценка и корректировка. Оценочная стадия в данном кейсе проявилась в продолжении общественной и экспертной рефлексии, а также в корректировочном контуре самого документа. «Ведомости Юг» отмечали, что по итогам общественных обсуждений в единый документ были внесены изменения; в частности, была уменьшена площадь промышленной зоны, планируемой в станице Елизаветинской. Кроме того, официальные базы фиксируют существование редакции решения с изменениями уже по состоянию на 27 февраля 2025 г.³. Тем самым

¹ В Краснодаре опубликовали заключение о результатах общественных обсуждений нового генплана // Юг Times. URL: <https://yugtimes.com/news/101871/> (дата обращения: 25.05.2026); О едином документе территориального планирования и градостроительного зонирования муниципального образования город Краснодар: решение городской Думы Краснодара от 27 ноября 2024 г. № 82 п. 4. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407518584> (дата обращения: 25.05.2026); Гордума приняла Единый документ территориального планирования Краснодара // РБК Краснодар. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/6746d1749a79471fc0a014dd> (дата обращения: 25.05.2026).

² В Краснодаре приняли Единый документ территориального планирования // Ведомости Юг. URL: <https://south.vedomosti.ru/south/news/2024/11/27/1077575-krasnodare-dokument-planirovaniya> (дата обращения: 25.05.2026).

³ О едином документе территориального планирования и градостроительного зонирования муниципального образования город Краснодар: решение городской Думы Краснодара от 27 ноября 2024 г. № 82 п. 4 (с изм. на 27 февраля 2025 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/407518584> (дата обращения: 25.05.2026).

можно говорить о том, что после формального принятия документа он не остался полностью статичным. На этой стадии сетевой дискурс выполнял оценочную и контрольную функции: он не остановил исходное решение, но способствовал поддержанию публичного давления и сопровождал последующие корректировки как элемент общественного мониторинга.

Стадия 7 – прекращение действия, замещение или перезапуск решения. Стадия прекращения действия или перезапуска решения в данном кейсе не реализовалась. Напротив, после принятия документа и его вступления в силу произошла консолидация решения как основной градостроительной рамки развития Краснодара на длительную перспективу. Это обстоятельство делает кейс генплана Краснодара особенно значимым для настоящего исследования: он позволяет показать, что даже интенсивный сетевой резонанс, общественные обсуждения, публичная критика и протестная мобилизация не всегда ведут к отмене или к перезапуску решения. В данном случае сетевой дискурс оказал ограниченное влияние: он усилил проблематизацию, мобилизовал участников, повлиял на репутационную среду и, вероятно, на отдельные корректировки, но не привёл к отказу от принятия документа.

Кейс генплана Краснодара представляет собой показательный пример того, что сетевой дискурс в региональной публичной политике может обладать высокой повесткообразующей и мобилизационной силой, но при этом не обязательно трансформируется в отмену или блокирование институционального решения. На ранних стадиях он выполнял сигнальную и интерпретационную функции, затем усилил мобилизацию и расширил пространство обсуждаемых альтернатив, а после формального принятия документа перешёл в режим контроля и оценки. Тем самым данный кейс особенно важен так как показывает не только влияние сетевого дискурса как фактора принятия политических решений, но и пределы этого влияния в условиях сохранения жёсткого институционального ядра решения.

Проведённый анализ региональных кейсов показывает, что сетевой дискурс входит в жизненный цикл политического решения на всех его стадиях, однако характер данного участия меняется по мере движения от информационного повода к

институциональному реагированию, далее к реализации, оценке и возможному перезапуску управленческого цикла. На ранних стадиях преобладают сигнальная и интерпретационная функции сетевого дискурса как фактора принятия политических решений: цифровая среда фиксирует проблему, расширяет её видимость, задаёт рамку публичного прочтения и переводит локальный инцидент в статус общественно значимой темы. В средней части цикла возрастают повесточная, мобилизационная и репутационная функции: через сетевой резонанс сужается пространство инерции, усиливается общественный запрос на реакцию, а отдельные альтернативы получают дополнительную легитимацию либо, напротив, утрачивают политическую приемлемость. На стадиях реализации, оценки и перезапуска решения доминируют координационная и контрольная функции, вследствие чего цифровая среда превращается в канал общественного мониторинга, пространство накопления критики, механизм поддержания публичной памяти о кризисе и источник повторной проблематизации ситуации. Данный вывод согласуется с процессуальной трактовкой политического решения, представленной в первой главе.

Сопоставление кейсов позволяет заключить, что влияние сетевого дискурса на политическое решение не носит характера прямой и универсальной причинности. Институциональное ядро выбора сохраняется за субъектами публичной власти, однако условия функционирования данного ядра в цифровой среде существенно трансформируются. Сетевой дискурс воздействует на темп реакции, структуру публичного внимания, символическую рамку проблемы, репутационную цену бездействия и последующую оценку принятых мер. В одних случаях цифровая среда ускоряет переход от информационного повода к федеральному или региональному реагированию, в других поддерживает длительное давление на повестку, в третьих способствует переоценке уже реализуемых решений и их частичной корректировке. Следовательно, сетевой дискурс должен рассматриваться как значимый коммуникационно-информационный фактор политико-управленческого процесса, действие которого проявляется в разных конфигурациях и зависит от масштаба кризиса, плотности медиарезонанса, состава вовлечённых акторов и институциональной чувствительности власти.

Существенным результатом параграфа становится и подтверждение того, что анализ политического решения по стадиям жизненного цикла обладает высокой объяснительной ценностью применительно к цифровой эпохе. Подобная схема позволяет связать разнородные кейсы в единую аналитическую рамку, выявить повторяющиеся механизмы включения сетевого дискурса в публичную политику и проследить движение от цифрового информационного повода к институциональному выбору без редукции политического процесса к одному эпизоду резонанса. На материале рассмотренных случаев было установлено, что сетевой дискурс участвует в политическом процессе через обнаружение и проблематизацию темы, поддержку общественного давления, перераспределение видимости альтернатив, сопровождение реализации решения и оценку его последствий. По указанной причине дальнейший анализ требует перехода от реконструкции жизненного цикла отдельных решений к сопоставлению сетевого дискурса с официальным дискурсом губернаторов и выявлению точек пересечения и линий расхождения между данными режимами публичной коммуникации.

2.3 Официальный дискурс губернаторов и сетевой дискурс региональных сообществ в процессе принятия политических решений: точки пересечения и линии расхождения

Исследование официального дискурса губернаторов и сетевого дискурса региональных сетевых сообществ обусловлено тем, что в условиях цифровизации губернатор перестает быть исключительно административной фигурой и его официальный цифровой дискурс превращается в один из ключевых инструментов антикризисной коммуникации власти. Сегодня глава региона не только принимает управленческие решения, но и постоянно присутствует в цифровой среде, где от его риторики, частоты сообщений, способов интерпретации событий и характера обратной связи с аудиторией зависит восприятие населением безопасности, устойчивости и управляемости ситуации. Поскольку эмпирической базой исследования выступают публикации в Телеграм-каналах губернаторов, предметом анализа становится не вторичная медийная репрезентация власти, а непосредственная цифровая речь

руководителя региона. В этих условиях цифровой канал губернатора выполняет одновременно информационную, мобилизационную, координационную и символическую функции, а сам сетевой дискурс становится важнейшим инструментом управления кризисной повседневностью. Для периода специальной военной операцией (далее – СВО) это особенно значимо, поскольку публичное слово главы региона начинает выполнять не только разъяснительную, но и антикризисную функцию: оно сообщает, предупреждает, успокаивает, организует и легитимирует действия власти.

Современные исследования цифровой коммуникации позволяют рассматривать официальный дискурс губернаторов в Телеграм не как совокупность отдельных сообщений, а как особую форму институционализированной цифровой политической коммуникации¹. В этой логике цифровая речь политического актора понимается не только как текст, но и как форма организации отношений, смыслов, ролей и властных позиций в сетевой среде. Для исследования губернаторских каналов это особенно важно, поскольку их коммуникация разворачивается не в традиционной медийной вертикали, а в платформенной среде, где институциональное высказывание соседствует с оперативностью, повторяемостью, реактивностью и постоянным обновлением повестки. Телеграм-канал губернатора нельзя интерпретировать исключительно как электронную версию пресс-релиза или административного отчёта,

¹ Ахременко А. С., Синицина А. В., Соловьев В. А. Размежевание или сплочение? (Динамика сетевой структуры политических телеграм-каналов: моделирование и эмпирический анализ) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. – 2024. – № 3(114). – С. 59–81; Бушев А. Б. Исследование сетевых дискурсов // *Восточнославянская филология. Языкознание*. – 2023. – № 16(42). – С. 3–13; Исхакова А. М., Беленко В. Е. Коммуникация пользователей в Телеграм-каналах // *Динамика медиасистем*. – 2025. – Т. 5. – № 1. – С. 279–285; Кранзеева Е. А., Брандт Я. А., Бурмакина А. Л. Триггерные повестки сетевой коммуникации в регионах ресурсного типа // *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. – 2025. – Т. 4. – № 4(16). – С. 447–460; Кульназарова А. В., Нестерова М. В. Особенности коммуникаций в социальных сетях кандидата А. Беглова в предвыборной кампании на пост губернатора Санкт-Петербурга в 2024 году // *Политика и общество*. – 2024. – № 3. – С. 46–55; Кушнерук С. Л. Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации // *Медиалингвистика*. – 2024. – Т. 11. – № 3. – С. 300–324; Лукьянова Г. В., Соловьев А. Ю. Особенности формирования повестки дня в мессенджере Телеграм // *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*. – 2024. – Т. 24. – № 1. – С. 90–97; Мальшева О. П., Рябченко Н. А. Сетевое моделирование предикационного ядра цифровой социально-политической повестки дня: опыт применения графовой нейросети «Концептоскоп» для анализа Телеграм-канала Д. А. Медведева в 2022–2023 гг. // *Политическая лингвистика*. – 2024. – № 5(107). – С. 125–136; Михайленок О. М., Воронкова О. А. Сетевой дискурс и отношения власти // *Власть*. – 2024. – Т. 32. – № 5. – С. 136–142; Онуприенко К. А. Аудитория новостных Телеграм-каналов как объект медиapsихологических исследований // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 209–218.

напротив, он представляет собой гибридный жанр, соединяющий функции информирования, интерпретации, символического лидерства, антикризисного реагирования и поддержания управленческой легитимности. Именно поэтому исследование дискурса губернаторов в Телеграм требует сочетания медиалингвистического, политико-коммуникативного и платформенного подходов.

Выбор временных рамок исследования с февраля 2022 года по декабрь 2025 года представляется методологически оправданным. Нижняя граница фиксирует начало качественно нового этапа в политико-коммуникативной жизни приграничных регионов, когда вопросы безопасности, оперативного реагирования, защиты населения, взаимодействия с федеральным центром и поддержки участников СВО заняли центральное место в публичной повестке. Верхняя граница – декабрь 2025 года – позволяет рассматривать не кратковременную реакцию власти на кризис, а длительный процесс институционализации кризисной коммуникации: от первичной адаптации 2022 года через закрепление новых дискурсивных практик в 2023–2024 годах к их функционированию в полном календарном цикле 2025 года. Такой временной охват особенно важен потому, что введенный Указом Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» (далее – Указ № 757)¹ режим среднего уровня реагирования оставался значимым нормативным контекстом и во второй половине 2025 года, что подтверждается официально опубликованными правовыми актами этого периода, прямо отсылающими к действию данного режима. Следовательно, декабрь 2025 года выступает не произвольной датой отсечения, а логически завершенной верхней точкой наблюдения.

Выбор регионов также не является случайным. Первичный корпус исследования формируется на основании Указа № 757, которым средний уровень реагирования был введен на территориях Республики Крым, Краснодарского края, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской и Ростовской областей, а также города

¹ Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 (ред. от 25.08.2023) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. №756» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 43. – Ст. 7382.

Севастополя. Тем самым в выборку попадают не просто географически близкие к зоне конфликта субъекты, а нормативно однородная группа регионов, функционировавших в сходных институциональных условиях повышенных мер безопасности. Это принципиально усиливает сопоставимость материала: дискурс губернаторов в данном случае развивается не в абстрактной цифровой среде, а в сходном правовом и управленческом контексте, где региональные власти вынуждены совмещать решение повседневных социально-экономических задач с постоянным антикризисным информированием населения, реакцией на внешние угрозы и демонстрацией управленческой устойчивости. Иными словами, выбранные субъекты образуют не произвольную, а аналитически и юридически верифицируемую совокупность кейсов.

На втором этапе из восьми регионов были отобраны шесть: Белгородская, Брянская и Воронежская области, город Севастополь, Краснодарский край и Республика Крым. Основанием для такого решения стал критерий персональной непрерывности власти: в итоговую выборку включены только те субъекты, где один и тот же политический актор сохранял статус действующего главы региона на всём протяжении рассматриваемого периода. Такой подход принципиален для корректного лонгитюдного анализа, поскольку позволяет проследить именно динамику дискурса одного и того же губернатора, а не смешивать в одном кейсе разные стили управления, коммуникативные интонации и модели цифрового позиционирования. Вячеслав Гладков вступил в должность губернатора Белгородской области в сентябре 2021 года; Александр Богомаз сохранял руководство Брянской областью и вновь вступил в должность в 2025 году; Александр Гусев возглавлял Воронежскую область с 2018 года и был переизбран в 2023 году; Михаил Развожаев вступил в должность губернатора Севастополя в 2020 году и был переизбран в 2025 году; Вениамин Кондратьев руководил Краснодарским краем с 2015 года и в 2025 году вновь вступил в должность губернатора; Сергей Аксёнов сохранял статус главы Республики Крым и был вновь утвержден в должности в 2024 году. Таким образом, все шесть глав регионов обеспечивают персональную целостность наблюдения на протяжении всего периода – с февраля 2022 по декабрь 2025 года.

Курская и Ростовская области, напротив, были исключены из итоговой выборки именно по методологическим причинам. Включение кейсов этих двух регионов в итоговую лонгитюдную выборку привело бы к смещению как минимум двух различных персональных дискурсивных моделей внутри каждого региона и, следовательно, снизило бы внутреннюю валидность сравнения. Исключение Курской и Ростовской областей позволяет сохранить чистоту дизайна исследования и интерпретировать выявленные изменения именно как трансформации дискурса конкретного губернатора в меняющихся внешних условиях, а не как следствие кадровой ротации.

Целью исследования является выявление динамики сетевого дискурса региональных сообществ и официального дискурса губернаторов приграничных регионов России в условиях цифровизации публичной власти и затяжной кризисной ситуации, связанной с СВО, а также установление того, каким образом пересекаются и различаются сетевой дискурс и дискурс губернаторской коммуникации в Телеграм.

Эмпирическую базу исследования составили публикации официальных Телеграм-каналов действующих глав шести российских регионов: В. В. Гладкова (Белгородская область), А. В. Богомаза (Брянская область), А. В. Гусева (Воронежская область), М. В. Развожаева (г. Севастополь), В. И. Кондратьева (Краснодарский край) и С. В. Аксёнова (Республика Крым). Обращение к Телеграм-каналам губернаторов обусловлено тем, что именно эта площадка в анализируемый период стала одним из ключевых инструментов прямой цифровой коммуникации региональной власти с населением.

Предметом исследования становится не просто региональная повестка как таковая, а её преломление в устойчивой персонализированной цифровой речи главы субъекта. Таким образом, были проанализированы: около 16 тыс. публикаций В. В. Гладкова; около 17 тыс. публикаций А. В. Богомаза; около 5,3 тыс. публикаций А. В. Гусева; около 14,5 тыс. публикаций М. В. Развожаева; около 8,8 тыс. публикаций В. И. Кондратьева; около 7,8 тыс. публикаций С. В. Аксёнова. Совокупный объём эмпирического массива составил 70 тыс. публикаций.

Для сопоставительного анализа использовался и второй корпус источников, репрезентирующий сетевой дискурс региональных сообществ. Под сетевым

дискурсом в данном параграфе понимается дискурс публично-новостных и квазимедийных Телеграм-сообществ, в котором взаимодействуют администраторы каналов, подписчики, локальные комментаторы и иные участники цифровой публичности. В отличие от официального дискурса губернаторов, данный корпус не обладает институциональным статусом публичной власти и отражает горизонтальные, фактологические, реактивные и медиопосредованные формы описания региональной реальности. Эмпирический корпус сетевых сообществ составляют Телеграм-каналы «Жесть Белгород», «Подслушано Брянск», «Типичный Воронеж | Новости Воронежа», «ЧП / Севастополь», «Типичный Краснодар» и «ЧП / Крым» (таблица 4). Совокупный объем публикаций составил почти 400 тыс. единиц.

Таблица 4 – Описание сообществ и каналов

Субъект РФ	Название сообщества и канала	Описание сообщества и Телеграм-канала	Подписчики	Количество ежедневных просмотров
Белгородская область	«Жесть Белгород»	Социально-новостная группа, которая занимается освещением событий и насущных проблем граждан в Белгородской области	618 тыс.	около 150 тыс.
Брянская область	«Подслушано Брянск»	Социально-новостная группа, которая занимается освещением событий и насущных проблем граждан в Брянской области	325 тыс.	около 75 тыс.
Воронежская область	«Типичный Воронеж Новости Воронежа»	Социально-новостная группа, которая занимается освещением событий и насущных проблем граждан в Воронежской области	399 тыс.	около 95 тыс.
Город Севастополь	«ЧП / Севастополь»	Социально-новостная группа, которая занимается освещением событий и насущных проблем граждан в городе Севастополь	386 тыс.	около 125 тыс.
Краснодарский край	«Типичный Краснодар»	Социально-новостная группа, которая занимается освещением событий и насущных проблем граждан в Краснодарском крае	359 тыс.	около 70 тыс.
Республика Крым	«ЧП / Крым»	Социально-новостная группа, которая занимается освещением событий и насущных проблем граждан в Республике Крым	447 тыс.	около 95 тыс.

Для обеспечения сопоставимости материала и выявления этапов трансформации исследуемых дискурсов оба корпуса были разделены на четыре временных периода: первый – с 24 февраля по 31 декабря 2022 года; второй – с 1 января 2023

года по 31 декабря 2023 года; третий – с 1 января 2024 года по 31 декабря 2024 года; четвёртый – с 1 января по 31 декабря 2025 года. Такое деление позволило зафиксировать не только начальную фазу адаптации региональной публичной коммуникации к новым политическим и геополитическим условиям, но и последующую институционализацию кризисной повестки, её закрепление в цифровой речи губернаторов и возможную трансформацию процессов принятия политических решений под влиянием сетевого дискурса на более поздних этапах.

Методологическую основу исследования составляет сочетание контент-анализа, сетевого анализа и кросс-темпорального подхода. Такое соединение методов позволяет рассматривать губернаторский Телеграм-дискурс одновременно на содержательном и структурном уровнях: с одной стороны, выявлять основные темы, мотивы и коммуникативные функции публикаций, а с другой – реконструировать внутреннюю организацию дискурсивного поля, степень его целостности, плотности и тематической фрагментации. Контент-анализ использовался для выделения доминирующих тематических направлений, устойчиво повторяющихся лексико-семантических единиц и функциональных типов сообщений. Сетевой анализ был применён для изучения структуры дискурсивного поля губернаторов и сетевого дискурса региональных сообществ. Его задача состояла не только в выявлении наиболее частотных слов, но прежде всего в определении характера связей между ними. Методическая логика заключалась в построении графов совместной встречаемости лексических единиц: узлы графа отражали значимые слова и тематические маркеры, а рёбра – устойчивые связи между ними внутри корпуса публикаций. Такой подход позволил реконструировать внутреннюю архитектуру губернаторского дискурса и сетевого дискурса, выявлять их смысловые центры, периферийные зоны, кластеры и разрывы. Визуализация и первичная интерпретация графов осуществлялись в программе Gephi.

Кросс-темпоральный подход обеспечил возможность анализа материала в динамике: во-первых, сравнение дискурсивных полей разных губернаторов и разных региональных сообществ позволило установить общие и специфические черты региональной цифровой коммуникации в условиях единого кризисного контекста; во-вторых, изменения внутри каждого отдельного кейса сравнивались по четырём

временным периодам. Это дало возможность зафиксировать не только различия в тематическом наполнении публикаций, но и более глубокие сдвиги в организации сетевого дискурса: сужение или расширение тематического спектра, укрепление или ослабление смыслового ядра, повышение или снижение степени сетевой связности губернаторского и сетевого дискурсов.

Таким образом, в параграфе сопоставляются два дискурсивных режима: официальный дискурс губернаторов и дискурс региональных сообществ, что позволяет выявить точки пересечения и линии расхождения между институциональной и медиапубличной коммуникацией.

Использование четырёх временных периодов имеет самостоятельное методическое значение: первый фиксирует начальную фазу перестройки губернаторской коммуникации после февраля 2022 года, когда кризисная повестка только начинает вытеснять традиционные темы регионального управления; второй отражает этап закрепления новых коммуникативных практик, когда чрезвычайная и проблематика безопасности становится устойчивым элементом цифрового дискурса; третий позволяет проследить дальнейшее усложнение и интенсификацию кризисной коммуникации в 2024 году; четвёртый – оценить степень её институционализации в течение полного календарного цикла 2025 года. Тем самым исследование получает возможность фиксировать не моментальную реакцию на экстремальные обстоятельства, а длительный процесс трансформации губернаторской цифровой речи и сетевого дискурса.

Рассмотрим по временным периодам официальный дискурс губернаторов и дискурс региональных сообществ.

Белгородская область

В первом периоде (с 24 февраля по 31 декабря 2022 года) официальный дискурс В. В. Гладкова характеризуется резкой переориентацией на информирование населения о внешних угрозах, оперативной обстановке и мерах реагирования. В центре его дискурсивного поля оказываются лексемы, связанные с опасностью, территорией, пострадавшими, оперативными и аварийными службами, а также частичной мобилизацией и отдельными запретительными мерами. Уже на этом этапе

канал приобретает выраженную функцию антикризисного оповещения: губернатор не просто сообщает новости, а выступает как главный региональный интерпретатор опасности. Во втором периоде (2023 год) эта линия усиливается: поле всё заметнее концентрируется вокруг обстрелов, снарядов, разрушений, районов и округов, т. е. дискурс становится более локализованным, территориально точным и реактивным. Если в 2022 году безопасность ещё сосуществует с более широким набором тем, то в 2023 году она превращается в осевой принцип организации губернаторской коммуникации. Третий период (2024 год) демонстрирует дальнейшую специализацию: в центре внимания БПЛА, ПВО, повреждения частных домов, пострадавшие, помощь и оценка ущерба. Канал становится более структурированным, но и более монотематичным, поскольку подчиняется задаче постоянного информирования о внешних угрозах и последствиях военных атак. В четвёртом периоде (2025 год) эта тенденция не только сохраняется, но и институционализируется: официальные публикации канала фиксируют крайне сложную оперативную обстановку, регулярные сообщения об обстрелах и атаках БПЛА, статистику их уничтожения подразделениями «БАРС-Белгород» и «Орлан», сведения о раненых мирных жителях и повреждениях объектов, а также постоянную отсылку к работе оперативных служб и оценке ущерба; вместе с тем рядом с чрезвычайной повесткой присутствуют и сообщения о социальных и восстановительных практиках, например, о развитии адаптивного спорта и открытии хосписов. Это свидетельствует о том, что к 2025 году дискурс В. В. Гладкова приобретает окончательно гибридный характер: он остаётся предельно секьюритизированным, но поверх аварийно-оповестительного ядра формируется восстановительно-социальный слой. Иначе говоря, если в 2022–2024 годы канал постепенно превращался в инструмент кризисного оповещения, то в 2025 году он становится инструментом управления жизнью региона в режиме постоянной опасности.

В Белгородской области сетевой дискурс канала «Жесть Белгород» в 2022 году сохранял преимущественно локально-событийный и инцидентный характер. В начальной фазе наблюдения он ещё не был полностью подчинён военно-кризисной логике: взаимодействие между каналом и губернаторским дискурсом

оставалось слабым, тогда как само сообщество концентрировалось на ДТП и локальных происшествиях, затрагивая вопросы безопасности лишь эпизодически. В 2023 году происходит заметный сдвиг: тематика обстрелов, разрушений, географии ударов и деятельности оперативных служб выходит на передний план, а языковые конструкции канала начинают существенно сближаться с официальной риторикой. В 2024 году процесс достигает максимальной степени выраженности: дискурсивные поля канала «Жесть Белгород» и губернаторского канала демонстрируют почти полное тематическое совпадение; в центре внимания оказываются БПЛА, артиллерийские удары, разрушения, пострадавшие, ПВО и конкретные географические точки. В 2025 году сетевой дискурс белгородского сообщества окончательно эволюционирует от локально-инцидентного формата к почти синхронизированной кризисно-оповестительной модели, хотя формальной институциональной интеграции между двумя дискурсивными режимами не возникает.

Брянская область

Официальный дискурс А. В. Богомаза в первом периоде, напротив, выглядит более многослойным: в нём заметно сочетаются темы региона и бюджета, сообщения о работе оперативных служб, упоминания президента, историко-патриотическая проблематика и отсылки к СВО. Это означает, что кризисная повестка с самого начала включается в структуру канала, но ещё не поглощает её полностью. Во втором периоде (2023 год) в дискурсивном поле усиливаются лексемы, связанные с последствиями обстрелов, разрушениями и работой оперативных служб, однако при этом сохраняются и блоки, связанные с аграрной политикой, детскими садами, сельским хозяйством и региональным развитием. Иными словами, дискурс А. В. Богомаза становится напряжённее, но не теряет своей управленческой многотемности. В третьем периоде (2024 год) фиксируется ухудшение стабильности поля: в центре внимания оказываются ПВО, силы обороны; сама структура дискурса становится менее связной и обнаруживает тенденцию к расколу. Это означает, что тематика чрезвычайной ситуации и безопасности начинает не просто усиливаться, а структурно перераспределять всё дискурсивное пространство канала. В 2025 году данная тенденция получает дальнейшее развитие. В канале

А. В. Богомаза постоянно воспроизводятся сообщения типа «ракетная опасность» и «беспилотная опасность», публикуются инструкции для населения, сведения об ударах по приграничью и последствиях военных атак, включая жертвы и повреждения. Одновременно сохраняется мощный пласт управленческо-экономического дискурса: сообщения о восстановлении дорог в приграничье за счёт федеральных средств, развитии сельского хозяйства, урожаях яблок, спортивной инфраструктуре и инвестиционных проектах. Поэтому к 2025 г. дискурс губернатора целесообразно описывать как двухконтурный: первый выстраивается как оперативно-оповестительный, жёстко связанный с риском и угрозой; второй – как административно-хозяйственный, поддерживающий образ нормализованного регионального управления. В отличие от канала В.В. Гладкова, где чрезвычайная повестка почти полностью захватывает центр поля, у А. В. Богомаза сохраняется более выраженное равновесие между безопасностью и рутинной управленческой повесткой.

В Брянской области сетевой дискурс сообщества «Подслушано Брянск» развивается по иной траектории. В 2022 году он сочетает несколько слоёв: статистическую подачу, сообщения о частичной мобилизации, правовые и уголовные инциденты, а также общие сведения, связанные с СВО. Тематическое пересечение с губернаторским дискурсом присутствует, но ограничено, прежде всего по линии СВО, губернаторской фигуры, бюджета и административных вопросов. В 2023 году дискурс сообщества сохраняет зависимость от цифровой статистики и оперативной краткосрочной информации; общих ключевых слов немного, а интеграция между повестками остаётся слабой. В 2024 году военно-политическая линия в региональной среде становится заметнее: в поле сообщества входят ПВО, оборона региона, работа оперативных служб, а также более явная фиксация краткосрочных инцидентов, связанных с приграничной угрозой. Тем не менее в 2025 году взаимодействие между официальным и сетевым дискурсами остаётся ограниченным: совпадение наблюдается по отдельным ключевым словам, однако содержательной интеграции не возникает. Следовательно, для Брянской области характерно постепенное усиление кризисной повестки в сетевом сообществе при сохранении статистически-фактологического режима подачи информации.

Воронежская область

Официальный дискурс губернатора Воронежской области А. В. Гусева в первом периоде (2022 год) отличается большей статистичностью и управленческой рационализированностью: в его поле доминируют лексемы, связанные с регионом, миллионами рублей, рабочими местами, финансовой грамотностью и мобилизацией. Уже на этом этапе заметно, что коммуникация строится не столько вокруг непосредственного переживания опасности, сколько вокруг описания региона через показатели, решения и масштабные управленческие параметры. Во втором периоде (2023 год) эта модель несколько меняется: усиливается тема СВО, военной службы, решений губернатора, встреч, участия, многодетных семей, социальных мер поддержки отдельных категорий населения, реабилитации участников СВО, однако статистический и отчётный стиль по-прежнему остаётся заметным. В третьем периоде (2024 год) происходит наиболее заметный поворот: в центре дискурсивного поля фигурируют ПВО, БПЛА, атаки, опасность, инструкции населению, указания по сохранению жизни при обстреле. Управленчески-отчётный стиль сохраняется, но кризисная повестка начинает выстраивать собственный центр тяжести. Публикации 2025 года подтверждают закрепление именно такой модели: канал регулярно транслирует предупреждения об опасности атаки БПЛА, сообщения о непосредственной угрозе по отдельным районам, призывов «Зайдите в помещение», «Отойдите от окон», «Следите за оповещениями», а также уведомления об отбое тревоги. Но одновременно губернатор продолжает сообщать о крупных инфраструктурных проектах, финансировании образования, дорожных развязках, выставках, кадровых программах и поддержке участников СВО и их семей. Это позволяет сделать вывод, что к 2025 году дискурс А. В. Гусева приобретает выраженную бимодальную структуру: с одной стороны, он становится каналом оперативного оповещения, с другой – остаётся пространством технократически организованного управления регионом. Если у В.В. Гладкова кризисность почти монополизирует дискурс, то у А. В. Гусева она встраивается в более широкий управленческий стиль, не вытесняя полностью язык развития, бюджета, строительства и институциональных решений.

В Воронежской области динамика сообщества «Типичный Воронеж | Новости Воронежа» выражена в четырех фазах. В 2022 году дискурсивное поле канала строится вокруг частичной мобилизации, экономического развития, статистических показателей и наиболее важных направлений жизнедеятельности региона. Умеренное тематическое пересечение с официальным дискурсом возникает в основном через мобилизационную тему, количественные показатели и региональный контекст, но не через собственно содержательное совпадение повесток. В 2023 году сетевой дискурс сообщества смещается в сторону цифровых отчетов, локальных адресов, оперативных новостей и региональных числовых маркеров; тематика СВО в медиасреде выражена слабее, чем годом ранее. В 2024 году происходит новый поворот: на передний план выходят опасность атак БПЛА и артиллерийских снарядов, упоминания времени суток, оперативные сообщения, фиксация ущерба и краткие цифровые оценки происходящего. В 2025 году тематическое пересечение с губернаторским дискурсом усиливается, однако различие формата сохраняется: губернатор делает акцент на рисках и инструкциях населению, а медиасообщество – на фактологической стороне происшествий. Таким образом, воронежский сетевой дискурс движется от мобилизационно-статистической и экономической рамки 2022 года к кризисно-оповестительному и оперативно-фактологическому режиму 2025 года.

Севастополь

Официальный дискурс губернатора города Севастополя М. В. Развожаева во все периоды демонстрирует особую, севастопольскую конфигурацию, в которой военная, историческая и управленческая повестки переплетены теснее, чем у других губернаторов. В 2022 году в центре поля находятся Севастополь, Россия, Великая Отечественная война, Черноморский флот, морская пехота, президент и СВО. Уже на этом этапе канал одновременно выполняет три функции: управленческую, военно-патриотическую и идентификационную. Во втором периоде (2023 год) усиливаются упоминания участников СВО, погибших военнослужащих, «громких звуков», на которые губернатор вынужден реагировать успокаивающими сообщениями, а также спортивных сюжетов. В третьем периоде (2024 год) фиксируем распад дискурсивного поля на два самостоятельных кластера: один связан с Россией,

исторической памятью, «Русской весной», СВО и работой служб; другой – с тренировками, стрельбой, флотом и призывами сохранять спокойствие. Это очень важный результат: у М. В. Развожаева кризисный дискурс не просто усиливается, а функционально дифференцируется на идеологически-символический и оперативно-объяснительный модули. В 2025 году эта дифференциация сохраняется и становится более зрелой: официальный канал продолжает регулярно объяснять «громкие звуки» через тренировки флота и учебные стрельбы, сообщает об отражении атак БПЛА над морской акваторией, подчёркивает спокойствие в городе и готовность служб; параллельно в канале присутствуют прямые эфиры по вопросам топлива, дорог и земельных участков для участников СВО и их семей, публикации о качестве жизни, биобезопасности и работе городских служб, а также мемориально-патриотические сообщения о погибших бойцах и участниках «Русской весны». Следовательно, к 2025 году дискурс М. В. Развожаева уже нельзя описывать просто как «расколотый»: точнее, говорить о его функциональной сегментации. Он состоит из относительно автономных, но устойчивых модулей: безопасности, патриотической памяти и городского управления. Это делает севастопольский кейс одним из самых сложных в исследуемой выборке.

Севастопольское сообщество «ЧП / Севастополь» демонстрирует более сложную и менее линейную траекторию. В 2022 году сетевой дискурс сочетает сообщения о СВО, элементы исторической памяти, правовую хронику и повседневные городские вопросы. Тематическое совпадение с официальной коммуникацией губернатора Михаила Развожаева характеризуется как умеренное: общими оказываются темы СВО, связи с федеральным центром и общий политический контекст, однако губернаторский дискурс сильнее ориентирован на военную повестку, тогда как сообщество сохраняет интерес к бытовым и правовым сюжетам. В 2023 году сообщество ещё отчетливее тяготеет к локальной фактологии: в дискурсивном поле фиксируются погода, уголовные дела, события в городах Крыма, статистические показатели и эпизодические упоминания губернатора. Тематическое пересечение с официальным дискурсом ограничено общей политической рамкой: СВО, Севастополем и Россией. В 2024 году, согласно доступному описанию, сетевой дискурс

сообщества сохраняет высокую долю локально-бытовых и справочно-фактологических маркеров, но дополняется темами громких звуков, стрельб, тренировок, а также более заметным присутствием военной тематики. При этом официальная губернаторская коммуникация уже делится на два функциональных слоя: один связан с военными действиями и федеральным центром, другой – с локальными бытовыми реакциями. Следовательно, дискурс сообщества «ЧП / Севастополь» в 2022–2025 годах развивается от смешанной военно-бытовой и правовой модели к усложнённой локально-кризисной модели, где военные информационные поводы присутствуют, но не становятся единственным смысловым ядром.

Краснодарский край

Официальный дискурс губернатора Краснодарского края В. И. Кондратьева в 2022 году демонстрирует наименее резкую секьюритизацию среди всех рассматриваемых губернаторов. В центре его поля находятся Кубань, города и населенные пункты края, значимые события, меры поддержки отдельных категорий населения, образование, национальные проекты, социальные объекты, поздравления и обращение к жителям; тема СВО присутствует, но не организует всё поле целиком. Во втором периоде (2023 год) эта конфигурация в целом сохраняется: отмечены продовольственная безопасность, статистические показатели, поздравительные и ритуальные элементы, историко-патриотическая тематика, но кризисный фактор по-прежнему остаётся лишь одним из слоёв дискурса. В третьем периоде (2024 год) в поле активно входит фигура Президента РФ, социальная инфраструктура, стратегическое планирование, числовые показатели и пожелания гражданам. Иными словами, у В. И. Кондратьева кризисный контекст влияет на дискурс, но не разрушает его гражданско-управленческую основу. Период 2025 года подтверждает именно такую траекторию: в канале появляются сообщения о БПЛА и повреждениях частных домов, работе специальных служб и необходимости быстро помогать жителям восстанавливать имущество; одновременно большое место занимают лесные пожары, работа оперативного штаба, Росгвардия, общественный порядок, деятельность Центра управления регионом, инфраструктурные и коммунальные проекты, а также проекты поддержки участников СВО, в том числе в формате

персонализированных историй. Это позволяет говорить, что к 2025 году дискурс В. И. Кондратьева становится более чувствительным к тематике безопасности, но сохраняет самую широкую тематическую диверсификацию в выборке. В отличие от Белгородской и в значительной степени Брянской областей, здесь чрезвычайная повестка не поглощает канал, а встраивается в уже сложившийся управленческий дискурс развития, благоустройства и социального администрирования.

Для Краснодарского края сообщество «Типичный Краснодар» сохраняет наиболее устойчивую городо-центричную и повседневно-событийную структуру. В 2022 году в центре дискурсивного поля находятся Краснодар, городские локации, публикации фото- и видеоматериалов, временные маркеры и повседневные события. Губернатор делает акцент на социальных проектах, СВО, исторической памяти и количественных отчётах, тогда как медиасообщество сосредоточено на городской фактологии, адресах и эпизодических упоминаниях власти. В 2023 году данная модель сохраняется: сообщество фиксирует городские события, время суток, локации и действия мэра, а тематическое пересечение с губернаторской риторикой остаётся ограниченным. В 2024 году в сетевом дискурсе усиливается правовая и оперативная составляющая: появляются сообщения о погоде, уголовных делах, МЧС, МВД, мэрии и краткосрочных происшествиях, однако даже в условиях внешних угроз сообщество не переходит к полной секьюритизации. По совокупности признаков краснодарский сетевой дискурс в 2025 году можно описать как устойчиво урбанистический, муниципально-ориентированный и преимущественно фактологический; кризисные и политические темы входят в него, но не вытесняют городскую повседневность.

Республика Крым

Официальный дискурс губернатора Республики Крым С. В. Аксёнова с самого начала строится по иной модели, нежели у большинства губернаторов приграничных областей. В 2022 году в центре его поля находятся Республика Крым, Россия, энергетика, решения Совета министров, военная тематика, поддержка СВО, числовые показатели, а также специфические для крымского кейса хэштеги и обозначения политического противника. Уже на этом этапе дискурс сочетает

административную, идеологическую и мобилизационную функции. Во втором периоде (2023 год) поле становится более обширным и менее сплочённым: в фокус внимания попадают совещания, проблемные вопросы, «Крымэнерго», бойцы, победа, служение Отчизне, планы на будущее. Это означает, что канал одновременно удерживает управленческую повестку и символическо-политическую рамку. В третьем периоде (2024 год) в центре оказываются Президент РФ, «Крымская весна», воссоединение, знаменательные даты и годовщины, СВО и статистические показатели; сплочённость дискурсивного поля вновь возрастает. Здесь особенно заметно, что идеологическая интеграция дискурса начинает работать как фактор его структурной консолидации. Публикации 2025 года подтверждают и углубляют эту специфику. Канал С. В. Аксёнова сочетает сообщения о героях СВО и воинском служении, работе ПВО, призывах сохранять спокойствие, «Крымской весне», экономическом росте, туризме, энергетике, образовании, жилищных программах, электросетевом хозяйстве и дисциплине региональных министерств. Важную роль играют и регулярные сводки формата «главное за неделю», которые дополнительно упорядочивают повестку. Поэтому к 2025 году дискурс С. В. Аксёнова можно описать как трёхслойный, но внутренне собранный: его ядро образуют государственно-идентификационный, военно-патриотический и административно-хозяйственный контуры. В результате он выглядит менее фрагментированным, чем, например, у М. В. Развожаева или А. В. Богомаза, и более идеологически интегрированным, чем у В. И. Кондратьева и А. В. Гусева.

В Республике Крым динамика сообщества «ЧП / Крым» строится вокруг соединения военной повестки, локальных происшествий, уголовной хроники и реакции на повседневно переживаемые угрозы. В 2022 году дискурсивное поле канала включало события вокруг СВО, региональную повестку, упоминания губернатора и других властных фигур, однако доминировала фактологическая подача материала и местные происшествия. В 2023 году указанная конфигурация усложняется: сообщество освещает как события, связанные с СВО, так и повседневные происшествия, уголовные дела и фактологическую информацию. В 2024 году акценты ещё сильнее смещаются к оперативно-фактологическому и тревожно-бытовому слою:

в дискурсивное поле входят вопросы громких звуков, военных тренировок, стрельбы, уголовной ответственности, сообщений от пользователей и статистических показателей. При этом официальный дискурс губернатора сосредоточен на СВО, связи с Президентом РФ, юбилее Крыма, стабильности и исторической повестке. Таким образом, крымский сетевой дискурс от 2022 к 2025 году сохраняет параллельную по отношению к власти структуру: политико-военные темы в нём присутствуют, однако не превращают сообщество в продолжение официальной повестки; центральное место удерживают местные инциденты, жалобы, криминальная хроника и реакция на тревожные сигналы повседневности.

Проведённое исследование позволяет заключить, что в условиях цифровизации публичной власти официальный дискурс губернаторов и сетевой дискурс региональных сообществ образуют два различных, но соприкасающихся режима политической коммуникации. Официальный дискурс губернаторов в Телеграм в исследуемый период претерпевает устойчивую секьюритизацию и постепенно превращается в институционализированную форму антикризисной цифровой коммуникации. Во всех шести регионах усиливаются темы опасности, военных атак, работы оперативных служб, защиты населения и взаимодействия с федеральным центром, однако характер данной трансформации не является единообразным. У В. В. Гладкова кризисная повестка к 2025 году концентрируется вокруг аварийно-оповестительного ядра, у А. В. Богомаза и А. В. Гусева складываются двухконтурные модели, где безопасность сосуществует с хозяйственно-управленческой тематикой, у М. В. Развожаева формируется функциональная сегментация между безопасностью, патриотической памятью и городским управлением, у В. И. Кондратьева сохраняется наиболее диверсифицированный гражданско-управленческий дискурс, а у С. В. Аксёнова укрепляется идеологически интегрированная модель, соединяющая государственно-идентификационный, военно-патриотический и административно-хозяйственный контуры.

Сетевой дискурс региональных сообществ демонстрирует иную траекторию: его ядро в большинстве случаев сохраняет фактографический, локально-событийный и реактивный характер, даже при заметном усилении тем безопасности и

последствий внешних угроз. Наиболее выраженное тематическое сближение с официальной губернаторской коммуникацией выявлено в Белгородской области, где к 2024 году дискурсивные поля канала «Жесть Белгород» и губернаторского канала практически совпадают по кризисно-оповестительной повестке. В Брянской и Воронежской областях пересечение усиливается по мере роста приграничной опасности, однако содержательная интеграция остаётся частичной. В Севастополе, Краснодарском крае и Республике Крым сетевые сообщества в большей степени удерживают локально-бытовую, правовую и событийную логику, что ограничивает степень их совпадения с официальным дискурсом губернаторов.

Следовательно, точки пересечения между двумя дискурсивными режимами формируются прежде всего вокруг тем внешних угроз, последствий военных атак, работы экстренных служб, географической конкретизации происшествий и публичной безопасности. Линии расхождения проходят по иным основаниям: официальный дискурс губернаторов ориентирован на легитимацию власти, символическое лидерство, управленческое объяснение решений и поддержание ощущения контролируемости ситуации; сетевой дискурс региональных сообществ тяготеет к оперативной фиксации происшествий, локальной конкретике, криминально-правовой хронике, бытовой тревожности и краткосрочной медиареакции. В результате институциональная и медиапубличная коммуникации развиваются в основном параллельно, совпадая по отдельным тематическим узлам, но не образуя единого информационного пространства.

Содержательный итог параграфа заключается в том, что влияние сетевого дискурса на политические решения губернаторов носит преимущественно опосредованный характер. Прямое совпадение тематических полей наблюдается лишь в отдельных регионах и в периоды максимальной кризисной напряжённости. В более широком плане сетевой дискурс выполняет функцию латентной экспертизы, раннего информационного повода и внешнего контура наблюдения за региональной политикой, тогда как официальный дискурс губернаторов задаёт институциональную рамку интерпретации, легитимирует управленческие действия и превращает кризисную коммуникацию в нормализованный режим цифрового управления. Подобное соотношение позволяет рассматривать взаимодействие официального и

сетевого дискурсов как асимметричную, но политически значимую конфигурацию, влияющую на восприятие проблем, на темп реагирования и на условия публичной легитимации политических решений.

Во второй главе диссертации сетевой дискурс был рассмотрен в пространстве региональной публичной политики современной России, где его значение проявляется через конкретные политико-управленческие процессы, официальную коммуникацию губернаторов и медиапубличную активность региональных сообществ. Переход к эмпирическому материалу позволил уточнить выводы первой главы и показать, каким образом сетевой дискурс включается в процессы принятия политических решений не абстрактно, а в конкретных институциональных, коммуникационных и кризисных условиях. Кроме того, было установлено, что сетевой дискурс воздействует на политико-управленческий процесс через повестку, интерпретацию события, репутационную чувствительность власти, цифровой контроль и расширение публичной оценки уже принятых решений.

На материале региональных кейсов продемонстрировано, что сетевой дискурс включается в жизненный цикл политического решения на всех его стадиях, однако формы данного включения по мере развития политико-управленческого цикла меняются. На ранних этапах доминируют сигнальная и интерпретационная функции: цифровая среда фиксирует проблему, повышает её видимость, задаёт рамку публичного прочтения и переводит локальный эпизод в статус общественно значимой темы. В средней части цикла усиливаются мобилизационная и репутационная функции, поскольку под воздействием цифрового резонанса сужается пространство инерции и возрастает политическая цена бездействия. На стадиях реализации, оценки и возможного перезапуска решения сетевой дискурс выполняет преимущественно контрольную, координационную и оценочную функции. Через него поддерживается общественное наблюдение за действиями власти, фиксируются сбои реализации, накапливаются основания для корректировки курса и формируется повторная проблематизация ситуации.

Результаты сравнительного анализа официального дискурса губернаторов и дискурса региональных сообществ показали, что в региональной цифровой

публичности сосуществуют два различных, но постоянно соотносимых режима политической коммуникации. Официальный дискурс губернаторов ориентирован на легитимацию власти, поддержание управляемости ситуации, публичное объяснение решений и институциональное сопровождение кризисной повестки. Сетевой дискурс региональных сообществ сохраняет преимущественно фактографический, локально-событийный, реактивный и медиопосредованный характер. Тематические пересечения между ними возникают прежде всего в точках кризисной плотности вокруг внешних угроз, последствий разрушений, работы оперативных служб, пострадавших граждан, принятых чрезвычайных мер. Вместе с тем содержательная интеграция между данными дискурсивными режимами остаётся ограниченной: их развитие в большинстве случаев происходит параллельно, а устойчивое совпадение смысловых структур не формируется. Данный результат имеет принципиальное значение для всей работы, поскольку демонстрирует, что влияние сетевого дискурса на принятие политических решений не предполагает слияния официальной и медиапубличной коммуникации, а осуществляется через их напряжённое и асимметричное сосуществование.

Влияние сетевого дискурса на процессы принятия политических решений в региональной публичной политике современной России носит опосредованный, многоуровневый и процессуальный характер. Институциональное ядро решения сохраняется за субъектами публичной власти, однако цифровая среда изменяет условия проблематизации, темп реагирования, рамки публичного объяснения и параметры последующей оценки управленческих действий. Тем самым сетевой дискурс выступает не как замещение институционального выбора, а как фактор изменения политико-коммуникационной среды, в пределах которой решение формируется, реализуется и воспринимается. Одновременно были выявлены ограничения данного влияния: платформенная асимметрия, информационный шум, фрагментация цифровой публичности, различие между институциональной значимостью темы и её цифровой видимостью. Это позволяет рассматривать сетевой дискурс как двойственный фактор: он расширяет пространство обратной связи и

общественного контроля, но вместе с тем усиливает риски реактивного управления и коммуникативной несогласованности.

Следовательно, в сетевом обществе политическое решение должно анализироваться не только как результат институционального выбора, но и как процесс, который разворачивается в пространстве постоянного взаимодействия публичной власти, цифровых медиа, сетевых сообществ и других акторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое диссертационное исследование было направлено на то, чтобы выявить и обосновать особенности влияния сетевого дискурса на всех этапах принятия политических решений субъектами публичной власти в региональной политике современной России. Поставленная цель была достигнута посредством последовательного решения шести взаимосвязанных задач, объединённых общей логикой перехода от теоретико-методологического уровня к эмпирическому анализу региональной публичной политики.

В первой главе была сформирована теоретико-методологическая основа исследования процессов принятия политических решений в сетевом обществе. Политическое решение было раскрыто как публично значимый, процессуальный, многоуровневый и информационно насыщенный феномен; разработанная в ходе исследования модель жизненного цикла политического решения включает семь стадий: инициацию информационного повода, превращение его в проблему и включение в политическую повестку дня, формирование альтернатив, согласование и принятие решения, реализацию, оценку и корректировку, прекращение действия, замещение либо повторный запуск решения. На каждой из этих стадий определено место сетевого дискурса как одного из факторов принятия политических решений. В результате первая глава показала, что в сетевом обществе принятие политических решений разворачивается в многоуровневой институционально-коммуникационной среде, где сетевой дискурс воздействует на проблематизацию, повестку, темп реагирования, публичную интерпретацию и оценку управленческих действий.

Была исследована институциональная архитектура публичной власти и уточнён субъектный состав политико-управленческого процесса; установлено, что политические решения в современной региональной политике формируются в многослойной институционально-коммуникационной конфигурации, включающей федеральный центр, губернатора, региональную исполнительную власть, муниципальные структуры, политические партии, группы интересов, экспертные сообщества, средства массовой информации, цифровые медиа, граждан, активистов и

сетевые сообщества. Тем самым было показано, что в сетевом обществе институциональное ядро решения сохраняется, однако условия его функционирования существенно меняются под воздействием цифровой среды.

Сетевой дискурс был раскрыт как значимый компонент пространства публичного управления; показано, что в условиях цифровизации, сетевизации и медиатизации публичное управление развивается в среде ускоренной коммуникации, где общественно значимые информационные поводы приобретают политико-управленческую значимость через цифровую фиксацию, платформенное распространение, публичную интерпретацию и медиарезонанс. В результате было обосновано, что сетевой дискурс должен рассматриваться не как внешний фон политико-управленческого процесса, а как одна из сред формирования повестки, управленческого внимания и публичной легитимации решений.

Во второй главе теоретическая модель была переведена в эмпирическую плоскость. Анализ был сосредоточен на том, как сетевой дискурс проявляется в региональной публичной политике современной России и каким образом он соотносится с принятием политических решений.

Российский регион представляет собой неоднородную институционально-коммуникационную среду принятия политических решений. При единстве федеративного, нормативно-правового и политико-административного контура субъекты Российской Федерации различаются по ресурсной обеспеченности, степени бюджетной самостоятельности, конфигурации властных отношений, характеру взаимодействия регионального и муниципального уровней, социокультурным и демографическим характеристикам, а также по уровню цифровой и медиаплатформенной насыщенности. Поэтому формальное сходство полномочий региональных органов власти не означает тождества условий, в которых осуществляются подготовка, согласование, публичное сопровождение, реализация и корректировка политических решений.

Политическое решение формируется в многоуровневой организационной системе. Федеральный центр задаёт нормативные, ресурсные и координационные рамки; губернатор выступает ключевым политико-символическим и координационным субъектом; региональные органы исполнительной власти обеспечивают

подготовку, согласование и реализацию решения; муниципальный уровень выполняет функции первичного выявления локальных проблем и практического исполнения принятых мер; территориальные органы федеральных ведомств обеспечивают межуровневое взаимодействие в сферах, выходящих за пределы исключительной компетенции субъекта Федерации. При этом формальная архитектура управления дополняется неформальными коалициями, межорганизационными связями и локальными центрами влияния. В кризисных и высокорезонансных ситуациях данная конфигурация трансформируется в режим ситуационного управления, для которого характерны концентрация ответственности, ускорение согласовательных процедур и повышение значимости оперативной информации, медиарезонанса и цифровой обратной связи.

Типологизация российских регионов показывает, что соотношение указанных факторов изменяется в зависимости от социально-экономического и институционального типа субъекта Российской Федерации. В лидирующих и агломерационных регионах сетевой дискурс включён в более плотную и конкурентную медиасреду; в сырьевых регионах его воздействие сильнее опосредуется экономикоресурсными параметрами; в отстающих регионах существенными ограничителями выступают трансфертная зависимость, социальная нагрузка и недостаточная инфраструктурная насыщенность; в средних регионах влияние сетевого дискурса определяется смешанным сочетанием структурных, институциональных, демографических и цифровых условий. Следовательно, одна и та же по содержанию проблема может проходить в разных регионах через неодинаковые траектории публичной проблематизации и институционального реагирования.

Особое значение для вариативности влияния сетевого дискурса имеют цифровое неравенство, развитость региональных сетевых сообществ и ситуационные всплески общественного внимания. При высокой цифровой включённости населения, устойчивости локальных платформ и плотности медиакommunikаций сетевой дискурс способен быстрее переводить частный информационный повод в региональную повестку, повышать репутационную цену бездействия, воздействовать на темп официального реагирования и обеспечивать общественный мониторинг

реализации решения. В условиях фрагментированной цифровой среды, низкой медиаплотности или выраженного цифрового неравенства аналогичный информационный повод может оставаться локальным и не приобретать политико-управленческой значимости. В кризисном контексте влияние сетевого дискурса может временно усиливаться, поскольку резко возрастают интенсивность коммуникации, публичная видимость проблемы и запрос на оперативное действие власти.

На материале региональных кейсов было установлено, что сетевой дискурс включается в жизненный цикл политического решения на всех его стадиях, однако формы этого включения существенно различаются. На ранних этапах доминируют сигнальная и интерпретационная функции: цифровая среда фиксирует проблему, повышает её видимость, задаёт рамку публичного прочтения и переводит локальный эпизод в статус общественно значимой темы. В средней части цикла усиливаются мобилизационная и репутационная функции, поскольку под воздействием цифрового резонанса возрастает политическая цена бездействия и сужается пространство допустимых альтернатив. На стадиях реализации, оценки и возможного перезапуска решения сетевой дискурс выполняет преимущественно контрольную, координационную и оценочную функции. Анализ кейс-стади тем самым подтвердил, что влияние сетевого дискурса на политические решения субъектов публичной власти носит стадийно организованный характер и не сводится к единичному эпизоду цифрового давления. Данный вывод, как отмечено в тексте диссертации, согласуется с процессуальной трактовкой политического решения, представленной в первой главе. Сопоставление кейсов позволило заключить, что влияние сетевого дискурса на политическое решение не носит характера прямой и универсальной причинности: институциональное ядро выбора сохраняется за субъектами публичной власти, однако условия его функционирования в цифровой среде существенно трансформируются. Сетевой дискурс воздействует на темп реакции, структуру публичного внимания, символическую рамку проблемы, репутационную цену бездействия и последующую оценку принятых мер.

В результате сравнительного анализа официального дискурса губернаторов и сетевого дискурса региональных сообществ установлено, что в региональной

цифровой публичности сосуществуют два различных, но постоянно соотносимых режима политической коммуникации. Официальный дискурс губернаторов ориентирован на легитимацию власти, поддержание управляемости ситуации, публичное объяснение решений и сопровождение кризисной повестки. Сетевой дискурс региональных сообществ сохраняет преимущественно фактографический, локально-событийный, реактивный и медиопосредованный характер. Тематические пересечения между двумя режимами возникают в точках кризисной плотности вокруг угроз, разрушений, работы оперативных служб, пострадавших и чрезвычайных мер. Вместе с тем содержательная интеграция между ними остаётся ограниченной. Официальная и медиапубличная коммуникации в большинстве случаев развиваются параллельно. Тем самым было доказано, что влияние сетевого дискурса на политические решения не предполагает слияния официальной и сетевой коммуникации, а осуществляется через их асимметричное сосуществование и постоянную взаимную соотнесённость.

Показано, что влияние сетевого дискурса на процессы принятия политических решений в региональной публичной политике современной России носит опосредованный, многоуровневый и процессуальный характер. Институциональное ядро решения сохраняется за субъектами публичной власти, тогда как цифровая среда изменяет условия проблематизации, темп реагирования, рамки публичного объяснения, структуру внимания и параметры последующей оценки управленческих действий. Сетевой дискурс выступает, с одной стороны, ресурсом ранней диагностики, общественного контроля и публичной обратной связи, а с другой – средой фрагментации, платформенной асимметрии, шумового давления и селективного перераспределения внимания. В таком ракурсе он должен рассматриваться не как замещение институционального выбора цифровым резонансом, а как фактор изменения политико-коммуникационной среды, внутри которой решение формируется, реализуется и воспринимается.

Таким образом, поставленные во введении задачи были решены последовательно и в полном объёме. Раскрыто содержание сетевого дискурса в пространстве публичного управления и определено его теоретико-методологическое значение для анализа политических решений в цифровую эпоху. Охарактеризованы

институты публичной власти и субъекты принятия политических решений, вовлечённые в политико-управленческий процесс в условиях сетевого общества. Определены сущность, уровни и факторы принятия политических решений в сетевом обществе, а также уточнено место сетевого дискурса в жизненном цикле политического решения. Эмпирически обосновано, каким образом сетевой дискурс включается в жизненный цикл политических решений субъектов публичной власти на материале региональных кейсов. Проведён сравнительный анализ официального дискурса губернаторов и сетевого дискурса региональных сообществ, выявлены точки их пересечения и линии расхождения. Наконец, обобщены результаты исследования влияния сетевого дискурса на процессы принятия политических решений, выявлены ограничения данного влияния и определены перспективы дальнейшего изучения данной проблематики. Цель исследования, таким образом, достигнута.

Полученные результаты позволяют сделать общий вывод: в региональной публичной политике современной России сетевой дискурс следует понимать как значимый фактор процессов принятия политических решений. Его влияние проявляется через включение цифрового информационного сигнала в повестку, изменение режима публичной интерпретации проблемы, усиление репутационной нагрузки на власть, сопровождение реализации решений и последующую цифровую оценку результата. Данное влияние не разрушает институциональное ядро публичной власти, однако перестраивает условия её функционирования в цифровой среде. Вследствие этого политическое решение в сетевом обществе должно анализироваться не только как результат институционального выбора, но и как процесс, который разворачивается в пространстве постоянного взаимодействия публичной власти, цифровых медиа, сетевых сообществ и общественного внимания.

Научная значимость исследования определяется тем, что в работе развиты политологические представления о сетевом дискурсе как о факторе, влияющем на процессы принятия политических решений в региональной публичной политике современной России. Практическая значимость связана с возможностью использования разработанной модели при анализе цифровой коммуникации органов публичной власти, при исследовании сетевого дискурса региональных сообществ, а также

при оценке влияния цифровых информационных поводов на процессы принятия политических решений. Материалы диссертации могут быть востребованы в научно-исследовательской, экспертной и преподавательской деятельности, а также в практике регионального публичного управления при совершенствовании механизмов цифровой обратной связи и публичного сопровождения политических решений.

В качестве перспектив дальнейшего исследования могут быть обозначены следующие аспекты: расширение сравнительного горизонта за счёт иных типов регионов и иных цифровых площадок, усложнение методического инструментария, синхронизация корпусов официальной и сетевой коммуникации на более длинных временных интервалах, а также дальнейшее изучение того, как цифровые информационные поводы институционализируются в практиках регионального публичного управления. В таком направлении продолжение исследования представляется продуктивным как для политической науки, так и для практики публичной политики в условиях продолжающейся цифровизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Администрация Читы объявила аукцион по уборке всех незаконных свалок // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/09/16/71120186/> (дата обращения: 23.05.2026).
2. Арестова, О. Н. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О. Н. Арестова, Л. Н. Бабанин, А. Е. Войскунский // Вестник Московск. Ун-та. – 1996. – № 4. – С. 14–20. (Серия 14. «Психология»).
3. Архангельские власти расторгли соглашение с «Технопарком» по Шиесу // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/712497> (дата обращения: 25.05.2026)
4. Баринаова В. А., Дробышевский С. М., Еремкин В. А., Земцов С. П., Сорокина А. В. Типология регионов России для целей региональной политики // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 23. – С. 4199–4204.
5. Ахременко, А. С. Размежевание или сплочение? (Динамика сетевой структуры политических телеграм-каналов: моделирование и эмпирический анализ) / А. С. Ахременко, А. В. Сеницина, В. А. Соловьев // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2024. – № 3(114). – С. 59–81.
6. Барабашев, А. Г. О различии аналитики публичного управления и публичного управления как научного направления / А. Г. Барабашев, В. В. Уткина // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 47. – С. 19–38.
7. Баранов, А. В. Становление муниципальных политических исследований в России: основные научные направления / А. В. Баранов // Теория и практика общественного развития. – 2013. – С. 417–420.
8. Баринаова, В. А. Типология регионов России для целей региональной политики / В. А. Баринаова, С. М. Дробышевский, В. А. Еремкин, С. П. Земцов, А. В. Сорокина // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 23. – С. 4199–4204.
9. Барский Я. В. Политическая институционализация интернет-активизма в современной России: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Барский Яков Васильевич. – Краснодар, 2024. – 253 с.

10. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ., под ред. Ю. В. Асо-чакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
11. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогно-зирования / Д. Белл ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 2004. – 783 с.
12. Берт, Р. С. Сетевая структура социального капитала / Р. С. Берт. – М. : Мысль, 2000. – 200 с.
13. Бреслер, М. Г. Сетевой дискурс западной и восточной философии / М. Г. Бреслер // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2023. – № 4 (8). – С. 264–274.
14. Бронников, И. А. Гражданский активизм в сетевых сообществах / И. А. Брон-ников // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 7–18.
15. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё ; пер. с фр. Е. Д. Вознесенская [и др.] ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
16. Бушев, А. Б. Исследование сетевых дискурсов / А. Б. Бушев // Восточнославян-ская филология. Языкознание. – 2023. – № 16(42). – С. 3–13.
17. Бушев, А. Б. Цели сетевого дискурса как основание его классификации / А. Б. Бушев // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2022. – № 2(50). – С. 86–102.
18. В Краснодаре намерены принять единый стратегический градостроительный документ в 2024 году // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21829737> (дата об-ращения: 25.05.2026).
19. В Краснодаре опубликовали заключение о результатах общественных обсужде-ний нового генплана // Юг Times. URL: <https://yugtimes.com/news/101871/> (дата обращения: 25.05.2026).
20. В Краснодаре приняли Единый документ территориального планирования // Ведомости Юг. URL: <https://south.vedomosti.ru/south/news/2024/11/27/1077575-krasnodare-dokument-planirovaniya> (дата обращения: 25.05.2026).

21. В Краснодаре прошёл митинг против нового Генплана // Кубань Сегодня. URL: <https://kubantoday.ru/v-krasnodare-proshel-miting-protiv-novogo-genplana/> (дата обращения: 25.05.2026).
22. В Красноярском крае возбуждено уголовное дело о халатности должностных лиц министерства лесного хозяйства региона // Следственный комитет Российской Федерации [сайт]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1379506/?print=1> (дата обращения: 26.05.2026).
23. В Москве прошёл митинг против мусорного полигона в Шиесе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/667803> (дата обращения: 25.05.2026).
24. В Норильске задержали трех топ-менеджеров ТЭЦ-3 по делу о разливе дизтоплива // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/712615> (дата обращения: 23.05.2026).
25. В России выросло число лесных пожаров // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/05/2022/628e51b99a79475f486987d6> (дата обращения: 23.05.2026).
26. В Сети появились снимки загрязненной акватории Черноморского побережья // РЕН-ТВ URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1291964-v-seti-poiavilis-snimki-zagriaznennoi-akvatorii-chernomorskogo-poberezhia> (дата обращения: 26.05.2026).
27. В Хабаровском крае и Якутии ввели режим ЧС из-за лесных пожаров // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/07/2022/62d6d4ec9a7947122403fc7f> (дата обращения: 23.05.2026).
28. Введен режим ЧС федерального уровня из-за разлива мазута в Керченском проливе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1000818> (дата обращения: 23.05.2026).
29. Великая, Н. М. Легитимность местной власти: значение цифровой коммуникации / Н. М. Великая, О. В. Гребняк, А. Ю. Станевич // Власть. – 2025. – Т. 33. – № 1. – С. 205–216. – DOI: 10.24412/2071-5358-2025-1-205-216.

30. Венцель, С. В. Политический экстремизм в эпоху новых медиа: специфика, формы и технологии противодействия: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Венцель Сергей Владимирович. – М., 2024. – 221 с.
31. Венцова, М. Путин поручил Минобороны подключиться к тушению лесных пожаров / М. Венцова // Комсомольская правда. – 2019. – 31 июля.
32. Видео Варламова про мусорную столицу стало триггером для очистки Читы от мусора // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/ecology/2021/04/02/71186867/> (дата обращения: 23.05.2026).
33. Власти нашли 70 млн р. на ликвидацию свалок в Чите // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/10/27/71125316/> (дата обращения: 23.05.2026).
34. Власти Читы закупят около 500 дополнительных контейнеров для борьбы со свалками // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/07/07/71111276/> (дата обращения: 23.05.2026).
35. Власти Читы поставят контейнеры на месте несанкционированных свалок // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/03/20/71098223/> (дата обращения: 23.05.2026).
36. Волковский, Д. В. Делиберативный подход к анализу качества цифровых коммуникаций власти и граждан: методологический аспект / Д. В. Волковский // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 90–116.
37. Волочаева, О. Ф. Основные акторы политических процессов в современном мире / О. Ф. Волочаева // Глобус: гуманитарные науки. – 2019. – С. 10–13.
38. Волынкина Л. А. Роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений / Л. А. Волынкина // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2010. – № 4 (10). – С. 88–91.
39. Второе уголовное дело возбуждено после разлива топлива на ТЭЦ в Норильске // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/711645> (дата обращения: 23.05.2026).

40. «Вы что, издеваетесь?» Почему краснодарцы протестуют против нового генплана: главные претензии к содержанию и обсуждению проекта // Юга.ру. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/10145.html> (дата обращения: 25.05.2026).
41. Гандалоева, М.Т. Социальные медиа в российском электоральном процессе: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Гандалоева Мадина Тархановна. – Краснодар, 2024. – 237 с.
42. Генплан Краснодара вынесли на общественные обсуждения // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7247021> (дата обращения: 25.05.2026).
43. Гидденс, Э. Последствия модерна: Текст / Э. Гидденс ; реф. Н. Л. Поляковой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник / под ред. Ю. А. Кимелева. – М. : ИНИОН РАН, 1995. – С. 81–94. (Серия «Социология»).
44. Глава МЧС РФ выступил за признание разлива дизтоплива в Норильске федеральной ЧС // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/711639> (дата обращения: 23.05.2026).
45. Глухова, А. В. Политикоконфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты / А. В. Глухова, А. И. Кольба, А. В. Соколов // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 185–209. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.08> (дата обращения: 27.05.2026).
46. Глухова, А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) / А. В. Глухова, А. И. Кольба, А. В. Соколов // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – № 19(2). – С. 239–252. – DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252.
47. Глущенко, А. Н. Интернет-дискурс, его статус во Всемирной паутине и влияние на повседневную жизнь / А. Н. Глущенко // Молодой учёный. – 2015. – № 8(88). – С. 9–13.
48. Гнедаш, А. А. Социальные сети как агенты институциональных изменений в публичной политике регионов: межрегиональные исследования / А. А. Гнедаш, И. В. Мирошниченко // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 9. – С. 54–62.

49. Голубева, Н. А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе / Н. А. Голубева // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2020. – № 1. – С. 130-150.
50. Гордума приняла Единый документ территориального планирования Краснодар // РБК Краснодар. URL: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/6746d1749a79471fc0a014dd> (дата обращения: 25.05.2026).
51. Грановеттер, М. Сила слабых связей: Сетевая теория Revisited. / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – № 4. – С. 31–50.
52. Громов, И. А. Формальная социология Г. Зиммеля / И. А. Громов, А. Ю. Мацкевич, В. А. Семёнов // Западная теоретическая социология. – М. : Ольга, 1996. – 286 с.
53. Гурулёв похвалил «Олерон» за уборку мусора в районах // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/politics/2020/08/16/71160302/> (дата обращения: 23.05.2026).
54. Дегтярев, А. А. Принятие решений в публичной политике и государственном управлении: роли и параметры / А. А. Дегтярев // Управление государством: Проблемы и тенденции развития. Политическая наука: Ежегодник 2007. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 272–300.
55. Дегтярев, А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы / А. А. Дегтярев // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 158–168.
56. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк; пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аmatoва. – М. : Либроком, 2013. – 344 с.
57. Дементьева, К. В. Телеграм-канал Главы Республики Мордовия «Здунов здесь» как инструмент медиа / К. В. Дементьева, А. В. Казин // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2024. – Т. 3. – № 4(12).– С. 342–349. – DOI: 10.21603/2782-4799-2024-3-4-342-349.

58. Договор аренды участка под китайский завод на Байкале признан недействительным // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/671189> (дата обращения: 25.06.2026).
59. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 575 с.
60. Евгений Зиничев доложил Владимиру Путину о мерах по ликвидации разлива дизельного топлива в Красноярском крае // МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4174039> (дата обращения: 23.05.2026).
61. Журавлева, Е. Ю. К определению сети интернет / Е. Ю. Журавлева // Технологии информационного общества - интернет и современное общество: труды VII Всероссийской объединенной конференции. – СПб. : Изд-во филологич. ф-та СПбГУ, 2004. – С. 8–10.
62. Журавлева, Е. Ю. Современная социология в сетевой цифровой среде: от вычислительных и электронных социальных наук к цифровым социальным исследованиям / Е. Ю. Журавлева // Социс. – 2015. – №8. – С. 25–34.
63. Зайцев, А. В. Делиберативная демократия: философские основания и политическая практика / А. В. Зайцев // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. – 2015. – № 2.
64. Зеленовская, А. В. Своеобразие Интернет-дискурса (на материале социальной сети Facebook) (Признано экстремистской организацией) / А. В. Зеленовская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10(40). – С. 61–65.
65. Земцов, С. П. Распространение Интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии / С. П. Земцов, К. В. Демидова, Д. Ю. Кичаев // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – № 4. – С. 57–78.
66. Золотарёва, Е. В. Концептуальные основы делиберативной демократии / Е. В. Золотарёва // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2013. – № 1. – С. 84–94.

67. Зубаревич, Н. В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Н. В. Зубаревич ; Независимый институт социальной политики. – М. : Поматур, 2005. – 278 с.
68. Инвестор начал рекультивацию полигона в Шиесе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/705080> (дата обращения: 25.06.2026).
69. Исхакова, А. М. Коммуникация пользователей в Телеграм-каналах / А. М. Исхакова, В. Е. Беленко // Динамика медиасистем. – 2025. – Т. 5. – № 1. – С. 279–285.
70. Кабмин выделил 1,5 млрд рублей на ликвидацию последствий ЧС с танкерами // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/01/26/1088349-likvidatsiyu-posledstvii-chs> (дата обращения: 23.05.2026).
71. Кабмин выделил около 6 млрд рублей на тушение пожаров в Сибири и на Дальнем Востоке // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/6757911> (дата обращения: 23.05.2026);
72. Капитонова, Т. А. Сетевой дискурс в философии: история и современность / Т. А. Капитонова // Философия и социальные науки. – 2012. – № 1/2. – С. 9–13.
73. Карасик, В. И. Репортативы в сетевом дискурсе / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6(72). – С. 20–27.
74. Карасик, В. И. Жанры сетевого дискурса / В. И. Карасик // Жанры речи. – 2019. – № 1(21). – С. 49–55.
75. Кассационный суд признал законным решение о сносе построек на Шиесе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/749912> (дата обращения: 25.06.2026).
76. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
77. Кастельс, М. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование / М. Кастельс // Мир России. – 2000. – № 1. – С. 25–35.
78. «Когда рассвело — пришла беда»: репортаж телеканала РБК с уборки мазута // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/01/2025/678ad4ad9a79470a9f351fb8> (дата обращения: 23.05.2026).

79. Климова А. М., Куликов С. П., Чмель К. Ш. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6. – С. 28–52. – DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2024.
80. Климович, А.П. Риски концентрации власти в эпоху искусственного интеллекта: между следящим капитализмом и цифровым Левиафаном / А.П. Климович // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 154–170. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1784> (дата обращения: 27.05.2026).
81. «Когда рассвело — пришла беда»: репортаж телеканала РБК с уборки мазута // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/01/2025/678ad4ad9a79470a9f351fb8> (дата обращения: 23.05.2026).
82. Колесников, В. Н. Сетевые структуры политической активности в современном российском обществе / В. Н. Колесников // Управленческое консультирование. – 2013. – № 1. – С. 99–108.
83. Кольба А. И. Исследование региональных и городских политических конфликтов: основные концепты и перспективы развития субдисциплин / А. И. Кольба // Политическая наука. – 2020. – №3. – С. 52–73.
84. Косоруков, А. А. Общетеоретические основания процесса принятия политических решений (на примере современной России) / А. А. Косоруков // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 41. – С. 166–184.
85. Косоруков, А. А. Публичная политика в системе государственного управления / А. А. Косоруков // Политика и Общество. – 2018. – № 4. – С. 62–68. – DOI: 10.7256/2454-0684.2018.4.26029.
86. Кранзеева, Е. А. Триггерные повестки сетевой коммуникации в регионах ресурсного типа / Е. А. Кранзеева, Я. А. Брандт, А. Л. Бурмакина // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2025. – Т. 4. – № 4(16). – С. 447–460.
87. Кубани выделили ₽1,5 млрд на ликвидацию последствий разлива мазута // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/01/2025/6795e3aa9a79471d8c4c3a7b> (дата обращения: 23.05.2026).

88. Кульназарова, А. В. Особенности коммуникаций в социальных сетях кандидата А. Беглова в предвыборной кампании на пост губернатора Санкт-Петербурга в 2024 году / А. В. Кульназарова, М. В. Нестерова // Политика и общество. – 2024. – № 3. – С. 46–55.
89. Кушнерук, С. Л. Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации / С. Л. Кушнерук // Медиалингвистика. – 2024. – Т. 11. – № 3. – С. 300–324.
90. Лапин, Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева ; Российская акад. наук, Институт философии, Науч.-координационный совет «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» при Секции ФСПП ООН РАН. – М. : ИФ РАН, 2010. – 109 с.
91. Ларский, Г. А. Телеграм-каналы как новый инструмент формирования повестки дня / Г. А. Ларский // Вопросы медиабизнеса. – 2025. – Т. 4. – № 2. – С. 59–70. – DOI: 10.24412/3034-1930-2025-0180.
92. Леонтьева, М. М. От информирования к взаимодействию? Особенности развития цифровых каналов коммуникации граждан и власти в регионах России / М. М. Леонтьева, А. Г. Санина // Мир России. Социология, этнология. – 2025. – Т. 34. – № 2. – С. 49–74. – DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-2-49-74.
93. Лесные пожары в Сибири. Что делают власти? И как спастись от задымления? // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/6714753> (дата обращения: 23.05.2026).
94. Ликвидация разлива нефти в Норильске, 2020 год // МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/informacionnye-proekty/2020-30-letie-mchs-rossii/30-let-mchs/4316352> (дата обращения: 23.05.2026).
95. Линде, А. Н. Значение концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации / А. Н. Линде // Русская политология. – 2017. – № 2. – С. 73–81.
96. Линде, А. Н. Политическая коммуникация и делиберативная демократия в теории Ю. Хабермаса / А. Н. Линде // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4.

97. Лукьянова, Г. В. Особенности формирования повестки дня в мессенджере Телеграм / Г. В. Лукьянова, А. Ю. Соловьев // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2024. – Т. 24. – № 1. – С. 90–97.
98. Луман, Н. Невероятность коммуникации / Н. Луман ; пер. с нем. А. М. Ложеницина ; под ред. Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. – Вып. 3 / отв. ред. А. О. Бороноев. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000.
99. Луман, Н. Общество общества : В 3 кн. Книга 1: Общество как социальная система / Н. Луман ; пер. с нем. А. Антоновского. – М. : Логос, 2004. – 232 с.
100. Луман, Н. Почему необходима «системная теория» / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии / под ред. А. О. Бороноева. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1994. – С. 43-54.
101. Лысцов В. В. Теории процессов принятия политических решений: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Лысцов Вячеслав Викентьевич. – М., 1994. – 137 с.
102. Мазут не ушел в песок. В Анапе и Темрюкском районе идет очистка прибрежной полосы от нефтепродуктов // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7383795> (дата обращения: 26.05.2026).
103. Маклюэн, М. Понимание Медиа. Внешнее расширение человека / М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. – 2-е изд. – М. : «Гиперборей», «Кучково поле», 2007. – 464 с.
104. Малышева, О. П. Сетевое моделирование предикационного ядра цифровой социально-политической повестки дня: опыт применения графовой нейросети «Концептоскоп» для анализа Телеграм-канала Д. А. Медведева в 2022–2023 гг. / О. П. Малышева, Н. А. Рябченко // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5(107). – С. 125–136.
105. Марков, Б. В. Человек в сетевом обществе / Б. В. Марков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2021. – № 2(37). – С. 194–207.
106. Медведев поручил взять под контроль ситуацию с лесными пожарами в Сибири // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/6716537> (дата обращения: 23.05.2026).

107. Медведев поручил Минприроды проверить проект завода по разливу воды на Байкале // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6209253> (дата обращения: 25.05.2026).
108. Медведев поручил проверить версию об умышленных поджогах сибирских лесов // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6721695> (дата обращения: 23.05.2026).
109. Минприроды: Для уборки всех свалок в Чите нужно 24 млн руб. // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/01/14/71091077/> (дата обращения: 23.05.2026)
110. Мирошниченко, И. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82–102.
111. Мирошниченко, И. В. Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова, А. А. Гнедаш, Н. А. Рябченко. – Краснодар : ООО «Просвещение-Юг», 2012. – 181 с.
112. Мирошниченко, И. В. Эффекты и результаты сетевизации современной публичной политики / И. В. Мирошниченко // Вестник Пермского университета. Политология. – 2014. – № 4. – С. 42–69.
113. Михайленок, О. М. Сетевой дискурс и отношения власти / О. М. Михайленок, О. А. Воронкова // Власть. – 2024. – Т. 32. – № 5. – С. 136–142.
114. Михайлова О. В. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов / О. В. Михайлова // Вестник Московского университета. Управление (государство и общество). – 2011. – № 3 (21). – С. 44–58.
115. Мусорная столица России Чита в фотографиях Ильи Варламова // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/gorod/2019/04/11/71100782/> (дата обращения: 23.05.2026).
116. МЧС показало кадры Черного моря после разлива нефтепродуктов // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2024-12-20/496137-mchs_pokazalo_kadry_chernogo_morya_posle_razliva_nefteproduktov (дата обращения: 26.05.2026).

117. МЧС сообщило о локализации разлива топлива в Норильске // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/06/2020/5eda011b9a79470de3e34230> (дата обращения: 23.05.2026).
118. Мэрия Читы: Уборка свалок проходит по плану, а не из-за видео Варламова // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/04/12/71100917/> (дата обращения: 23.05.2026).
119. Наедине с мусором: реформа ТКО буксует в Забайкалье // EastRussia. URL: [https://www.eastrussia.ru/material/naedine-s-musorom-reforma-tko-buksuet-v-zabaykale-/](https://www.eastrussia.ru/material/naedine-s-musorom-reforma-tko-buksuet-v-zabaykale/) (дата обращения: 23.05.2026).
120. Несанкционированные свалки начали убирать в Чите после видео Варламова // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/04/12/71100860/> (дата обращения: 23.05.2026).
121. Николаева М. В. Репрезентации политических субъектов в публичном онлайн-пространстве современной России: дис. ... канд. полит. наук: 5.5.2 / Николаева Мария Витальевна. – Краснодар, 2022. – 220 с.
122. Новые главы Коми и Архангельской области выступили против полигона в Шиесе // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/704700> (дата обращения: 25.05.2026).
123. «Норникель» опубликовал хронологию аварии с разливом топлива // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/03/06/2020/5ed7dad9a79472475bc4f62> (дата обращения: 23.05.2026).
124. «Норникель» полностью возместил ущерб за разлив топлива в Норильске // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/03/10/860881-nornikel-polnostyu-vozmestil-uscherb-za-razliv-topлива-v-norilske> (дата обращения: 23.05.2026).
125. О едином документе территориального планирования и градостроительного зонирования муниципального образования город Краснодар: решение городской Думы Краснодара от 27 ноября 2024 г. № 82 п. 4. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407518584> (дата обращения: 25.05.2026).

126. Общественные обсуждения по проекту Единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования стартуют 19 октября // Официальный интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара. URL: <https://krd.ru/novosti/glavnye-novosti/obshchestvennye-obsuzhdeniya-po-proektu-edinogo-dokumenta-territorialnogo-planirovaniya-startuyut-19/> (дата обращения: 25.05.2026).
127. Около 37 тыс. тонн загрязненного мазутом песка собрали на Кубани // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1001056> (дата обращения: 26.05.2026).
128. «Олерон+» на «четвёрку» оценил свою работу по уборке мусора в Забайкалье // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2020/03/12/71141780/> (дата обращения: 23.05.2026).
129. «Олерон+» останется регоператором системы обращения с ТКО в 2020 г. без нового конкурса // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/01/07/71089646/> (дата обращения: 23.05.2026).
130. «Олерон» составил график уборки мусора в 17 районах Забайкалья // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2020/06/16/71153285/> (дата обращения: 23.05.2026).
131. Онуприенко, К. А. Аудитория новостных Телеграм-каналов как объект медиапсихологических исследований / К. А. Онуприенко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 209–218.
132. Опарина, И. Г. Интернет в современном обществе: Социально-философский анализ: дис. канд. фил. наук: 09.00.11 / Сиб. аэрокосм. акад. им. акад. М. Ф. Решетнева / Опарина Ирина Геннадьевна. – Красноярск, 2005. – 142 с.
133. Осипов Кузнецову об уборке мусора в Чите: Подрядчики вас дурят // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2019/04/08/71100272/> (дата обращения: 23.05.2026).
134. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академический Проект, 2000. – 880 с.
135. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс; пер. с англ. Н. Л. Поляковой // Американская социологическая мысль:

- Тексты / сост. Е. И. Кравченко ; под общ. ред. В. И. Добренькова. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. – С. 494–526.
136. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 269 с.
137. Пешкин, К. Катастрофа в Чёрном море: с чего всё начиналось и как изменилась обстановка / К. Пешкин // Россия-Кубань. [Электронный ресурс] URL: <https://kubantv.ru/katastrofa-v-chernom-more-2024/katastrofa-v-chernom-more-s-sego-vse-nacinalos-i-kak-izmenilas-obstanovka> (дата обращения: 26.05.2026).
138. Пожары в Сибири. Что важно знать // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/07/2019/5d3e9a7947963aa2faad> (дата обращения: 23.05.2026).
139. Попова, О. В. Особенности коммуникации политизированных сообществ в русскоязычных телеграм-каналах / О. В. Попова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19. – № 2. – С. 215–229. – DOI: 10.21638/spbu23.2023.205.
140. Попова, О. В. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам / О. В. Попова, С. И. Суслов // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 160–182. – DOI: 10.31249/poln/2021.01.07.
141. Почепко, В. В. Очерки о власти: новые подходы и интерпретации / В. В. Почепко, Р. А. Хомелева ; НОУ «Ин-т экономики и финансов». Каф. социал.-гуманит. наук. – СПб. : НИИ химии, 1998. – 200 с.
142. Почти 150 участников очистки побережья от мазута обратились к медикам // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/15/01/2025/6787d4709a7947312c9e98a0> (дата обращения: 23.05.2026).
143. Путин возмутился тем, что власти узнали о разливе нефти в Норильске из соцсетей // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4366002> (дата обращения: 23.05.2026).
144. Разлив мазута в Керченском проливе признали ЧС федерального уровня. Как будут справляться с экологической катастрофой // Российская газета. URL:

- <https://rg.ru/2024/12/26/reg-ufo/mchs-v-zone-razлива-mazuta-vveden-rezhim-chs-federalnogo-haraktera.html> (дата обращения: 23.05.2026).
145. Разлив мазута на черноморском побережье получит статус федеральной ЧС // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/20241226/tanker-1991398585.html> (дата обращения: 26.05.2026).
146. Реакция соцсетей на пожары. Что не так с акцией #СпаситеСибирь // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/31/07/2019/5d40771c9a79473112fb55f0> (дата обращения: 23.05.2026).
147. Родионов, А. А. Интернет: Сущность и социальные функции, социологический подход: дис. канд. соц. наук: 22.00.01 / Родионов Андрей Андреевич. – Саратов, 2000. – 150 с.
148. «Роскосмос» опубликовал снимки места разлива топлива в Норильске // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/04/06/2020/5ed952ef9a7947cd0abfaca9> (дата обращения: 23.05.2026).
149. Роспотребнадзор примет меры в случае ухудшения состояния морской воды в Анапе // Итерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/rospotrebnadzor-primet-mery-v-sluchae-uhudsheniya-sostoyaniya-morskoj-vody-v-anape> (дата обращения: 26.05.2026).
150. Росприроднадзор обосновал оценку ущерба при разливе топлива в Норильске. Как ведомство рассчитало рекордный штраф в ₽148 млрд // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/02/10/2020/5f748a779a79478068822a48> (дата обращения: 23.05.2026).
151. РСТ отложила работу над тарифом на вывоз мусора в Забайкалье из-за регоператора // ЧИТА.ру. URL: <https://www.chita.ru/text/politics/2019/11/18/71127971/> (дата обращения: 23.05.2026).
152. Рябченко, Н. А. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России / Н. А. Рябченко, И. В. Мирошниченко. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2012. – 173 с.

153. Рябченко, Н. А. Перспективы развития публичной политики в online-пространстве современной России / Н. А. Рябченко // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2012. – № 3. – С. 107–111.
154. Рябченко, Н. А. Сетевая локальная политика в условиях новой политической реальности: факторы, ресурсы, механизмы и технологии / Н. А. Рябченко, И. В. Мирошниченко, А.А. Гнедаш. – Краснодар : ОИПЦ «Перспективы образования», 2017. – 211 с. ISBN: 978-5-93749-240-1.
155. Рябченко, Н. А. Субъекты социальной сферы в условиях цифровой реальности: факторы развития и новые методы исследования / Н. А. Рябченко, А. А. Харитонов // Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека : Материалы IX Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Кубанского государственного университета (Кубань, 31 мая 2020 года). – Краснодар : Изд-во «Парабеллум», 2020. – С. 161–168.
156. Самаркина, И. В. Политическая картина мира в системе политического знания / И. В. Самаркина // Южно-российский журнал социальных наук. – 2013. – № 1. – С. 20–30.
157. Сиркия, Н. П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) / Н. П. Сиркия // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – № 2–2 (10). – С. 164–170.
158. СК возбудил первое уголовное дело о пожарах в Сибири // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/6724500> (дата обращения: 23.05.2026).
159. Сморгунов, Л. В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XX веке / Л. В. Сморгунов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 6(4). – С. 89.
160. Соколов, А. В. Осмысление трансформации государства в условиях противоречий начала XXI века / А. В. Соколов // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 317–324.

161. Соловьев, А. И. Дискурсы и праксисы: может ли идеология помочь в управлении государством? / А. И. Соловьев // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – № 1(88). – С. 7–29.
162. Сорокина, Н. Ю. Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации / Н. Ю. Сорокина // Уровень жизни населения регионов России. – 2025. – Т. 21. – № 3. – С. 447–460.
163. Сосунов, Д. В. Процесс принятия политических решений в современной России: федеральный и региональный уровень : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Сосунов, Денис Владимирович. – М., 2008. – 226 с.
164. Строитель завода на Байкале не отказался от планов открыть его в конце 2019 года // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/654934> (дата обращения: 25.05.2026).
165. Суд запретил китайской компании строить завод на берегу Байкала // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/656782> (дата обращения: 25.05.2026).
166. Суд обязал «Норникель» выплатить ₽146 млрд за разлив топлива в Норильске // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/05/02/2021/601cfb6d9a7947666e740cda> (дата обращения: 23.05.2026).
167. Суд признал незаконным разрешение на строительство завода по разливу байкальской воды // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/6263517> (дата обращения: 25.05.2026).
168. Суд приостановил строительство вызвавшего протесты завода на Байкале // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/15/03/2019/5c8b549c9a79474873b44e6e> (дата обращения: 25.05.2026).
169. Тезадова, Д. А. Сетевые ресурсы развития социальной политики в современной России: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Тезадова Диана Артуровна. – Краснодар, 2023. – 212 с.
170. Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – СПб. : Издательство «Владимир Даль», 2002. – 448 с.
171. Тимофеева, Л. Н. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии / Л. Н. Тимофеева, Н. А. Рябченко,

- О. П. Малышева, А. А. Гнедаш // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 37-51. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.04>.
172. Тимофеева, Л. Н. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020» / Л. Н. Тимофеева, Н. А. Рябченко, О. П. Малышева, А. А. Гнедаш // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 23-39. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.03>.
173. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. – М. : АСТ, 2002. – 776 с.
174. Туровский, Р. Ф. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // Р. Ф. Туровский, К. Ю. // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 48-73. URL: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2019.02.03> (дата обращения: 26.05.2026).
175. Туровский, Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа / Р. Ф. Туровский // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 2. – С. 77–95.
176. Туровский, Р. Ф. Факторы губернаторских отставок в России / Р. Ф. Туровский, Е. М. Луизидис // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 4. – С. 161-178. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.13> (дата обращения: 26.05.2026).
177. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 (ред. от 25.08.2023) «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. №756» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 43. – Ст. 7382.
178. Усманова, Р. М. К вопросу о реализации отдельных форм делиберативной демократии / Р. М. Усманова // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 4.
179. Усманова, Р. М. О соотношении понятий «Публичное регулирование», «Публичное управление» и «Публичная власть» / Р. М. Усманова // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – № 3. – С. 133–140.

180. Ученые взяли пробы на месте разлива топлива на ТЭЦ-3 в Норильске // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/719735> (дата обращения: 23.05.2026).
181. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.
182. Черняков, А. Н. Политический дискурс в аспекте самореализации в сети Интернет / А. Н. Черняков, Р. А. Дунаев // Наука. Искусство. Культура. – 2016. – № 1(9). – С. 107–111.
183. Чирикова, А. Е. Власть в малом российском городе / А. Е. Чирикова, В. Г. Ледаев. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. – 412 с.
184. Чмель, К. Ш. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес / К. Ш. Чмель, А. М. Климова, Е. М. Митрохина // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 83–98.
185. ЧС с разливом дизеля в Норильске. Что важно знать // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/06/2020/5ed7b3a19a79470f8a58995b> (дата обращения: 23.05.2026).
186. Что известно о строительстве завода по разливу воды на Байкале // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6221279> (дата обращения: 25.05.2026).
187. Шалимов, А. Б. Структура медиадискурса российских региональных Телеграм-каналов / А. Б. Шалимов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2024. – Т. 10. – № 4. – DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-6.
188. Шестакова, А. А. Новые субъекты публичной политики в условиях сетевого общества: дис. канд. полит. наук: 5.5.2 / Шестакова, Анастасия Андреевна. – СПб., 2023. – 198 с.
189. Шюц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль: Тексты / сост. Е. И. Кравченко ; под общ. ред. В. И. Добренькова. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996.
190. Экоактивисты выступают против строительства завода по разливу воды на Байкале // Агентство социальной информации. URL:

- <https://asi.org.ru/news/2019/02/21/bajkal-protesty-zavod-rozliv-vody/> (дата обращения: 25.06.2026).
191. Anderson J. E. *Public Policymaking: An Introduction*. – 5th ed. – Boston : Houghton Mifflin Company, 2003. – 322 p.
 192. Baumgartner F. R., Jones B. D. *Agendas and Instability in American Politics*. 2nd ed. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 2009. – 368 p.
 193. Bevir M. *Governance: A Very Short Introduction*. – Oxford : Oxford University Press, 2012.
 194. Birkland T. A. Focusing Events, Mobilization, and Agenda Setting // *Journal of Public Policy*. – 1998. – Vol. 18. – No 1. – P. 53–74. – DOI: 10.1017/S0143814X98000038.
 195. Blanco I., Lowndes V., Pratchett L. Policy Networks and Governance Networks: Towards Greater Conceptual Clarity // *Political Studies Review*. 2011. – Vol. 9. – No 3.
 196. Cairney P., Jones M. D. Kingdon's Multiple Streams Approach: What Is the Empirical Impact of this Universal Theory? // *Policy Studies Journal*. – 2016. – Vol. 44. – No 1. – P. 37–58. – DOI: 10.1111/psj.12111.
 197. Castells M. *The Rise of the Network Society*. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. – 625 p.
 198. Chadwick A. *The Hybrid Media System: Politics and Power*. – New York : Oxford University Press, 2013. – 272 p.
 199. Cobb R. W., Elder C. D. *Participation in American Politics: The Dynamics of Agenda-Building*. – Boston : Allyn and Bacon, 1972. – 182 p.
 200. Cohen M. D., March J. G., Olsen J. P. A Garbage Can Model of Organizational Choice // *Administrative Science Quarterly*. – 1972. – Vol. 17. – No 1. – P. 1–25. – DOI: 10.2307/2392088.
 201. Dillet B. Speaking to Algorithms? Rhetorical Political Analysis as Technological Analysis // *Politics*. – 2022. – Vol. 42. – No 2. – P. 231–246. – DOI: 10.1177/0263395720968060.

202. Douglas K. M., Sutton R. M., Cichocka A. The Psychology of Conspiracy Theories // *Current Directions in Psychological Science*. – 2017. – Vol. 26. – No 6. – P. 538–542. – DOI: 10.1177/0963721417718261.
203. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. – 1993. – Vol. 43. – No 4. – P. 51–58. – DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.
204. Fairclough, N. *Discourse and Social Change*. – Polity Press, 1992. – 135 p.
205. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge and The Discourse on Language*. – New York : Pantheon Books, 1972. – 246 p.
206. Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Social Media and Political Agenda Setting // *Political Communication*. – 2022. – Vol. 39. – No 1. – P. 39–60. – DOI: 10.1080/10584609.2021.1910390.
207. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. – 301 p.
208. Hall P. A. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policy-Making in Britain // *Comparative Politics*. – 1993. – Vol. 25. – No 3. – P. 275–296.
209. Hameleers M., Minihold S. Constructing Discourses on (Un)truthfulness: Attributions of Reality, Misinformation, and Disinformation by Politicians in a Comparative Social Media Setting // *Communication Research*. – 2022. – Vol. 49. – No 8. – P. 1176–1199. – DOI: 10.1177/0093650220982762.
210. Heft A., Buehling K. Measuring the Diffusion of Conspiracy Theories in Digital Information Ecologies // *Convergence*. – 2022. – Vol. 28. – No 4. – P. 940–961. – DOI: 10.1177/13548565221091809.
211. Hogan B., Carrasco J. A., Wellman B. Visualizing Personal Networks: Working with Participant-Aided Sociograms // *Field Methods*. – 2007. – No 2(19). – P. 116-144.
212. Howlett M., McConnell A., Perl A. Streams and Stages: Reconciling Kingdon and Policy Process Theory // *European Journal of Political Research*. – 2015. – Vol. 54. – No 3. – P. 419–434. – DOI: 10.1111/1475-6765.12064.

213. Huszár F., Ktena S. I., O'Brien C., Belli L., Schlaikjer A., Hardt M. Algorithmic amplification of politics on Twitter // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2022. – Vol. 119. – No 1. Article e2025334119. – DOI: 10.1073/pnas.2025334119.
214. Jost J. T., Baldassarri D. S., Druckman J. N. Cognitive-motivational mechanisms of political polarization in social-communicative contexts // *Nature Reviews Psychology*. – 2022. – Vol. 1. – No 10. – P. 560–576. – DOI: 10.1038/s44159-022-00093-5.
215. Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. 2nd ed. – New York : Longman, 1995. – 254 p.
216. Kligler-Vilenchik N., Baden C., Yarchi M. Interpretative Polarization across Platforms: How Political Disagreement Develops Over Time on Facebook, Twitter, and WhatsApp // *Social Media + Society*. – 2020. – Vol. 6. – No 3. Article 2056305120944393. – DOI: 10.1177/2056305120944393.
217. Lasswell H. D. *The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis*. – College Park : Bureau of Governmental Research, College of Business and Public Administration, University of Maryland, 1956. – 23 p.
218. Leon P. de. *A Theory of Termination in the Policy Process: Roles, Rhymes, and Reasons*. – Santa Monica, Calif. : Rand, 1977. – 41 p.
219. Lindblom C. E. The Science of “Muddling Through” // *Public Administration Review*. – 1959. – Vol. 19. – No 2. – P. 79–88.
220. Lindblom C. E., Woodhouse E. J. *The Policy-Making Process*. – Prentice Hall, 1993. – 164 p.
221. Livingston S. *The Hybrid Media System: Politics and Power*. By Andrew Chadwick. – New York: Oxford University Press, 2013. – 272 p. // *Perspectives on Politics*. – 2015. – Vol. 13. – No 1. – P. 204–205.
222. March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *American Political Science Review*. – 1984. – Vol. 78. – No 3. – P. 734–749.
223. March J. G., Olsen J. P. Elaborating the “New Institutionalism” // *Arena Working Paper*. – 2005. – No. 11.

224. Marin A., Wellman B. Social network analysis: An introduction. In J. Scott & P.J. Carrington (Eds.) // *The Sage handbook of social network analysis* Thousand Oaks, CA: Sage. – 2011. – P. 11–25.
225. McCombs M. E., Shaw D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Vol. 36. – No 2. – P. 176–187. – DOI: 10.1086/267990.
226. McGratha C., Blytheb J., Krackhardt D. The effect of spatial arrangement on judgments and errors in interpreting graphs // *Social Networks*. – 1997. – No 3(19). – P. 223–242.
227. Moody J., White D. R. Structural Cohesion and Embeddedness: A Hierarchical Concept of Social Groups // *American Sociological Review*. – 2003. – No 1(68). – P. 103–127.
228. Ostrom E. Polycentric Systems for Coping with Collective Action and Global Environmental Change // *Global Environmental Change*. – 2010. – Vol. 20. – No 4. – P. 550–557. – DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2010.07.004.
229. Rainie, L., & Wellman, B. (2012). *Networked: The New Social Operating System*. MIT Press. – 358 p.
230. Scacco J. M., Coe K. *The Ubiquitous Presidency: Presidential Communication and Digital Democracy in Tumultuous Times*. – New York : Oxford University Press, 2021. – 227 p. – DOI: 10.1093/oso/9780197520635.001.0001.
231. Sevignani S. Digital Transformations and the Ideological Formation of the Public Sphere: Hegemonic, Populist, or Popular Communication? // *Theory, Culture & Society*. – 2022. – Vol. 39. – No 4. – P. 91–109. – DOI: 10.1177/02632764221103516.
232. Simon H. A. *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization*. – New York : The Macmillan Company, 1947. xvi, 259 p.
233. Törnberg P. How digital media drive affective polarization through partisan sorting // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2022. – Vol. 119. – No 42. Article e2207159119. – DOI: 10.1073/pnas.2207159119.

234. Törnberg P., Törnberg A. Inside a White Power Echo Chamber: Why Fringe Digital Spaces Are Polarizing Politics // *New Media & Society*. – 2024. – Vol. 26. – No 8. – P. 4511–4533. – DOI: 10.1177/14614448221122915.
235. Vaccari C., Valeriani A. Outside the Bubble: Social Media and Political Participation in Western Democracies. – New York : Oxford University Press, 2021. – 302 p. – DOI: 10.1093/oso/9780190858476.001.0001.
236. Valera-Ordaz L. Political Identity and News Media Choice: The Polarizing Logic of Selective Exposure During the Catalan Independence Conflict // *Mass Communication and Society*. – 2023. – Vol. 26. – No 2. – P. 326–352. – DOI: 10.1080/15205436.2022.2127366.
237. Vu H. T., Guo L., McCombs M. E. Exploring “the World Outside and the Pictures in Our Heads”: A Network Agenda-Setting Study // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. – 2014. – Vol. 91. – No 4. – P. 669–686. – DOI: 10.1177/1077699014550090.
238. Weible C. M., Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C., Nohrstedt D., Henry A. D., de Leon P. A Quarter Century of the Advocacy Coalition Framework: An Introduction to the Special Issue // *Policy Studies Journal*. – 2011. – Vol. 39. – No 3. – P. 349–360. – DOI: 10.1111/j.1541-0072.2011.00412.x.
239. Wellman, B., & Gulia, M. Virtual communities as communities: Net surfers don't ride alone. In M. A. Smith & P. Kollock (Eds.), *Communities in Cyberspace*. Routledge. – P. 167–194.
240. White H. Identity and Control, 2nd ed. // Cambridge University Press, Cambridge. *Social Networks*. – 2007. – No 29(4). – P. 609–616.
241. Wilson S. L., Wiysonge C. Social Media and Vaccine Hesitancy // *BMJ Global Health*. – 2020. – Vol. 5. – No 10. e004206. – DOI: 10.1136/bmjgh-2020-004206.